

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Центр коммуникативных исследований ВГУ
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики

ЗНАЧЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН АКТУАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

*Тезисы II Всероссийской научной конференции
28-29 октября 2016 года*

**Воронеж
2016**

Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: тезисы II Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 28-29 октября 2016 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2016. – 128 с. 200 экз.

Редакционная коллегия:

д.ф.н. И.А. Стернин, к.ф.н. Н.А. Козельская, к.ф.н. М.Я. Розенфельд;
науч. ред. – к.ф.н. А.В. Рудакова

Компьютерная верстка и оригинал-макет – А.В. Рудакова

Сборник включает материалы II Всероссийской научной конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», проведенной Воронежской психолингвистической ассоциацией и Центром коммуникативных исследований Воронежского государственного университета в рамках одноименного гранта РГНФ №15-04-00250 – «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021. В сборнике отражены материалы докладов, сделанных учеными таких городов, как Борисоглебск, Владимир, Волгоград, Воронеж, Краснодар, Курск, Москва, Новокузнецк, Одесса, Омск, Пермь, Саратов, Симферополь, Старый Оскол, Тверь, Тула, Чита, Якутск, Ярославль.

Сборник представляет интерес для филологов, преподавателей русского и иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области психолингвистических и когнитивных исследований, лексикографии, семасиологии, межкультурной коммуникации.

© Издательство «Истоки», 2016

ISBN

СЕМАНТИКА СЛОВА ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ (на материале рассказов А.П. Чехова)

В научных исследованиях внутренняя речь определяется как многоплановый феномен и рассматривается в нескольких аспектах: психологическом, психолингвистическом, литературоведческом и лингвистическом. Мы рассматриваем «литературное воспроизведение» [Виноградов 1939, с. 181] внутренней речи персонажей в прозе А.П. Чехова в плане специфики идиостиля писателя и предлагаем рассмотреть внутреннюю речь в лингвистическом аспекте.

Под внутренней речью в художественном произведении мы понимаем непроизносимую и автокоммуникативную речь персонажа, которая характеризуется лексико-синтаксическим своеобразием.

Была рассмотрена семантика слова во внутренней речи персонажей рассказов А.П. Чехова с целью определения семантической сложности слова в формировании речемышления персонажа и выявления особенностей идиостиля писателя.

Лексическое своеобразие внутренней речи определяется семантической слитностью, осознанием мысли почти без слов, идиоматичностью, т.е. понятностью только самому говорящему. Слово во внутренней речи имеет двойную нагрузку: с одной стороны, оно выражает индивидуальное содержание личности, с другой стороны, «расширяет почти безгранично рамки своих смысловых возможностей» [Виноградов 1939, с. 182].

Смысловые возможности слова способствуют созданию потока сознания персонажа. Поток сознания мы определяем как начальную стадию внутренней речи, основными признаками которого являются непосредственное восприятие действительности персонажем, хаотичность, фрагментарность, ассоциативность. Безусловно, лексико-семантические компоненты организуют поток сознания в комплексе со специфическими синтаксическими структурами. На синтаксическом уровне иллюзия естественной внутренней речи создается отрывочностью, фрагментарностью, предикативностью, нарушением причинно-следственных связей, эллиптичностью, диалогичностью и экспрессивностью конструкций, редуцированностью компонентов и др.

Например, ассоциативность и скачкообразность потока сознания Ольги Ивановны в рассказе «Попрыгунья» организуется новыми словообразованиями, понятными только самой героине:

Ольга Ивановна лежала одетая в неубранной с утра постели и дремала. Ей чудилось, что вся квартира от полу до потолка занята громадным куском железа и что стоит только вынести вон железо, как всем станет весело и легко. Очнувшись, она вспомнила, что это не железо, а болезнь Дымова.

«Nature morte, порт... – думала она (Ольга Ивановна), опять впадая в забытье, – спорт... курорт... А как Шрек? Шрек, грек, грек... грек. А где-то теперь мои друзья? Знают ли они, что у нас горе? Господи, спаси... избави. Шрек, грек...» [Чехов 1985, т. 7, с. 374].

Мысли «попрыгуньи» «порхают» в забытии, создается эффект «мешанины мыслей». В поток сознания Ольги Ивановны неосознанно и бесконтрольно проникают слова из речи художника Рябовского и доктора Коростелева. Слова всплывают в сознании героини по созвучию, не имеют никакого содержания. Это подтверждает мнение психологов об идиоматичности слова во внутренней речи. Смысловая осложненность слова – наполненность индивидуальным смыслом – в потоке сознания представляет характер мышления Ольги Ивановны и раскрывает индивидуальные черты характера легкомысленной героини, живущей жизнью других людей.

А.П. Чехов использует смысловые возможности слова в комплексе с синтаксическими особенностями в создании иллюзии того, что персонажи думают «как в жизни». Однако в прозе А.П. Чехова внутренняя речь может быть представлена внутренним монологом в форме косвенной речи.

В организации противоположной формы представления внутренней речи в художественном тексте – внутреннего монолога в форме косвенной речи – смысловые возможности слова также имеют большое значение.

Внутренний монолог в форме косвенной речи не передает поток речемышления персонажа, не содержит глубинных особенностей его сознания и не имитирует естественность внутренней речи. Внутренний монолог в форме косвенной речи – это свободная форма пересказа мыслей героя, позволяющая автору передать внутреннюю речь персонажа обобщенно, подытоживая его размышления.

Так, внутренняя речь Марьи Васильевны в рассказе «На подводе»:

И опять она думала о своих учениках, о стороже, об учительском совете...
[Чехов 1985, т. 9, с. 217].

Внутренний монолог Марьи Васильевны создается повторением безрадостных мыслей, которые постоянно занимают сознание героини во время возвращения домой. Внутренняя речь передается сжато и обобщенно отдельными темами размышлений героини. Указание на многократное повторение одних и тех же мыслей содержится в авторской речи. Темы размышлений или фрагменты действительности, занимающие сознание героини, представляют собой слова с расширенным смысловым содержанием, «смысловые конденсаты». По мнению психологов, «смысловые конденсаты» – признак естественной внутренней речи. Такие сгустки смысла, как мозаика, объединяясь, организуют целостную объемную картину размышлений персонажа.

Семантическое осложнение слова во внутренней речи актуализируют контекстуальную иронию, создает комический эффект в рассказах А.П. Чехова. Проза писателя характеризуется диалогизированными внутренними монологами, оформленными вопросно-ответными комплексами.

Например, в рассказе «Роман с контрабасом» горячо любимая жена музыканта Смычкова бежала с его другом фаготом Собакиным. Размышления музыканта Смычкова о смысле жизни представлены так:

После того, как он потерял веру в человечество, грудь его наполнилась чувством пустоты, и он стал мизантропом.

«Что такое жизнь? – не раз задавал он себе вопрос. – Для чего мы живем? Жизнь есть миф, мечта... чревоущание...» [Чехов 1985, т. 5, с. 35].

Комизм создает эффект неожиданности и противоречия двух смысловых планов. Глубина и серьезность вопросительной части, содержащей вопрос о жизни, контрастирует с неожиданным ее определением как *мифа* и *чревоущания*. Таким образом, контекстуальную иронию актуализируют противоположные по предметно-логическому значению слова, объединенные в контексте вопросно-ответной внутренней речи.

Следовательно, смысловые возможности слова во внутренней речи персонажей рассказов А.П. Чехова проявляются несколькими способами. Особенности идиостиля писателя заключаются в том, что идиоматичность слова отражается в организации начального этапа внутренней речи – потока сознания. Идиоматичность слова выявляет не только особенности мышления персонажа, но и индивидуальные особенности речевого образа героя. Смысловая конденсация, или способность к смысловому расширению слова способствует созданию обобщенных размышлений персонажа во внутреннем монологе в форме косвенной речи и, одновременно, индивидуально-целостных размышлений персонажа. Кроме того, особенностью идиостиля писателя является актуализация иронии и создании комического эффекта противоположными по предметно-логическому значению словами, представленными в контексте вопросно-ответной внутренней речи персонажа.

Виноградов В.В. О языке Толстого (50-60-е годы). М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 35-36. Кн. 1. С. 117-220.

Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. М.: Правда, 1985.

Н.А. Баланчик (Новокузнецк)

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ И ПАРАДИГМАТИКИ ФИТОНИМОВ В ГОВОРАХ КУЗБАССА

Говоры Кузбасса относятся к диалектам позднего образования, сложившимся не ранее конца XVII-XVIII вв. на базе разных материнских говоров в условиях сложных междиалектных и межъязыковых контактов.

Предметом настоящей работы является вопрос об особенностях номинации и парадигматики фитонимов, функционирующих в говорах Кузбасса.

По словам И.В. Бугаева, «человек всегда имел определенные взаимоотношения с растительным миром, в связи с чем за многовековую историю у различных народов сформировались собственные представления о растениях и свои названия» [Бугаев 2010, с. 6]. В основе наименования фитонимов, функционирующих в говорах Кузбасса, лежат совершенно различные явления реальной действительности, совершенно разные отношения лексической мотивации. Не ставя перед собой задачи выявить и охарактеризовать в пределах этой работы все признаки, которые кладутся в основу диалектных названий растений, рассмотрим несколько фитонимов, для

выяснения особенностей наименования которых решающим или верифицирующим является анализ семантики.

1. Немалую группу слов-фитонимов в говорах Кузбасса составляют те, в основе наименования которых лежит признак цвета: *бордоголовник*, *белоголовник* и др.

Так, растение *бордоголовник* – «травянистое растение кровохлёбка лекарственная. *Sanguisorba officinalis* L.» – получило свое название из-за бордового цвета своего цветка. Ср.: *От животу бордоголовник помогает, цветок у него, как шишечки бордовы.*

Белыми цветками, собранными на верхушке стебля в соцветие, мотивируется название фитонима *белоголовник* – «травянистое растение тысячелистник обыкновенный. *Achillea millefolium* L.». Ср.: *Белоголовник, и он цвет бело, белоголовник называется.*

2. В говорах название растения может возникнуть на основе ассоциации с внешним видом определенного предмета реальной действительности либо какой-либо его части.

Фитоним *баран* – «травянистое растение алоэ. *Aloe arborescens* Mill» – получил свое наименование на основе сходства с рогами животного. Ср.: *А вот этот алой, его звали бараном. У его, вишь, каки листья, ага, как рога, его звали бараном. Вот в старину бараном звали, а час алоем называют.*

Плоды, напоминающие собою мелкие калачи, легли в основу диалектного названия растения *калачики* – «травянистое растение просвирник круглолистный. *Malva rotundifolia* L.». Ср. *В детстве все калачики собирали да ели.*

3. В основу номинации фитонимов в говорах могут лечь особенности места произрастания.

Например, средой обитания растения *купальница* – «травянистое растение калужница болотная. *Caltha palustris* L.» – является болотистое место, отсюда и его название. Ср.: *Купальница больше по болотным местам растет, поэтому и купальница.*

Подтынником прозвали в говорах Кузбасса «травянистое растение чистотел большой. *Chelidonium majus* L.» за его склонность расти под тыном (забором), которым огорожены огороды и сады. Ср.: *Подтынник – это сорная трава, которая растет под забором.*

4. Наименование растения может опираться на характер его использования.

Так, фитоним *кروавник* – «травянистое растение тысячелистник обыкновенный. *Achillea millefolium* L.» – получил такое название потому, что в народной медицине используется в качестве кровеостанавливающего средства. Ср.: *Кроавник кровь хорошо останавливает. В лесу, в поле ли руку поранишь, надо листочек размять и приложить к ранке, и кровь остановиться.*

Золотушная трава – «травянистое растение череда трёхраздельная. *Bidens tripartita* L.» – чрезвычайно популярна в народной медицине как эффективное противозолотушное средство. Ср.: *Золотушной травой болячки, которы на теле, лечат.*

5. В наименовании фитонимов могут отразиться характерные признаки вкуса и запаха растения. Например, *кислянка* – «щавель. *Rumex acetosella* L.». Ср.:

Кислянку и крапиву ели; душичка – «травянистое растение душица обыкновенная. *Origanum vulgare* L.». Ср.: *Заварю чай с душичкой*.

6. При номинации фитонимов внимание может концентрироваться на характерных свойствах растения.

«Травянистое растение крапива жгучая. *Urtica urens* L.» получило в говорах название **жгучка** за свойство вызывать ожог на теле или сильное ощущение жжения. Ср.: *Крапива, которая шибко жжется, она и есть жгучка*.

За способность наносить жесткими острыми листьями небольшие резаные раны приобрел свое наименование фитоним **резун** – «телорез алоэвидный. *Stratiotes aloides*». Ср.: *У резуна листья жесткие, с зубчиками, они и делают порезы человеку*.

Фитонимическая лексика говоров Кузбасса пополняется в основном за счет вторичной номинации, в основе которой лежит ассоциативный характер человеческого мышления, в связи с этим переосмысление значений протекает чаще всего с помощью образного метафорического переноса. При этом деятельность человека детерминирует факт языковой действительности, поскольку «в конечном итоге отношение знака к объекту может быть установлено только через практическую деятельность человека, активного овладения им предметом внешнего мира» [Языковая номинация 1977, с. 133].

Разнодиалектное формирование и оторванность от материнских говоров кузбасской диалектной системы, потребность номинативного характера, связанная с указанием на существенные признаки реалии, послужили основанием для образования дублетно-синонимических (**белоголовник** – **кровавник**) и вариантных (**душичка** – **душничка**) отношений в фитонимической лексике говоров Кузбасса.

Бугаев И.В. Научные и народные названия растений и грибов. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010.
Языковая номинация: Общие вопросы / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1977.

Л.В. Балашова (Саратов)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ¹

Метафора – один из самых «традиционных» объектов лингвистического исследования. И причин тому несколько. Во-первых, «способность к созданию метафор ... является частью языковой компетенции каждого человека» [Лайонз 2003, с. 76]. Поэтому анализ конституционных характеристик языка невозможен без анализа переносных значений лексем. Во-вторых, в современной антропологической научной парадигме, с ее акцентом на функциональном,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по Заданию № 2014/203, код проекта 1549.

когнитивном и культурологическом аспектах, теория метафоры оказывается одной из фундаментальных составляющих в анализе концепта и языковой картины мира (ср.: [Балашова 2013; Баранов 2014; Кубрякова 2012]); в теории коммуникации, дискурса и речевых жанров (ср.: [Дементьев 2013; Орлова 2012]); в психолингвистике, в когнитивно-ассоциативной лингвистике, онтолингвистике и в теории языковой личности (ср.: [Залевская 2000; Шестак 2003]); в социоллингвистике, в анализе социолектов и в культуре речи (ср.: [Розина 2005; Смольникова 2011]); в стилистике и анализе художественного текста (ср.: [Беляевская 2013; Калуженина 2008; Складневская 1993]); в теории межкультурной коммуникации (ср.: [Куницына 2011; Латыпов 2007]).

Разные аспекты анализа метафоры порождают различия (иногда весьма существенные) в определении этого феномена. Поэтому в целом ряде работ последних лет обнаруживается стремление к интеграционному описанию метафоры. Впрочем, в таких исследованиях один из аспектов, как правило, эксплицитно или имплицитно признается ведущим, доминирующим, тогда как остальные оказываются либо подчиненными, производными, либо периферийными (ср.: [Кондратьева 2014; Харченко 2009; Юрков 2012]).

Однако наиболее перспективным представляется интеграционный анализ метафорической системы в ее динамическом и диахроническом аспектах. Такой комплексный (концептуальный и лингвистический) анализ позволяет выявить систему экстралингвистических и собственно языковых факторов, которые оказывают влияние на формирование, развитие и функционирование метафорической системы языка (ср.: [Балашова 2014]). В соответствии с этим принципиально значимым становится динамический подход к метафоре, то есть анализ самого процесса метафоризации, когда во главу угла ставится выявление принципов метафоризации, а не лексический и стилистический анализ распределения уже существующих метафорических единиц по сферам функционирования и др.

Однако сложность динамического анализа метафоризации связана с тем, что в абсолютном большинстве случаев (если только создатель метафоры лично не объяснил, как и на основе каких признаков он использовал метафорический перенос) мы имеем дело с готовыми метафорами и с их употреблением в конкретном тексте. Процесс восстановления мотивации метафорических переносов становится особенно сложным при анализе метафорической системы прошлых эпох, поскольку современное мировосприятие может не совпадать с восприятием мира носителя языка прошлых веков (ср.: [Батурин 2001]). Именно поэтому абсолютно необходимым становится комплексный анализ большого массива лексики по лексикографическим и текстовым источникам.

Балашова Л.В. Русская метафора в диахронии: основные тенденции в развитии переносов в предметной сфере // Известия СГУ. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Вып. 2. С. 3-7.

Балашова Л.В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с.

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.

Батурин А.П. Человек средневековья. Проблемы менталитета. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 160 с.

- Беляевская Е.Г. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3. С. 41-48.
- Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.
- Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 39-54.
- Калуженина Д.В. Художественный гиперконцепт ПРОСТРАНСТВО в поэзии конца XX века (на материале лирики К. Кинчева, Д. Ревякина, Ю. Кузнецова и А. Кушнера): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 20 с.
- Кондратьева О.Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI-XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2014. 405 с.
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Языки славянской культуры, 2012. 208 с.
- Куницына Е.Ю. Лингвистические основы юридической теории художественного перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2011. 35 с.
- Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с.
- Латыпов Н.С. Особенности межъязыкового изоморфизма метафорической номинации (на материале русского и английского вариантов профессионального подязыка авиации): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 20 с.
- Орлова Е.Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 17 с.
- Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М.: Азбуковник, 2005. 302 с.
- Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. М.: Наука, 1993. 152 с.
- Смоляникова Е.Л. Когнитивный механизм метафоризации сленга (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 19 с.
- Харченко В.К. Переносные значения слова. М.: Либроком, 2009. 200 с.
- Шестак А.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 50 с.
- Юрков Е.Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии. СПб.: Изд. дом «Мир русского слова», 2012. 256 с.

Л.И. Богданова (Москва)

НОВЫЕ СЛОВА: ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ

Предметом рассмотрения в настоящей работе являются новые лексико-фразеологические единицы терминологического характера. Как отмечает И. Кечкеш, «ресурсы языка всегда ориентированы на ранее известную реальность, а новым знаниям всегда не хватает языка» [Кечкеш 2014, с. 11]. Появление новых слов и словосочетаний в результате заимствования, развитие новых значений у старых слов – это реакция языка на перемены общественно-политической и экономической жизни общества, обусловленные временем. Отвечая на вызовы времени, новые слова используются для обозначения актуальных для современной жизни смыслов, среди которых особое место занимают такие, как «интерес к будущему, потребность в долгосрочном планировании и поиске его инструментов» [Богданова 2015, с. 41].

Последнее время в российском обществе стало модно заниматься прогнозированием, что проявилось в активном использовании новых

заимствованных слов. Многие ученые, журналисты, специалисты-практики взяли на вооружение такие заимствованные термины, как **форсайт** (foresight), **бизнес-планирование** (business-planning), **дорожная карта** (roadmap) и др., не всегда до конца представляя, что скрывается за этими названиями.

Рассмотрим словосочетание **дорожная карта**. В прямом значении оно понимается как атлас дорог, соединяющих географические пункты. На базе первого значения появилось второе значение – значение маршрута: на карте может быть указан путь перемещения товаров или людей от начального пункта к конечному. Третье значение можно считать новым. Понятие «технологическая дорожная карта» реализует идею выпуска продукта или поставок его потребителям [Что такое дорожная карта? <http://elhow.ru/chto-takoe-dorozhnaja-karta?>]. Дорожная карта представляет собой графический план продвижения какой-либо отрасли, направления к намеченной цели с учетом разных факторов. При этом в отличие, напр., от бизнес-плана дорожная карта предполагает несколько сценариев развития, принимая во внимание возможные риски в реализации задуманного. Основу дорожной карты составляют «узлы», т.е. этапы развития, где надо принимать важные решения в зависимости от сложившейся ситуации. Дорожная карта – это не только план, но и мониторинг его реализации. Однако в нетерминологическом употреблении **дорожная карта** нередко используется как синоним обычного долгосрочного плана, при этом теряются важные содержательные компоненты: ‘наглядность’, ‘пошаговость’, ‘вариативность движения к цели’. Интернет дает следующие примеры употребления данного словосочетания: *Дорожные карты дадут нам понимание цели. Дорожная карта Медведева о доступности обезболивающих. Дорожная карта к высокой зарплате медперсонала. Куда ведет дорожная карта здравоохранения? Дорожные карты охватят всю сферу образования. Дорожная карта демонтажа российского образования и т.п.* Исследование употребления словосочетания **дорожная карта** в современном образовательном дискурсе (ср. *дорожная карта университета, дорожная карта факультета, дорожная карта кафедры на 2016 год* и т.д.) показывает, что этот термин девальвируется в семантическом плане, утрачивая не только компонент ‘вариативность развития’, но и даже ‘долгосрочный характер планирования’. Факт потери термином **дорожная карта** важных компонентов значения зафиксирован новейшими электронными словарями иностранных слов. Так, напр., в электронном словаре И. Мостицкого **дорожная карта** определяется всего лишь как «план действий». Новый калькированный термин нередко вступает в противоречие с устоявшимся употреблением словосочетания **дорожная карта**. Так, без широкого контекста непонятно, о чем может идти речь, напр., в статье с заголовком: «Дорожная карта Крыма». Двойственность восприятия снимается с помощью уточнений. Ср.: *Большая детальная дорожная карта Крыма* (карта автомобильных дорог) и *Соцсфера Крыма получила «дорожную карту»*. *Дорожная карта инфраструктуры Крыма. Куда вкладывать. Минрегион разработал дорожную карту для Крыма* [<http://www.bossmag.ru/archiv/2010/boss-06-2010>] и т.д.

Предпочтительное использование словосочетания **дорожная карта** вместо привычных и слегка надоевших словосочетаний типа **план развития** или **план**

мероприятий нередко диктуется правилами языковой моды, тем представлением, что новые слова отражают «новое мироощущение» [Жукова 2011].

Достаточно популярен в современном научном экономическом дискурсе и термин **форсайт** (от англ. *foresight* – предвидение). Казалось бы, **форсайт** можно было бы заменить известным словом **прогноз**. Однако эти слова нельзя считать эквивалентными. По словам Дмитрия Пескова, руководителя направления «Молодые профессионалы» Агентства стратегических инициатив (АСИ), прогноз может быть абсолютно безответственным заявлением одного человека, в то время как форсайт предполагает вовлечение в процесс создания будущего тех, кто в нем наиболее заинтересован [Наука и технологии РФ. Что такое форсайт образования?]. Будущее действительно нуждается в новых людях с креативным мышлением, способных порождать не только новые идеи, но и создавать новые объекты, т.е. речь идет о креативном классе. **Креативный класс** – термин, введенный американским экономистом Ричардом Флоридой, имеет непосредственное отношение к формированию будущего и форсайту (ср. название его книги – «Креативный класс: люди, которые меняют будущее»).

Итак, **форсайт** понимается как комплексное моделирование основных факторов и сил, которые влияют на построение будущего. В области образования форсайт предполагает проектное деятельностное образование, «образование полного жизненного цикла» [Форсайт образования].

Как отмечают экономисты, будущее в современной цивилизации перестало быть абстракцией, пространством фантазий и субъективных прогнозов, постепенно оно превращается в экономический инструмент. Термин **форсайт** обозначает методику долгосрочного прогнозирования научно-технологического и социального развития, основанную на опросе экспертов. При этом разработка и представление дорожной карты может служить частным методом представления результатов форсайта. Сосредоточенный на глобальных вопросах того или иного общественного сектора, форсайт намного шире в инструментальном плане, чем дорожное картирование. Общим свойством рассматриваемых категорий специалисты считают их вариативность, учет различных сценариев и формирование разнообразных прогнозов. В обычном употреблении набор этих признаков не получает выражения. Ср. употребление слова **форсайт** в интернет-объявлениях: *Личный форсайт – интерактивные занятия для 9 и 11 классов. Кабинет № 109. Старшая школа. Ученики в игровой ситуации моделируют стратегии успешного будущего. Операторы будущего – кто занимается форсайтами в России?* [<http://www.prdesign.ru/text/2013>] и т.п.

Общеупотребительные значения рассматриваемых заимствованных слов к настоящему моменту находятся в процессе становления. Существует проблема их адекватного лексикографического представления.

Богданова Л.И. Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2015. № 2. С. 41-50.

Жукова М.Е. Иноязычные заимствования в русском языке как симптом нового мироощущения // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. №63. С. 92-95.

Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2014. № 1. С. 7-18.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ИНТОНАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРОПОВ В РЕЧИ ВЕДУЩИХ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Экспрессивное интонационное оформление речи как один из признаков публицистического стиля находит наиболее яркое отражение в информационно-аналитических программах телевидения, набирающих всё большую популярность, что подтверждается результатами опросов, проведенных организацией "ФОМнибус" в 2013 и 2014 годах. Опрос показал увеличение количества зрителей информационно-аналитических программ, а также внимание зрителей к стилю презентации материала ведущими. В лингвистике просодические аспекты публичной речи изучались с целью определения набора фоностилистических особенностей, присущих данному стилю. Объектом нашего научного интереса являются тропы в индиостильях ведущих информационно-аналитических программ российского телевидения: Пётр Толстой («Время покажет», Первый канал), Роман Бабаян («Право голоса», ТВ Центр).

Данные экспериментов (см. напр.: [Зубкова 2016а, 2016б]) свидетельствуют о том, что «в просодической организации тропов паузация способствует успешному созданию, а затем и пониманию каламбура. Кроме того, при интерпретации большое значение имеет интонация, с которой был произнесен троп. При формировании и понимании исследуемого феномена отчетливо проявляются мелодический и акцентно-ритмический компоненты» [Зубкова 2016а, с. 288].

Разнообразие тропеических средств, применяющихся в информационно-аналитических программах телевидения, очень велико, наиболее часто встречаются метафора, сравнение, гипербола, олицетворение и разнообразные эпитеты. В выпуске передачи «Время покажет» под названием «Русский мир» от 29.06.2016 неоднократно используется метафорическое выражение *борьба за души русскоязычных жителей*, интонационное оформление которого совпадает и у Петра Толстого, и у закадрового диктора: лексема *душа* отделена микропаузой и произносится на более высоком уровне и с большей интенсивностью. Присутствуют саркастичные фразы, например, комментарии высказывания главнокомандующего ВС Эстонии Рихо Терраса о необходимости установки «лежачего полицейского с шипами» на границе Эстонии и России с целью «обеспечения безопасности». Диапазон падающих и восходящих тонов заметно шире при сарказме, чем при эмоционально-нейтральной речи, при этом ядерные тоны реализуются на лексемах, описывающих явления, которые являются наиболее абсурдными с точки зрения говорящего как в самой ситуации, так и в описывающем ее высказывании: *...давайте примем ответные меры. Поставим цветы в горшках с нашей стороны. Или кактусы...* В целом речь Петра Толстого эмоциональна, грамотна, насыщена тропеическими средствами, и благодаря высокому ораторскому мастерству ведущего, общий ход дискуссии не отклоняется от заданной темы. Стоит отметить, что в передаче

«Время покажет» есть еще один ведущий – Екатерина Стриженова, роль которой в процессе обсуждения невелика, так как более активный и даже резкий стиль Петра Толстого более способствует живой, эмоциональной дискуссии.

Стиль ведущего программы «Право голоса» на телеканале ТВ Центр Романа Бабаяна более спокойный, в его речи присутствует множество лексических единиц с высоким уровнем образности. Так, в выпуске от 5.07.2016 «ЕС: стратегия выживания» ведущий в самом начале дискуссии задает вопрос о последствиях выхода Великобритании из состава Евросоюза: *...не приведет ли Брексит к "эффекту домино"? Стоит ли Евросоюзу закрутить гайки?* Тема Брексита поднималась в программе «Время покажет» на Первом канале практически в то же время, но разницу в стиле ведущих нельзя не заметить. Речь Романа Бабаяна более интонационно-спокойная, тропеические средства маркируются аналогичным образом (относительным повышением интенсивности, реализацией нисходящего или восходяще-нисходящего ядерного тона), но общий эмоциональный фон более нейтрален, мелодика речи более плавная, лишенная резких звуковысотных скачков. Среди приемов, используемых Романом Бабаяном при ведении дискуссии, можно заметить приемы активного слушания: уточняющие вопросы и переспросы, недоверие и собственная позиция ведущего высказываются в мягкой и ненавязчивой форме. Петр Толстой при уточнении позиции говорящего часто использует сарказм, а также явно демонстрирует свое несогласие со звучащей точкой зрения.

На российском телевидении есть также аналитические программы, ведущими которых являются женщины, например, «Воскресное время» с Ирадой Зейналовой (Первый канал) и «В центре событий» с Анной Прохоровой (ТВ Центр). В лингвистике известны исследования гендерных особенностей речи, так как учеными уже давно были замечены различия в лексическом, интонационном и фонетическом оформлении "мужской" и "женской" речи. Среди "женских" особенностей отмечается растягивание гласных по сравнению с "мужской" склонностью к редукции, использование уменьшительно-ласкательных морфем, обилие прилагательных с высокой образностью [Бурвикова 2012]. Однако женщины, занимающие руководящие позиции, приобретают манеру речи, типичную для мужчин. Женщины-ведущие аналитических программ в равной мере используют тропеические средства, интонационное оформление которых совпадает с оформлением, присущим их коллегам-мужчинам. Лексическое наполнение также совпадает. Различие заключается в скорости речи; женщины говорят быстрее, паузы в их речи короче.

Несмотря на то, что модерация дискуссии – это несомненная привилегия ведущего, ни одна информационно-аналитическая программа невозможна без выступлений гостей. Речь представителей разных профессий и разных возрастных групп значительно отличается друг от друга; не последнюю роль в эмоциональных характеристиках речи играют и психофизиологические особенности каждого индивида. Так, например, речь флегматиков менее интонационно-разнообразна, холериков – более экспрессивна. Профессиональная принадлежность тоже придает определенные особенности речи говорящего: и с позиции отбора лексических единиц, и с позиций интонационного

оформления, речь журналиста звучит более резко и эмоционально, чем речь профессора высшего учебного заведения. Несколько особняком стоит речь иноязычных гостей, для которых язык программы не является родным. Использование тропеических средств является свидетельством владения иностранным языком на очень высоком уровне, поэтому в речи иностранных гостей телевидения значительно меньше лексических единиц с высокой образностью, а в интонационном оформлении речи часто присутствуют модели, характерные для их родного языка.

Таким образом, можно сделать вывод об активном использовании тропов ведущими информационно-аналитических программ российского телевидения, и о преобладании "мужских" гендерных особенностей в лексическом и интонационном оформлении речи.

Бурвикова Е.В. Язык мой – пол мой // Русская речь. 2012. №. 3. С. 72-75.

Зубкова О.С. Эмпирическое изучение просодической организации каламбура в спонтанной публичной речи // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск, 20-24 июня 2016 г. / Отв. ред. Ю.И. Александров, К.В. Анохин. М.: Институт психологии РАН, 2016а. С. 288-289.

Зубкова О.С. Влияние просодического фактора на продуцирование и восприятие каламбура в устной публичной речи (некоторые результаты эмпирического исследования) // «Деятельностный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам». Ч. 1. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». М.: Канцлер, 2016б. С.137-138.

В.А. Буряковская (Волгоград)

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ (на материале русско- и англоязычного медиадискурса)

Одна из основных проблем описания семантики слова состоит сегодня в своевременной и точной регистрации новых коннотативных смыслов или признаков, которые ранее не были зафиксированы у данной языковой единицы, с одной стороны, и занесении в словари появляющихся слов – с другой. Что касается первого аспекта, то, полагаем, основная трудность состоит в отслеживании таких языковых единиц, которые по той или иной причине стали употребляться в новом окружении, в несвойственных им ранее контекстах. Второй аспект данной проблемы заключается в критериях отбора новых слов. Здесь мы сталкиваемся с неологизмами и окказионализмами, прежде всего, журналистскими. Если речь идет о русском языке, то еще и с заимствованиями.

Один из главных критериев отбора новых слов – это частотность их употребления в разных контекстах и в разных функциональных стилях. Данный критерий выдвигается лексикографами Оксфордского словаря, что имеет под собой основание, поскольку именно этот критерий позволяет увидеть слово в разных коммуникативных ситуациях и максимально полно описать его лексическое значение. Проблема, скорее, заключается в четком и своевременном отслеживании всех изменений лексического значения единицы.

Рассмотрим некоторые тенденции, которые наметились в современном медиадискурсе. Материалом данного исследования послужили статьи британских СМИ: *The Guardian*, *The Telegraph*, а также данные НКРЯ (газетный) за 2014-2016 гг.

Так, в англоязычном медиадискурсе стали очень популярны гибридные слова и аббревиатуры, нередко связанные с актуальной политической или экономической ситуацией: *Eurozone*, *Brexit*, *Grexit*, *playbour*, *ZIRP*, *ABS*. Употребление гибридной лексики стало модной языковой тенденцией в медиаиндустрии: *This is the back story to the “Brexit” referendum, in which the government is threatening to leave the EU unless its demands for a “better deal for Britain” are met.* В данном примере гибрид *Brexit* образован из двух слов *Britain* и *exit* для обозначения возможного выхода Великобритании из Евросоюза. По этой же аналогии сложен гибрид *Grexit* (*Greece* + *exit*).

В следующем примере мы видим сложение из слов *play* + *labour*, которое дает название новому понятию – «работе, схожей с развлечением»: *I think that’s why the idea of ‘playbour’ [work that feels like leisure] is quite important for Generation Y.*

Следует также обратить внимание на активное использование аббревиатур в англоязычном медиатексте: *Significantly, Hollande has not so far called for NATO’s help. France, historically, has always been ambivalent about the US-led alliance, but the omission is striking. Putin may exploit this faultline, too.* В этом примере аббревиатура *NATO* хорошо знакома читателям еще со времен холодной войны, что является типичным для медиатекста, посвященного политической тематике. А следующие примеры содержат менее узнаваемые и менее понятные даже для англоязычного читателя аббревиатуры, поскольку являются новыми и обозначают новые экономические реалии: *ZIRP* (zero interest rate policy); *ABS* (asset-backed securities): *One of the great unknowns about a ZIRP is how you get out of one, so if you ever encounter a book called Exiting ZIRP, it is more likely to be a tract about economics than a science fiction novel; The ECB are going to buy them from banks in the hope that this frees up money from the banks to lend to the wider economy. ABSs based on mortgages played a big role in the credit crunch.*

Интересен также и следующий пример, образованный из начальных букв компаний *Google*, *Apple*, *Facebook* и *Amazon* и слова *economics* – *GAFAnomics*: *What is GAFAnomics? Our study gives you a simplified and rapid understanding of how Google, Apple, Facebook and Amazon, in their quest of customers’ delight, brushed aside 3 fundamental business rules.*

Что касается русскоязычного медиадискурса, то, по нашему мнению, он является сегодня одним из «проводников» новых смыслов и новых слов в русскую лингвокультуру. Именно в нем происходит объективация ассоциативных признаков лексического значения слова, которые не входят в его содержательный минимум. Это явление было отмечено нами на примере лексем *агрессивный*, *новый*, *эгоист*, *амбициозный*, *карьерист*, *бюрократия*. На конкретных примерах было продемонстрировано, как изменилось значение этих слов – одни признаки ушли на второй план, а другие выдвинулись на первое место. Так, например, *агрессивный* стало употребляться и в некотором

положительном смысле, позаимствовав англоязычные коннотативные смыслы – ‘активный’, ‘пробивной’, ‘энергичный’ [Буряковская 2015].

Фиксировать в словарях или нет все появляющиеся в русском языке заимствования и их производные? Этот вопрос остается пока открытым. Например, такие слова, как *блэкаут, мэсидж, трейдер, капитализация, тренд* и т.п., не зафиксированы в разделах «Частотный словарь публицистики» и «Словарь значимой газетно-новостной лексики» Нового частотного словаря русской лексики [Ляшевская, Шаров 2009]. А ведь в медиадискурсе они уже активно используются.

Кроме того, появились специфические понятия и языковые единицы, их называющие, которые раньше не существовали [Крысин 2011]. Лексема *гламур* и ее производные – яркий тому пример: *гламуриянин, гламуриянка, гламурищик, пригладмурить, гламурничать, выгламурироваться, гламурненько, гламуризация* и др.

Языковая игра, направленная на привлечение внимания массовой аудитории и повышение экспрессивности высказываемых идей в медиатексте, фиксируется при употреблении разного рода окказионализмов, которые представлены лексическими единицами, полученными словосложением русскоязычных или иноязычных основ (*анти-майдан, пост-майдан, правосеки, вознегасник, Гейропа, майданократия, ленинопад*); нестандартным словосложением по типу существительное + местоимение (*крымнаш*). Кроме того, появляются словосочетания, обозначающие новые понятия или как минимум демонстрирующие метаморфозу старых понятий: *вежливые люди, диванные войска, русский мир, гуманитарный конвой*. Так, в словосочетании *вежливые люди* прилагательное *вежливый* приобрело противоположное значение – ‘грозный’, ‘опасный’, ‘вооруженный’. Очевидно, что такого рода номинации обладают высоким эмоциональным и оценочным коннотативным зарядом.

Исходя из выше сказанного, можно сделать несколько выводов: 1) очевидно, что на сегодняшний момент *речь* «опережает» *язык* – мы используем огромное количество слов, не зафиксированных ни в каких словарях; 2) современный процесс заимствования иноязычной лексики в русский язык представляет собой сложный процесс, к которому уже не могут быть применимы категории и понятия, устоявшиеся в лексикографии, лексикологии и стилистике – этот процесс требует более широкого и всестороннего подхода; 3) русскоязычное медийное пространство является одним из главных «проводников» количественных и качественных изменений, происходящих в русском языке, которые воплощают глобалистские черты его развития; 4) русская лексикография нуждается в выработке новых критериев отбора и фиксации языковых единиц.

Буряковская В.А. Культурно обусловленное восприятие явлений в столкновении с чужим культурным кодом // Филологические науки в МГИМО / Отв. ред. С.В. Евтеев. М.: МГИМО-Университет. 2015. № 3. С. 6-16.

Крысин Л.П. Слова-кентавры // Человек, язык и текст: к юбилею Т.В. Шмелевой: сб. ст. / редкол.: Т.Л. Каминская [и др.]. Великий Новгород, 2011. С. 28-36.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?>

Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

The Guardian: газета. Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk>

The Telegraph: газета. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/>

Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц (Омск)

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АССОЦИАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ²

Семантика языкового знака как представленная в сознании действительность, соотношенная с чувственными воздействиями, субъективные переживания внешнего мира, которые «неразрывно связаны с предметной (чувственно-предметной) отнесенностью» [Леонтьев 2003, с. 41], не перестают находиться в центре психолингвистических интересов. Стоящая за словом действительность (проекция голограммы образа мира [Залевская 2014, с. 127]) пронизана знаниями и переживаниями, имеет вид ЖИВОГО ЗНАНИЯ (по терминологии А.А. Залевской). Это живое знание, существующее в виде идеальной формы предметного мира, их связей, отношений, выработанных социумом, своеобразно отражается в виде всего смыслового комплекса, стоящего за знаком в языковом сознании носителя языка и образующего его определенные фрагменты. Указанная семантика как образующая языкового сознания – динамический феномен, имеющий возрастную специфику, которая может быть выявлена в серии экспериментов. Особый интерес представляют в ее составе оценочные фрагменты.

Цель данной статьи – представить результаты пилотажного экспериментального исследования фрагментов языкового сознания носителей русского языка – учащихся школ и гимназий г. Омска. Метод исследования: свободный ассоциативный эксперимент. Задачи исследования: в ассоциативных полях, построенных на материале проведенного свободного ассоциативного эксперимента, выявить оценочные реакции, их количество, место в ассоциативном поле, «статус» и способность формировать «ассоциативный профиль» усредненной языковой личности ученика средней школы.

Испытуемые: 347 учащихся школ и гимназий в возрасте 11-13 лет. Задача, связанная с гендерным аспектом исследования, специально не ставилась, поэтому количество девочек и мальчиков не регламентировалось. В задачи пилотажного эксперимента не входило и формирование репрезентативной выборки с учетом соотношения учащихся школ и гимназий, расположенных в разных районах города.

Процедура эксперимента: свободный ассоциативный эксперимент проводился в письменной форме, в школьной аудитории, в первую половину рабочего дня. На выполнение задания отводилось не более 20 минут. Испытуемым предлагалось отвечать «первым пришедшим на ум словом, не задумываясь, не возвращаться к своим ответам и, конечно, не списывать у соседа».

² Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 15-04-00325а.

Экспериментальный материал – 13 стимулов: *город, Омск, школа, каникулы, семья, друг, интернет, «Вконтакте», игра, компьютер, планшет, книга, реклама*. В формировании списка стимулов участвовали эксперты – студенты факультета филологии и медиакоммуникации ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. На выбор стимулов оказало влияние желание экспериментаторов и экспертов на небольшом стимульном списке, что желательно для проведения ассоциативного эксперимента в детской аудитории, получить эмпирический материал для исследования фрагментов языкового сознания, отражающих коммуникативные, социальные и моральные ценности испытуемых.

Процедура обработки данных: составление ассоциативных полей с обязательным указанием количества отказов. Во всех полях были выделены оценочные реакции. Мы учитывали, что «выражение оценки может сопровождать любой тип связей в паре S – R» [Караулов 1999, с. 110], однако для решения конкретной исследовательской задачи возможно собственно оценочными считать только такие пары, «где оценочное отношение преобладает» [Караулов 1999, с. 110].

Таким образом, в группе оценочных реакций мы оставили только те реакции, которые допускают простейшую и очевидную (без экспертной оценки) замену на *хорошо* или *плохо*. Кроме оценочных, мы отмечали собственно семантические, собственно ассоциативные, реакции развертывания, пояснения и инвективные, а также немотивированные и неадекватные [Гуц 2005]. Необходимо отметить, что большинство проанализированных реакций являются смешанными (комплексными, сложными), что естественно для реакций, получаемых в ассоциативном эксперименте. Испытуемые используют (конечно, неосознанно) несколько тактик реагирования на стимул. В результате выделить «чистые» реакции часто не представляется возможным без «огрубления» и упрощения самого ассоциативного процесса. Примеры:

Школа – *ад, мучение, горе, депрессия, мрак, дичь, боль, грусть, скука, страдания, страх, тюрьма, уныние*, но она же у других респондентов *веселье, супер, в ней интересно; дает получить знания; в ней круто*.

Вконтакте – *чушь, вред, зависимость, гадость, ерунда, мусор, отстой, пустая трата времени*, но и *самопознание, счастье, веселье, свобода, отдых, мои друзья; жду, когда зайду; жду, скоро ли придет мне новое сообщение; Ура!*

Анализ даже этих небольших фрагментов позволяет сделать вывод о наличии в ассоциативных полях амбивалентной оценки стимула, о противоположных взглядах испытуемых на то, что их окружает, чем они пользуются, где живут, с кем общаются. Безусловно, резко отрицательные, скептические и эпатажные реакции малочастотны или единичны, однако они важны при анализе ассоциативных полей и даже могут влиять на теоретические выводы и следующие за ними практические рекомендации.

Представим результаты количественного анализа. Всего в каждом ассоциативном поле 347 реакций, включая отказы. Рядом с названием поля указано общее количество оценочных и смешанных (с обязательным наличием эмоциональной оценки) реакций, причем первая цифра относится к положительной оценке стимула, вторая – к отрицательной: *город* (24 / 17), *Омск* (105 / 46), *школа* (14 / 44), *каникулы* (210 / 1), *семья* (137 / 5), *друг* (125 / 3),

интернет (74 / 9), «*Вконтакте*» (76 / 19), *игра* (22 / 3), *компьютер* (9 / 2), *планшет* (148 / 6), *книга* (104 / 9), *реклама* (23 / 111).

Выявленные противоположные оценки касаются отдельных слов-стимулов и не являются системными. Они характерны для ассоциативных полей *Омск*, «*Вконтакте*» и особенно – для поля *реклама*, в котором отмечено наибольшее количество отрицательных реакций.

Анализ оценочной тактики испытуемых в ситуации свободного ассоциативного эксперимента и соответственно оценочных реакций позволил выявить некоторые характерные черты современного школьника 11-13 лет, в частности типично подростковый скептицизм, пессимизм, склонность к критике, отсутствие авторитетов; его пристрастия, ценности, которыми он дорожит, увлечения – все, что отчетливо видно в зеркале ассоциативного эксперимента, хотя может не осознаваться или скрываться респондентами при анкетировании или интервью. Однако наш анализ и выводы ограничены стимульным списком, т.е. целями и условиями эксперимента. Мы можем моделировать только отдельные фрагменты языкового сознания школьника. Несмотря на эти ограничения, можно с уверенностью утверждать, что исследовательское внимание именно к оценочным ассоциациям, которые помогают испытуемым показать субъективное, пристрастное отношение к содержанию, выраженному словом-стимулом, обнажить свои эмоции и оценки, позволило экспериментаторам услышать своего респондента, его отношение к семье, друзьям, школе, родному городу, к «назойливой и надоевшей» рекламе и, что особенно важно, к тому, что окружает наших детей, заполняет их жизнь, вытесняет многое, что было дорого старшим поколениям.

Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: «Вариант-Сибирь», 2005. 260 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Лондон, 2014. 180 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Изд-во МПСИ; Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.

Л.В. Валеева (Симферополь)

ДОМИНАНТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ *ПЛУТОВСТВО* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русской языковой картине мира семантическая категория *плутводство* имеет культурно-национальную природу. Она отражает степень интеграции общечеловеческих ценностей, обыденного знания и культурной памяти, существующих в языковом коллективе.

Когнитивная основа категории включает, во-первых, ее мыслимое и интеллектуальное представление и, во-вторых, средства ее вербализации. Центром семантической категории *плутводство* является интеллектуальный

компонент, который указывает на достижение субъектом целей путем обмана для получения выгоды. Категория **плутовство** в русском языке включает обязательную семантическую доминанту *ложь*.

Изучение особенностей вербализации лжи показало, что *ложь* является умышленным, намеренным действием, которое направлено на обман кого-либо; *ложь* – это искажение истины, выдумка. П. Экман определяет ложь как феномен общения, как осознанное действие, вводящее реципиентов в заблуждение. Таким образом, П. Экман считает ложь сознательным обдуманым выбором [Экман 2010, с. 18-19].

Анализ лексикографических источников показал, что наблюдается ранжирование семантики *лжи* при вербализации категории **плутовство**. Образ *плута* является собирательным, поскольку это и *мошенник*, и *обманщик*, и *ловкач*, и т.д. А.Ю. Рябова, описывая *мошенничество*, предлагает несколько словесных форм для понимания смыслового содержания понятия: *мошенничество* есть *плутовство*, обман; *плутовство* есть обман; *мошенничество* есть обман [Рябова 2013, с. 235].

Отмечена активизация различных элементов, восходящих к базовому понятию *ложь*, в структуре семантической категории. Доминантой может быть *обманщик* как ловкий и хитрый, не являющийся носителем отрицательных качеств. Учитывая этноспецифический ряд русской ментальности, тождественными **плуту** будут словоформы *забавник*, *потешник*, *увеселитель*. Актуализация данного смыслового компонента формирует группу контекстов в современном русском языке, в которых *плут* выступает как неопасный, кроткий, безобидный для общества человек: *Стало быть, будет петь, коли об заклад побился, божья коровка ты такая, плут ты такой, Моргач!* [<http://www.ruscorpora.ru/> 12.02.2016]; как фольклорный образ или литературный герой типа *Ивана-дурака* или *Лисы Патрикеевны*, это человек, развлекающий окружающих шутками, болтовней: *Плут, как и дурак, не бытовой насмешник, а фольклорный образ, своего рода реалистический символ двойственного значения, сатирическое зеркало для отрицания плутовского мира*» [<http://www.ruscorpora.ru/> 12.02.2016], или обаятельный авантюрист: *Кот в сапогах – плут, обманывающий людей. Он очаровательный жулик или Авантюрист? Плут? Друзья уверяют, что Олег очень великодушен* [<http://www.ruscorpora.ru/> 12.02.2016].

Доминантой может быть *мошенник* – умелый обманщик, лгун, действия которого направлены на получение какой-либо выгоды от обманутого им субъекта. Диапазон текстов современного русского языка, представляющих **плутовство** в этом значении, намного шире. Реализация компонента выгоды высвечивает ракурс личностных смыслов, установок и целей. **Плут** реализует определенную модель асоциального или неэтичного поведения. *Плут* представляется праздным или ленивым человеком: *Но все равно видно, что это плут, любящий посмеяться, вкусно поест* [<http://www.ruscorpora.ru/> 12.02.2016]; может быть лицемером, приспособленцем, скрягой и под.: *В душе он просто плут и хам или Вот пьяный мой сосед, хороший парень, стукач и сводник, плут и алкоголик, слюной умылся, хлебушком утерся, несет-ползет – и пива не забыл*; может быть мерзавцем невысокого ранга, а может быть и

опасным преступником: *Плут* находился в одной из новосибирских колоний, а звонил в другие города [<http://www.ruscorpora.ru/> 12.02.2016].

Важно отметить, в семантической категории *плутовство* нет фактора времени и территориального ограничения. Главное внимание обращено на авантюрный характер *плута*. В современном русском языке часто встречаются конкретизации характерологического типа: *Мне этот Никанор Иванович не понравился. Он выжига и плут. Нельзя ли сделать так, чтобы он больше не приходил?* [<http://www.ruscorpora.ru/> 12.02.2016].

В современном русском языке семантическая категория *плутовство* реализует новые смысловые элементы, детализирующие свойства, характеристику, образы, ментальную и самобытную природу *плута*. В структуре семантической категории активизируются смысловые оттенки с негативной оценкой: коварство, обман, вымогательство, преступление и под.

Рябова А.Ю. Формирование понятия «мошенничество» в лингвистике в XX веке: дореволюционное положение и советская эпоха // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 232-238.

Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2010. 304 с.

О.Е. Виноградова (Воронеж)

СТИМУЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ НАПРАВЛЕННОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ УГЛУБЛЕННОМ ОПИСАНИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Направленный ассоциативный эксперимент используется как метод исследования и углубленного описания семантических компонентов языковых единиц. В докладе представляется методика формулирования вопросов-стимулов для направленного эксперимента с использованием данных словаря сочетаемости.

Уточняющие вопросы направленного ассоциативного эксперимента дают возможность получить большее количество ассоциаций, отражающих различные дифференциальные и оценочные признаки глаголов семантики исследуемого слова. Трудностью в проведении подобных экспериментов является формулирование вопросов для стимулов. Дело в том, что стимулы при направленном ассоциативном эксперименте не могут быть заданы как стандартные для всех типов лексических единиц, они не могут быть одинаковыми для всех слов определенной части речи или для класса слов, для какой-либо семантической подгруппы. Вопросы-стимулы фактически должны определяться конкретной семантикой исследуемого слова. Встает вопрос о том, как получить данные об эффективных формулировках стимула для направленного ассоциативного эксперимента с конкретным словом.

Была выдвинута гипотеза о том, что для выявления эффективных вопросов-стимулов для направленного ассоциативного эксперимента могут быть

использованы данные словарей сочетаемости: зафиксированные в словаре наиболее распространенные сочетания исследуемого слова могут быть интерпретированы как актуализация определенных семантических компонентов значения ключевого слова, что позволяет сформулировать соответствующий вопрос-стимул для верификации данного семантического компонента в значении исследуемого слова.

Покажем предлагаемую нами методику формулирования вопросов-стимулов для направленного ассоциативного эксперимента на примере одного из значений глагола «сидеть». Так, словарь сочетаемости слов русского языка под редакцией П.Н. Денисова, В.В. Морковкина выделяет следующее значение глагола «сидеть» – «делать что-л., заниматься чем-л., находясь в таком положении; трудиться над чем-л. таким, что выполняется обычно в сидячем положении» и приводит в этом значении следующие сочетания:

Сидеть за чем: ~ за уроками, за книгой, за работой, за шитьем, за статьей, за обедом ...

Сидеть над чем: ~ над уроками, над книгой, над статьей, над диссертацией, над проектом, над дипломом ...

Сидеть когда: ~ вечером, утром, сегодня, вчера ...

Сидеть как долго: ~ сколько-л. часов, сколько-л. дней, сколько-л. месяцев, долго ...

Исходя из этой сочетаемости, для испытуемых в психолингвистическом эксперименте были сформулированы следующие вопросы-стимулы: «сидеть за чем?», «сидеть над чем?», «жить когда?», «сидеть как долго?».

Аналогично формулируются вопросы-стимулы для остальных значений исследуемого слова.

По результатам анализа сочетаемости данного глагола во всей совокупности его значений для направленного ассоциативного эксперимента с глаголом «сидеть» был сформулирован следующий набор вопросов-стимулов: «сидеть – это что делать? сидеть в чем? сидеть на чем? сидеть где? сидеть как? сидеть за чем? сидеть когда? сидеть как долго? сидеть без чего? сидеть где? сидеть как долго? сидеть на ком?».

Данная методика применения вопросов-стимулов, сформулированных с использованием словаря сочетаемости русского языка, показала свою эффективность в экспериментах, проведенных нами при исследовании семантики разных частей речи.

В ходе анализа результатов, полученных в процессе проведения ассоциативных экспериментов с разными частями речи, была отмечена определенная особенность ассоциативных реакций на стимулы- прилагательные: при составлении списка стимулов традиционно экспериментаторами берутся прилагательные в форме мужского рода, однако род прилагательного, предлагаемого испытуемым в качестве стимула, существенно ограничивает вариативность ассоциаций, в этом случае род прилагательного-стимула является своеобразным «фильтром». Испытуемые дают реакции в том же роде, что и стимул. Следовательно, возникает необходимость предъявлять стимулы к прилагательным для ассоциативного эксперимента во всех родах.

Для проверки данной гипотезы были проведены ассоциативные эксперименты для описания семантики прилагательных, стимулы-прилагательные предъявлялись в мужском, женском и среднем роде, а также во множественном числе. Проведенные эксперименты выявили новые значения, которые явились результатом интерпретации реакций, полученных на стимулы в разных формах прилагательного.

Таким образом, полученные результаты можно считать убедительными, они свидетельствуют о необходимости предъявления стимула к исследуемому прилагательному во всех родах.

Исходя из убедительных результатов, полученных в ходе проведенных направленных ассоциативных экспериментов с использованием стимульного материала, сформулированного с применением предложенной нами методики, представляется необходимым:

1) использование стимульного материала с учетом типичной сочетаемости исследуемых языковых единиц;

2) предъявление испытуемым стимулов к прилагательным для ассоциативного эксперимента во всех родах, а также во множественном числе для того, чтобы признак грамматического рода и числа не ограничивал набор ассоциаций к стимулу-прилагательному.

Белов А.И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики. Этнопсихолингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков и др. М.: Наука, 1988. С. 49-57.

Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. Изд. 2, испр. М.: «Русский язык», 1983.

В.В. Дементьев (Саратов)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ³

Выделение лексико-семантического аспекта изучения не прямой коммуникации (далее – НК) закономерно, учитывая, что сами номинации *прямой / не прямой* представляют собой **метафоры** (как и тоже выражающие идею «прямоты» дериваты типа: *говорить прямо, напрямую, напрямик и напрямую, прямодушие* и т.д.) – как и многие другие применительно к коммуникации: *открытый / закрытый, глубокий / поверхностный, теплый / холодный, мягкий / жесткий, сладкий / горький, гладкий / корявый, чистый / грязный* (напр., *чистая правда* и *грязная ложь*), *ясный / темный, прозрачный / мутный...* [Дементьев 2006].

³ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по Заданию № 2014/203, код проекта 1549.

Естественно, метафорические номинации *прямой / не прямой (косвенный)* касаются далеко не только коммуникации – ср. (данные простого интернет-поисковика): *прямой и косвенный умысел* (юр.), *прямое и косвенное доказательство* (юр.), *прямой и косвенный ущерб* (юр.), *прямые и косвенные налоги* (юр.), *прямые и косвенные расходы производства* (юр.), *прямые и косвенные затраты предприятия* (юр.), *прямой и косвенный методы анализа движения денежных средств* (юр.), *прямое и косвенное прикосновение* (электротехн.), *прямой и косвенный метод приготовления* (кулинар.), *прямой и не прямой контроль* (общенауч. и администр.), *прямое и не прямое послезародышевое развитие* (биол.), *прямое и не прямое действие радиации* (биол., мед.), *прямая и не прямая калориметрия* (биол., мед.), *прямой и не прямой массаж сердца* (мед.), *прямой и не прямой билирубин* (мед.), *прямой и не прямой метод иммунофлюоресценции* (мед.) и т.д.

Возможно, заслуживает внимания тот факт, что лексема *не прямой* чаще встречается в терминах биологии, медицины, тогда как *косвенный* – юридических и технических, однако это, конечно, только предварительные наблюдения.

Так, *открытость ~ закрытость* – одна из базовых характеристик, применимых к языку и речи/коммуникации (по крайней мере, в европейской традиции) и одновременно – одна из универсальных метафор. Изначально обозначалась доступность наблюдению и – несколько более опосредованно – рефлексии (как и в случае с *прямой ~ не прямой (косвенный)*), естественно использование метафор в других областях, например в медицине: *открытая рана, открытый перелом*, в науке или учебе: *открытый вопрос, открытая проблема*, в литературе: *открытый финал*), при этом важно, что при перенесении на «более психические» сферы, такие как характер человека или коммуникацию, последние выступают как объект. При перенесении на человека актуализируется то, что он дает возможность проделывать с собой такую ментальную операцию; как объект наблюдения, рефлексии и оценки выступает и *речь*.

В целом в русской культуре *открытость* как характеристика человека или коммуникации несет положительную оценку в силу тех национально-культурных сценариев, которые выявляются, например, в [Балашова 2003] (это отражает и частичная синонимия однозначно положительных характеристик: *открытый ~ откровенный ~ искренний ~ честный*), хотя есть и метафоры *открытости* с отрицательной оценкой: *распоясаться, разганизаться...* *Закрытость* же (ср. *замкнутость, застегнутость на все пуговицы* – скорее временные характеристики: состояние сознательной установки или стресса) – менее распространенная и в то же время менее четкая, менее определенная характеристика. С одной стороны, в силу тех же национально-культурных сценариев *закрытость* скорее отрицательная характеристика, с другой – универсальное социальное благо, ибо, препятствуя самовыражению личности, она сохраняет целостность личности.

Изучение номинаций НК продолжает ту традицию, которая была довольно давно заложена в лингвистике, где некоторые явления рассматривались как основные / прямые, соответственно другие явления – как косвенные / не прямые.

Так, в лексике противопоставляются прямые и переносные значения, в морфологии – прямой (прямые) и косвенные падежи, в синтаксисе – прямое и косвенные дополнения (и то и другое, вероятно, идет еще от индоевропеистики, где соответствующие понятия выводились, прежде всего, из особенностей санскрита), прямая и косвенная речь, в прагматике – прямые и косвенные речевые акты, в риторике – непрякая ≈ передаваемая не лично информация / коммуникация (ср. международный сборник статей «Direct and Indirect Speech», который вышел в Берлине в 1986 г. [Direct and Indirect Speech 1986]).

Данный аспект вписывается в общее *метаязыковое* изучение речевой коммуникации в лингвистике (как часть реализации общей метаязыковой / метакоммуникативной функции языка).

Балашова Л.В. Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // Прямая и непрякая коммуникация. Саратов: Колледж, 2003. С. 93-108.

Дементьев В.В. Непрякая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

Direct and Indirect Speech. Ed. by F. Coulmas. Berlin, 1986. Pp. 311-322.

Е.А. Дьяконова (Москва)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА *МОСКВА*

Проведенный психолнгвистический эксперимент состоял из двух частей, которые условно можно назвать «вербальная» и «визуальная».

«Вербальная» часть состояла из свободного и направленного психолнгвистического эксперимента. Для проведения эксперимента испытуемым были предложено слово *Москва*.

Эксперимент проводился в сентябре 2016 г.

В «вербальной» части эксперимента приняло участие 100 испытуемых – лица мужского и женского пола в возрасте от 8 до 83 лет. Испытуемыми выступали жители г. Москвы, Московской области – 90 человек, а также г. Витебска (респ. Беларусь) – 10 человек. Испытуемым была предложена следующая инструкция:

1. Свободный ассоциативный эксперимент:

Напишите любое слово, которое ассоциируются у вас со словом «Москва».

2. Направленный ассоциативный эксперимент:

Ответьте на вопрос: Москва – какая?

В конце анкеты испытуемым было предложено указать возраст, пол и дату заполнения анкеты.

Многие испытуемые указали более одной реакции, как в свободном, так и в направленном ассоциативном экспериментах. Эти реакции включены в ассоциативное поле исследуемого стимула.

На следующем этапе исследования полученные результаты были обработаны и составлены ассоциативные поля исследуемого стимула по свободному и направленному эксперименту, затем результаты экспериментов были

объединены, на следующем этапе методом семной интерпретации были сформулированы семы значения слова *Москва*.

Психолингвистическое значение слова сформулировано в виде связной дефиниции с указанием частотности актуализации тех или иных сем.

МОСКВА

Большой город 49 (большая 22; город 9; огромная 6; большой город 3; безграничная, безразмерная, большой базар, весь мир в одном полисе, дальние концы, застроенная, мегаполис, просторная, слишком большая 1), **с быстрым темпом жизни 40** (суета, скорость 5; суетливая, суетная 4; быстрая, энергичная 3; движение, неспящая 2; беготня, безумная, бешеный ритм, бурлящая, движущаяся, динамичная, ритм, спешащая, спешка, суматошная, скорость жизни, торопящаяся 1), **красивая 29** (красивая 20; красота 3; красавица 2; живописная; красивая, когда солнечная; по-своему красивая 1), **столица 23** (столица 14; столица нашей Родины 2; глава России и стран СНГ, любимая столица, столица всех народов, столица мира, столица Родины, столица России, столица РФ 1), **имеющий много достопримечательностей 21** (Кремль 8; Красная площадь 5; вид со Спасской башни Кремля, Воробьевы Горы, интересная, Останкинская башня, Покровский бульвар, полная достопримечательных мест, Театральная площадь, сад Баумана 1), **разнообразная 17** (разная 8; многогранная 3; город контрастов, многолика, многослойная, неоднозначная, очень разная, разнообразная 1), **с плохой экологией 17** (грязная 6; грязь 2; грязно, без воздуха, большая помойка, вонючая, газ, душная, дымящая, загазованная, плохой воздух 1), **шумный 16** (шумная 14; звон, шумящая 1), **православная 15** (златоглавая 6; церкви 3; духовный центр, купола, Москва, звонят колокола..., православная, старинные церкви и монастыри, храм 1), **проживает много людей 13** (толпа 5; заселенная, кишмящая людьми, коммуналка, многонаселенная, многоквартирный дом, огромное количество людей, перенаселенная, тесная 1), **характерно наличие пробок 12** (пробки 11; пробки по утрам и до самой ночи 1), **развита транспортная сеть 11** (машины 4; метро 3; дороги, схема метро, транспортная, троллейбусы 1), **современный 11** (современная 2; асфальт, бетон, высокие здания, каменная, комфорт, модная, развивающаяся, обновляющаяся, юная 1), **деловой центр 11** (деньги 4; работа 3; работающая 2; деловая, информация, коммуникация 1), **яркая 8** (яркая 7, огни 1), **родной 8** (родной город 3; близкая, дом, привычная, моя Родина, родная 1), **город возможностей 7** (возможности 5; город возможностей, перспективы 1), **статусная 7** (величавая, великая, гордая, золотая, недостижимая, престиж, чопорная 1), **посещаемая лицами из других городов 6** (гостеприимная 2; гостеприимство, радушная, приезжие, улыбающиеся гости столицы 1), **старый 6** (история 3, древность, старинная, устарелость, уходящая 1), **много развлечений 6** (веселье, гламурная, драйв, интересная, тусня, тусовочная 1), **агрессивная 3** (агрессивная, злая, панические атаки 1) **город детства 3** (бабушка на Ленинском, детство, ностальгия 1) **с высоким уровнем жизни 3** (богатая 2, сытая 1), **постоянно в состоянии ремонта 3** (изуродованная Собяниным, перекопанная, бесконечно ремонтируемая), **любимая 3**

(единственная, лучший город земли, любимая несмотря ни на что и ни на кого), **есть вокзалы 3** (запах масла и угля от поездов, Казанский вокзал, Ярославский вокзал), **переулки 3** (закоулки, переулки, переулки-закоулки), **серая 3**, **есть водоемы 2** (Москва-река, вода), **культурный центр 3** (культурная столица, театры, центр культуры), **образованная 2** (умная, университет), **проживают лица разных национальностей 2** (многонациональная, чурки), ассоциируется с **красным цветом 2** (красная, красная звезда)

Оценивается позитивно 6 (чудесная, прекрасная, смелая, неординарная, сильная, удобство)

Оценивается негативно 11 (холодная 3; депрессивная, бестолковая, несуразная, перегруженная, тяжелая, унылая, хамство, хреновая 1)

Не интерпретируемые 7 (лягушка, мокрая, майская, народная, центр, круглая, салют)

Таково психолингвистическое значение слова *Москва*.

В.В. Карпова (Борисоглебск)

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АВТОРА В РОМАНЕ А. БИТОВА «ПУШКИНСКИЙ ДОМ»

Одним из подходов к постижению своеобразия постмодернистского романа следует признать важность художественного применения системы авторских масок, реализованных в частности в «Пушкинском доме» А. Битова. Фигура Автора, эксплицитно проявляющаяся в романе через систему авторских масок, позволяет более глубоко интерпретировать текст как с содержательной, так и с формальной точки зрения. Авторская маска, или автор-персонаж, генетически восходящий к традиционному образу автора, не является, тем не менее, его точной копией. Автор, расщепляющийся в тексте на множество масок, создает эксплицитную персонажную систему авторских масок, от выявления сути которых зависит разрешение всех поднимаемых в произведении проблем.

В результате ощущения кризиса в реальности и литературе постмодернистский автор начинает «пересочинять» действительность, на ходу опровергая и иронизируя над сочиненным. Другими словами, автор-творец не берется воплотить в тексте объективные смыслы бытия и дать эстетически цельное суждение о мире, он перекладывает эту задачу на плечи автора-персонажа, который воплощается в тексте как субъект сознания.

Критика позиции Автора-Бога не позволяет А. Битову вести монологическое повествование, кроме того, он отказывается и от субъективности единственного повествователя. Для того чтобы представить более точную художественную картину, писатель вводит многообразные авторские маски, которые в качестве субъектов сознания, реализующих изучение действительности в тексте, объединяясь, дают максимально объективную оценку бытия. Только такой «полифонический» подход к действительности, по мнению автора, может претендовать на истинность полученного результата.

В прозе А. Битова одновременно бытуют и автор биографический, и его творящее сознание, и автор-текст. Но, безусловно, доминантное воплощение авторского сознания в каждом тексте индивидуально. Можно выделить следующую типологию воплощений авторского присутствия в романе А. Битова «Пушкинский дом»: во-первых, автор-персонаж дробится в тексте на воплощения романиста и филолога. В процессе создания текста автор-романист и автор-филолог сливаются и образуют единое «поле» романа «Пушкинский дом»; во-вторых, авторское сознание, раздробленное на маску автора-романиста и маску автора-филолога, воплощается в тексте через частные авторские маски, исследующие какую-либо интересующую автора проблему. Авторские маски осуществляют исследование через художественные образы.

Расщепление на два доминирующих в романе авторских alter ego – автора-романиста и автора-филолога – приводит к художественной имитации двух разноплановых текстов, написанных художником и филологом. Однако эти два текста взаимозависимы и равноправны. Трудно сказать, создается ли художественный текст, а затем исследуется, или же ведется филологическое исследование, результаты которого лишь художественно воссоздаются романистом. Так или иначе, цель написания каждого из текстов видится, с одной стороны, в углублении содержания другого; а с другой – подрыве авторитета текста – оппонента, не позволяющего ему занять доминирующую позицию всеведения и всезнания.

В целом в романе А. Битова «Пушкинский дом» нашла отражение постмодернистская концепция Автора, когда автор-персонаж, или авторская маска, скрепляющая текст, воплощает основные постмодернистские постулаты. Создавая децентрированное, хаотичное, аструктурное письмо, «автор» тем самым проявляет себя как иронически настроенный маргинал с интертекстуальным сознанием, как шизофреническая личность, обладающая постмодернистской чувствительностью и стремящаяся установить личную коммуникацию с читателем.

С.В. Коваленко (Воронеж)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕН ПОЛИТИКОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (экспериментальное исследование)

Предметом нашего исследования является семантика онимов в психолингвистическом аспекте. В традиционной лингвистике именам собственным зачастую отказывают в наличии семантики, психолингвистика же признает семантическую онимов.

В данном исследовании эта проблема рассматривается на примере имен современных политических деятелей.

Были проведены свободный и направленный ассоциативные эксперименты. Испытуемыми явились 50 студентов Воронежского государственного университета в возрасте 18-22 лет. Эксперимент проводился в сентябре 2016 г.

Результаты экспериментов были обработаны, построены ассоциативные поля исследуемых онимов.

Приведем полученные ассоциативные поля по стимулам *Клинтон* и *Трамп*.

Свободный ассоциативный эксперимент

Клинтон 50: *Хилари* 12; *президент* 7; *Америка*, *женщина* 3; *Билл*, *выборы*, *политик* 2; *ананас*, *бабуля*, *блондинка*, *власть*, *гонка*, *город*, *кобра*, *костюм*, *Криптон*, «*муж и жена – одна сатана*», *США*, *Хью Джекман*, *человек* 1; *отказ* 6.

Трамп 50: *Дональд* 5; *Америка*, *бизнесмен*, *политик*, *состязание*, *тромб* 2; *Англия*, *брил* *Винса Макмэна наголо*, *Вашингтон*, *глаз*, *Джамп*, *Джонатан*, «*Доналд. Доналд Трамп*», *Дональд Дак*, *Жириновский*, *иностранная политика*, *кандидат*, *Левиафан*, *мерзость*, *мужчина*, *нацист*, *неизвестность*, *няшка*, *президент*, *прыгать*, *Россия*, *собака*, *старый*, *США*, *трамвай*, *шут* 1; *отказ* 10.

Направленный ассоциативный эксперимент (какой?)

Клинтон 50: *старая* 7; *строгая* 3; *амбициозная*, *американская*, *американский*, *Билл*, *болезненная*, *деловой*, *дешевый*, *деятельный*, *добрый*, *жадная*, *жесткая*, *злобная*, *исполнительный*, *красавчик*, *красный*, *лишняя*, *милая*, *несерьезный*, *пожилая*, *противоречивый*, *светловолосая*, *седой*, *скользкий тип*, *совокупляющийся в горничными*, *старенькая*, *странная*, *сумасшедшая*, *темная*, *уверенная*, *целеустремленный*, *черный в полосочку*, *чопорный* 1; *отказ* 8.

Трамп 50: *веселый* 6; *богатый* 4; *американский* 3; *высокий*, *старый* 2; *агрессивный*, *высокий в холке*, *губастый*, *жестокий*, *забавный*, *зеленый*, *злой*, *идиотичный*, *крутой*, *мда*, *миллиардер*, *милый*, *настойчивый*, *непонятный*, *несерьезный*, *никакой*, *оригинальный*, *президент*, *сдержанный*, *синий*, *смешной*, *страшный*, *туповатый*, *хам*, *хромающий*, *широкий*, *эксцентричный*, *эпатажный* 1; *отказ* 5.

Направленный ассоциативный эксперимент (что делает?)

Клинтон 50: *баллотируется в президенты*, *хочет быть президентом* 3; *говорит* 2; *бегает*, *болеет*, *бомбил Югославию*, *борется за власть*, *ведет политическую борьбу*, *выдвигается*, *готовит пиццу*, *декларирует*, *душит больных*, *занимается политикой*, *изменяет*, *кашляет*, *командует*, *критикует*, *кричит*, *машет рукой*, *не делится*, *ничего*, *ничего полезного*, *отдыхает*, *падает в обморок*, *политик*, *политика*, *правит*, *продвигает*, *создает*, *спит*, *убирает соперников*, *улыбается*, *умирает*, *управляет*, *уроки*, *фигней страдает* 1; *отказ* 9.

Трамп 50: *кричит* 3; *баллотируется*, *болтает*, *бросается словами*, *будущий президент*, *вот*, *всё портит*, *выбирается*, *выдвигается*, *выселяет мигрантов*, *джамп*, *завлекает*, *занимается политикой*, *захватывает мир*, *идет*, *избирается*, *курит сигару*, *лежит*, *много говорит*, *напрягает*, *обедает*, *плачет*, *подражает Жириновскому*, *политический деятель*, *посылает*, *прыгает*, *развлекает*, *развлекается*, *разговаривает*, *распинается*, *рычит*, *снимается голым в клипе*, *стремится*, *строит глазки*, *строит стену от Мексики*, *США*, *треплет языком*, *фотографирует* 1; *отказ* 10.

Обработка результатов ассоциативных экспериментов методом обобщения трех экспериментов и семной интерпретации ассоциаций [Попова, Стернин 2007] показывает, что оба имени имеют богатую семантику.

В именах выделяются общие семы, непосредственно связанные с политической деятельностью носителей: *кандидат в президенты* и *политический деятель*; больше реакций, в которых реализуются эти семы, было дано на стимул **Клинтон**. Также в именах совпадает сема *житель США*. На этом совпадающие семы по большей части заканчиваются, из чего можно сделать вывод, что в сознании носителей языка эти имена мало связаны. Несовпадающие реакции в основном отражают особенности характера, внешности, поведения.

Стоит отметить также, что интервьюируемые ответили почти одинаковым количеством отказов на оба имени: 0,15 у имени **Клинтон** и 0,17 у имени **Трамп**. Данные числа говорят о недостаточной актуальности этих имен собственных для носителей языка. Об этом же свидетельствует большое количество неинтерпретируемых реакций.

Стоит отметить, что антропоним **Клинтон** интервьюируемые ассоциировали с двумя личностями – Биллом Клинтоном и Хилари Клинтон; со вторым именем связано большее количество сем.

Таким образом, оба имени имеют богатую семантику, в их семантических полях можно выделить ядерные семы, но данные имена недостаточно актуальны для языкового сознания носителей языка.

После расширения экспериментальной базы будет представлен более полный и точный сопоставительный анализ семантики этих имен.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

Н.А. Козельская (Воронеж)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СПЕЦИФИКИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ (на примере лексем *бизнесмен* и *бизнесвумен*)⁴

Предлагаемое исследование проведено на основе данных ассоциативного эксперимента (2010-2011 гг.), в котором участвовали преимущественно молодые люди – жители г. Воронежа, Воронежской области и некоторых близлежащих городов. Мы сопоставили психологически реальное значение лексем **бизнесмен** и **бизнесвумен** с целью выявления гендерной специфики данных семем в обыденном языковом сознании носителей языка.

⁴ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)».

Семантическая интерпретация данных РАС (см. методику [Рудакова 2014]) показывает, что семантема слова **бизнесмен** содержит две семемы, а **бизнесвумен** – одну. Исследуемые лексемы в целом сходны по первой семеме, ср.: *Человек, занимающийся предпринимательством, обычно богатый и успешный. – Деловая женщина, занимающаяся предпринимательством, обычно успешная и обеспеченная.* Вторая семема в семантеме **бизнесмен**, отсутствующая у **бизнесвумен**: *Богатый человек, зарабатывающий большие деньги нечестным путем.*

Сравнение семантического наполнения первых семем данных лексем позволило выявить их сходство и различие. В семемах лексем **бизнесмен** и **бизнесвумен** есть общие семы, которые различаются по совокупному индексу яркости. Они представлены в Таблице. Цифры обозначают индекс совокупной яркости, вычисленный как отношение количества ассоциатов, вербализующих одну сему, к совокупному индексу яркости всей семемы.

Таблица

Общие семы	Бизнесмен	Бизнесвумен
наличие больших денег	0,34	0,05
занимается предпринимательством	0,2	0,1
по характеру деловой /деловая	0,06	0,2
считается успешным	0,05	0,07
вызывает одобрение	0,05	0,04
вызывает неодобрение	0,04	0,07
вызывает отрицательные эмоции	0,02	0,04
вызывает положительные эмоции	0,03	0,02

Если в семеме лексемы **бизнесмен** самой яркой семой оказывается *наличие больших денег/богатство* (*богатый 15, богатый человек 11, богач 9, деньги 9, олигарх 5, богатство 3, состоятельный 3, буржуй 1, богатый Буратино 1, богатый дяденька 1, крупный 1, миллионер 1, много зарабатывает 1, много денег 1, мужик с деньгами 1*), то в семеме **бизнесвумен** наиболее яркой является сема *деловая* (*деловая женщина 19*); на втором месте в обеих семемах сема *занятие предпринимательством*. Третье место по яркости представлено у слова **бизнесмен** семой *деловой* и эндемичными семемами : 1) *нечестно зарабатывает деньги 0,04* (*барыга 1, ворюга 1, воровство 1, лицемер 1, много обмана 1, обман 1, спекулянт, хитрый 1*); 2) *много работает 0,04* (*работа 2, занятой 1, работник 1, раб.мужик 1, работает 1 офис 1, сидит 1*); 3) *выглядит солидно 0,03* (*важный 1, презентабельный 1, солидный человек 1; костюм 2, мужчина в смокинге 1, черный костюм 1*). Эндемичные семы в лексеме **бизнесвумен**: *выглядит элегантно 0,1* (*леди 7, дама, стильная, роскошная, элегантность 1*) и *делает карьеру 0,06* (*карьера 1, карьеристка 1, директор 1, начальник 1, менеджер 1, синий чулок 1*); неэндемичная сема *наличие денег 0,05*. Общей является и сема *успешность*, которая у женщин выражена ярче, чем у мужчин.

В семемах обеих лексем есть оценочные и эмоциональные компоненты, выражающие как позитивные, так и негативные характеристики объекта.

Неодобрение в бизнесмене вызывает то, что связано с нечестным способом обогащения, а в бизнесвумен – с характеристиками личности (*стерва 2, мужик 2, злая 1, синий чулок 1*) и общим отрицанием возможности занятия бизнесом для

женщины (*абсурд 1, бред 1*). В целом неодобрение и отрицательная эмоциональность ярче выражены в семеме лексемы *бизнесвумен*, а в семеме слова *бизнесмен* ярче представлено выражение одобрения и положительных эмоций.

Анализ психологически реального значения лексемы *бизнесмен* показывает, что в обыденном сознании молодых она актуализирует представление о богатом, успешном, солидно выглядящем человеке, который много работает, но может быть не чист на руку. В семантеме лексемы *бизнесвумен* ярче представлены семы, характеризующие личные качества и внешний вид человека: деловитость, стремление делать карьеру, элегантность. Состоятельность оказывается значительно менее значимой характеристикой, чем для мужчины. Кроме того, женщина-предприниматель более негативно оценивается носителями языка, чем бизнесмен. Фактически исследуемые лексемы не составляют пару обозначений, отличающихся только гендерной принадлежностью, это близкие, но не совпадающие по значению слова.

Таким образом, методика семантической интерпретации позволяет выявить гендерные особенности семантики слова, которые остаются имплицитными при толковании слова лексикографами в толковом словаре.

Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии. Воронеж: Истоки, 2014. 184 с.

Е.И. Колесникова (Воронеж)

ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА

(на материале слова *думать* в мужском и женском языковом сознании)

Целью нашего исследования является выявление и сопоставление мужской и женской семантики слова по методике, изложенной в статье [Колесникова 2015].

Методом обобщения словарных дефиниций были получены следующие интегрированные значения слова *думать*: 1. Размышлять, предаваться раздумью. 2. Полагать, считать, предполагать. 3. Намереваться, собираться делать что-л. 4. Заботиться, беспокоиться. 5. Считать виновным в чем-н., подозревать.

Приведем в сопоставительной таблице гендерную дифференциацию значений слова *думать* (Таблица 1).

Отказов в эксперименте не зафиксировано, что свидетельствует о том, что значение слова *думать* актуально для языкового сознания современного носителя русского языка.

Все значения были актуализованы. Следовательно, они присутствуют в современном языковом сознании носителей языка.

В ходе обобщения материалов экспериментов были сформулированы новые значения (Таблица 2):

1. Скучать: *скучать 1* (женщины).
2. Интеллектуальная деятельность: *работа 2, работа такая 1* (мужчины).

Таблица 1

Интегрированное словарное значение	Женщины 100	Мужчины 100
Размышлять, предаваться раздумью	<i>перед сном 12; плохо 9; о будущем 8; много 7; мечтать, о делах, постоянно 6; учеба 5; жить 4; говорить, долго, о смерти 3; возвышаться, о многом, сосредоточенно, хорошо 2; головная боль, извращать, искать, мозг болит, мыслить, ни о чем, основательно, отчаяние 1</i> Симиляры: <i>рассуждать 3, размышлять 2</i> СИЯ 93	<i>говорить 11; о ком-то 9; соображать, хорошо 7; бездельничать, надо, понимать 6; мыслить, над задачей, о будущем, плохо 5; вредно, мечтать, о женщине 4; мысли 3; будущее, о прошлом, работа 2; умнеть 1</i> Симиляры: <i>размышлять 5</i> СИЯ 99
Полагать, считать, предполагать	<i>гадать 3, знать 1</i> СИЯ 4	- СИЯ 0
Намереваться, собираться делать что-л.	<i>говорить 3; искать, путешествовать, убивать 1</i> СИЯ 6	<i>говорить 11, бездельничать 6</i> СИЯ 17
Заботиться, беспокоиться	- СИЯ 0	<i>о ком-то 9, о женщине 4</i> СИЯ 13
Считать виновным в чем-н., подозревать	<i>плохо 9</i> СИЯ 9	<i>плохо 5</i> СИЯ 5

Таблица 2

Новое значение	Женщины 100	Мужчины 100
Скучать	<i>скучать 1</i> СИЯ 1	- СИЯ 0
Интеллектуальная деятельность	- СИЯ 0	<i>работа 2, работа такая 1</i> СИЯ 3

Сопоставление гендерных значений лексики *думать* показывает, что существенные различия в совокупном индексе яркости (СИЯ) семемы демонстрируют следующие из них:

1. Намереваться, собираться делать что-л. (в мужском сознании выражено на 48% ярче, чем в женском).
2. Считать виновным в чем-н., подозревать (в женском сознании выражено на 28% ярче, чем в мужском).

Чисто мужскими значениями слова *думать* являются значения – «заботиться, беспокоиться» и «интеллектуальная деятельность».

Чисто женскими значениями слова *думать* являются «полагать, считать, предполагать» и «скучать».

Несущественные различия в СИЯ демонстрирует значение «размышлять, предаваться раздумью». Это значение практически не имеет гендерной дифференциации.

Анализируя полученные в ходе ассоциативного эксперимента результаты, мы приходим к выводу, что гендерная дифференциация семантики слова *думать* в современном языковом сознании достаточно ЯРКО выражена.

Колесникова Е.И. Опыт сопоставительного исследования гендерных особенностей семантики слова // Сопоставительные исследования 2015. Вып. 12. Воронеж: Истоки, 2015. С. 30-36.

М.Н. Лазарева (Пермь)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ КАК ФАКТОР СЕМАНТИЗАЦИИ ФИТОНИМОВ В ТЕРМИНОЛОГИЯХ БЛИЗКИХ НАУК (на материале французского языка)

Вопрос о синонимии в терминологии получил широкое освещение в лингвистической литературе. Причем взгляды на терминологическую синонимию претерпели значительную эволюцию: от категорического отрицания возможности существования синонимии в терминологии [Толикина 1973, с. 78-89] до признания ее реальным лингвистическим фактом, который требует глубокого изучения [Даниленко, Скорцов 1981, с. 7-16; Русинова 1985, с. 25-31]. В настоящее время терминологическая синонимия рассматривается как положительное явление, свидетельствующее о высоком уровне развития языка науки, а полилексемные отношения внутри терминосистем, считавшиеся ранее нежелательными, становятся сегодня более распространенными [Таранова, Бубырева, Таранов 2016, с. 55].

Исследователи приходят к выводу о том, что терминологическая синонимия в терминологиях естественных наук и древнейших областей знания, сложившихся естественным путем, охватывает практически все слои терминологии. При этом наличие терминов-синонимов не затрудняет процесс профессионального общения, а делает его более гибким и точным.

Новые возможности в изучении роли синонимии открывает прагматический подход к анализу этого явления, осуществляемый с точки зрения близости и взаимовлияния терминосистем близких наук, имеющих, однако, разную целевую направленность. Под прагматическими синонимами мы понимаем названия одних и тех же растений, которые функционируют в терминологиях смежных наук, связанных с миром растений, в частности, ботаники и фармакогнозии – прикладной науки, которая занимается изучением лекарственных растений и растительного сырья.

Материалом для исследования послужили названия растений и растительного сырья, функционирующие во французской научной и научно-популярной литературе по лекарственным растениям, и названия тех же растений, используемые в научных трудах по ботанике.

Анализ конкретного языкового материала показал, что фитонимы, используемые в национальной ботанической терминологии, структурно и лексически близки к их международным латинским эквивалентам. Вместе с тем,

в терминологии прикладной науки закрепились и стали терминологичными многие народные названия этих растений, например: лат. *Verbascum commune* фр. бот. *Molène commune* – фарм. *Bouillon-blanc* (коровяк обыкновенный); лат. *Matricaria suaveolens* фр. бот. *Matricaire odorante* – фарм. *Camomille romaine* (ромашка пахучая); лат. *Viola tricolor* фр. бот. *Violette tricolore* – фарм. *Pensée sauvage* (фиалка трёхцветная).

Этому способствовали исторические условия развития данной области знания, в частности, тот факт, что на протяжении веков она составляла неотъемлемую часть народной медицины. Однако имеются и другие, более глубокие причины использования народных названий для обозначения растений в терминологии фармакогнозии. В отличие от ботанических названий, формально-смысловая структура которых раскрывает биологическую природу объектов и их место в таксономической иерархии растений, фармакогностический фитоним стремится отразить не все особенности растения, а лишь те из них, которые выделяют его среди других особей, не обладающих лекарственными свойствами. Так, например, различие в способе воздействия на организм двух близких с ботанической точки зрения растений *Violette odorante* (фиалка пахучая) и *Violette tricolore* (фиалка трёхцветная) предопределило выбор таких единиц, в которых подчеркиваются лишь дифференцирующие признаки *Violette odorante* и *Pensée sauvage*. Таким образом, параллельное функционирование наименований *Violette tricolore* и *Pensée sauvage* в терминологиях смежных наук обусловлено прагматически, а не рационально.

Подобная дифференциация стилистических в сфере общего употребления синонимов приводит к появлению так называемых разносистемных, или межсистемных синонимов, относящихся к одному и тому же функциональному стилю – стилю научной речи, но обладающих разной коннотативной (прагматической) направленностью. Под коннотацией, вслед за Л. Ельмслевом, понимается признак, по которому говорящий или пишущий делает выбор между различными субкодами (в данном случае, системами наименований) [Kuryłowicz 1956, с. 9], причем этот выбор обусловлен экстралингвистическими (историческими и национальными) факторами развития наук и их терминологий.

Закрепление за подобными «разносистемными» синонимами дополнительных семантических коннотаций, указывающих на сферу их преимущественного функционирования и, следовательно, обладающих особой дейктической функцией, способствует сохранению терминов-синонимов в исследуемых терминосистемах и позволяет утверждать, что в данном случае речь идет о полноправных терминологических синонимах, а не квазисинонимах или дублетах.

Таким образом, проведенный анализ показал, что термины-синонимы играют важную роль в обеспечении ряда семиотических функций в терминологиях наук, связанных с миром растений.

Даниленко В.П., Скорцов Л.И. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии // Вопросы языкознания. 1981. №1.

Русинова Л.Н. О некоторых вопросах упорядочения и стандартизации терминологии (терминологическая синонимия // Термины в языке и речи. Горький: Изд-во ГГУ, 1985.

Таранова Е.Н., Бубырева Ж.А., Таранов А.О. Проблема синонимии в специальной терминологии. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск: Изд-во ТГПУ, 2016.

Толикина Е.Н. Синонимы или дубликаты? // Исследование по русской терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1973.

Kurylowicz J. L'apophonie en indo-européen. – Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1956.

Chaudefont M., Emberger L. Traité de botanique: Systématique. T. 1-2. Paris: Masson et Cie, 1980.

Hérail J. Traité de matière médicale: Pharmacognosie. – Paris: J.-B. Baillière et fils, 1962.

Л.А. Литвинова (Воронеж)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *VILLAGE*

(на материале паремий и синонимов в английском языке)

На основании современного понимания «культуры» возникает новое междисциплинарное направление в лингвистике, которое позже оформилось в самостоятельную дисциплину – лингвокультурологию. Лингвокультурология (от лат. язык+культура+логия) – это комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру в единстве языкового и внеязыкового (культурного содержания). Объектом лингвокультурологии является исследование взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе их функционирования, а предметом – материальная и духовная культура в ее существовании и функционировании, созданная человеком, т.е. все то, что составляет языковую картину мира.

Исследования национальной специфики семантики лексических единиц необходимы для позитивного и творческого диалога представителей разных культур, их познания и самовыражения, развития и расцвета всей мировой культуры, компонентами которой они являются, в конечном счете, для прогрессивного движения вперед. «Язык можно сравнить с кистью художника, рисующего мир с натуры, но пропускающего ее через свое художественное сознание, создающего картину мира. Отражение мира в языке – это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в которое уже заложены черты национального характера, мировоззрение, мораль и т.п.» [Тер-Минасова 2004, с. 86]. В данной работе мы рассмотрим паремиологическое поле слова *village*, а также его синонимов в английском языке в лингвокультурологическом аспекте описания значения слова. Многие исследователи пословиц и поговорок отмечали следующие характеристики этих изречений: краткость, образность, наличие четкой и сжатой формы, поучительный / назидательный тон. Художественная форма пословиц складывалась веками. Пословицы всегда выражают мнение народа, наблюдения народного ума и жизненный опыт, дают оценку жизненных событий и самой жизни, передают культурно-исторические традиции народа. «Изучение паремий позволяет лучше узнать миропонимание и поведение людей, увидев их

национально специфические черты, проникнув в тайны национального менталитета» [Хаустова 2007, с. 48].

Паремий со словом *village* и его синонимами в английском языке сравнительно немного. Нам удалось выявить следующие примеры из словарей под редакцией следующих авторов: 1. Мюррей Ю.В. Русские пословицы, поговорки и фразеологизмы и их английские аналоги / Russian Proverbs, Sayings and Idioms and Their English Equivalents; 2. Гуревич В.В., Дозорец Ж.А. Краткий русско-английский фразеологический словарь / Concise Russian-English Dictionary of Idioms; 3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / English-Russian Dictionary of Idioms.

Таблица представляет семантический анализ паремий английского языка слова «village» и его синонимов в английском языке.

Таблица

№	Паремия	Семантический компонент значения	Значение
1	Back country <i>отдаленные уголки, провинция, глушь</i>	отдаленный, далекий (от города)	сельский населенный пункт
2	The Never-Never country <i>отдаленные уголки, провинция, глушь</i>	-----	-----
3	Rotten borough <i>ист. «гнилое местечко»</i>	-----	-----
4	Perpendicular country <i>пересеченная, неравнинная местность, территория)</i>	ландшафтная характеристика местности	территория вне города
5	Broken country <i>высокогорная местность, территория</i>	-----	-----
6	Close borough <i>город или избирательный округ, где выборы фактически контролируются одним лицом</i>	наличие демократических выборных традиций	сельский населенный пункт
7	Pocket borough <i>город или избирательный округ, где выборы фактически контролируются одним лицом</i>	-----	-----
8	Country, countryside <i>сельская / негородская местность</i>	противопоставление городу	территория вне города
9	To go to the country <i>1) распустить парламент и назначить новые выборы; 2) отправиться за город</i>	-----	-----
10	Town and country <i>город и деревня</i>	-----	-----
11	Starvelling settlement <i>немногочисленное поселение</i>	неухоженное, бедное, неудобное для жизни место	территория вне города
12	Whistle-stop tour <i>галопом по Европам</i>	социально малозначимый населенный пункт в сельской местности	сельский населенный пункт

13	Better be first in a village than second at Rome. <i>Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме</i>	-----	-----
14	The village slatternly wench has the form of a dove, the heart of a fox, and the mind of a tead	простоватый до глупости, отсталый, далекий от культуры типичный провинциал	сельский населенный пункт
15	Country – cousin <i>провинциал, деревенский житель впервые в городе</i>	-----	-----
16	Country – cousinship <i>стесняющее родство</i>	-----	-----
17	Giles=countryman <i>сельский житель= деревенщина</i>	-----	-----
18	Yokel (about a countryman)= village idiot <i>презр. (деревенщина, невежда)</i>	-----	-----
19	Mushroom settlement <i>быстро выросший поселок</i>	темпы роста, развития населенного пункта	сельский населенный пункт
20	The chicken is the country's, but the city eats it. <i>Что в деревне родится, то в городе пригодится</i>	Жители занимаются традиционными видами деятельности, деревня кормит город	сельский населенный пункт
21	A list full of gain and a village full of shame	Прибыль не должна достигаться аморальными, асоциальными средствами	-----
22	Country people <i>(сельское население)</i>	жители, проживающие на территории вне города	-----
23	Rural population <i>(сельское население)</i>	-----	-----
24	Astronomical observatory and settlement <i>астрогородок</i>	функции населенного пункта	-----

Анализ паремиологического поля лексемы **village** и ее синонимов в английском языке, которое репрезентируется лексемами **country**, **borough**, **settlement**, **whistle-stop**, показывает, что национальное сознание англичан выделяет важными следующие признаки:

- степень отдаленности (далеко/очень далеко) от центра (города);
- неудобное для жизни место, лишенное благ цивилизации;
- социально малозначимый сельский населенный пункт;
- определенные виды занятий населения;
- консервативность, отсталость жителей.

Итак, в английском языковом сознании «village» – это небольшой сельский населенный пункт, обычно расположенный (очень) далеко от города, где

население занимается сельским хозяйством и снабжает город продуктами; в то же время эти люди отсталые, косные из-за проживания в далеком от цивилизации месте, поэтому за селян бывает стыдно/неловко из-за их невежества и/или простоты. Таким образом, лингвокультурологический аспект описания значения слова «village» содержит две составляющие – характеристику сельского населенного пункта и типичные признаки его жителей.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / English-Russian Dictionary of Idioms, М.: Русский язык медиа, 2004.

Мюррей Ю.В. Русские пословицы, поговорки и фразеологизмы и их английские аналоги / Russian Proverbs, Sayings and Idioms and Their English Equivalents. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008.

Тер-Минасова С.В. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М., 2000. 624 с.

Хаустова Э.Д. Национальная специфика ЛСГ «Плоды» в русском и английском языках // Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии. Воронеж, 2007. Вып.9. С. 48.

Longman Dictionary of Contemporary English.–Pearson Education Ltd., 1999.

Polyglossum online dictionary.

Thomas Kral “TheLighter Side” of TEFL”: Учебное пособие, Published by the Materials Development and Review Branch English Language Programs Division United States Information Agency Washington, D.C. 20547 April 1994.

Ю.А. Литвинова (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ *MEGACITY* ПО ДАННЫМ НАЭ

Экспериментальное описание семантики языковых единиц дает возможность представить содержание слова как некоторую психологическую реальность, как более глубокую семантическую сущность, выявить в значении слова такие семемы, такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими методами и приемами семантического анализа. Экспериментальные методы позволяют описать семантику слова, компенсируя недостаточность словарного описания значений, признаваемого в настоящее время большинством лингвистов и психолингвистов.

Наиболее широко в психолингвистических исследованиях используется **ассоциативный эксперимент**, особенно актуальный для исследования семантики слова.

Так, в данной статье представлен материал психолингвистического значения лексемы **«megacity»**, который был получен в результате проведения направленного ассоциативного эксперимента в 2010 г. В данном эксперименте приняли участие 50 испытуемых.

Ассоциативная статья лексемы «megacity» по данным НАЭ

Megacity 50: New York 6, big 6, huge 4, busy 3, largest 3, noisy 3, London 3, board game (к-н настольная игра) 3, crowded 3, underground 3, Chicago 2, modern 2, cars 2, crowds 2, traffic jams 3, night life 2, mechano 2, vast (громадный) city 1, great city 1, money 1, fast 1, difficult 1, rich 1, lego 1, dirty 1, urban 1, many people 1, overgrown (разросшийся) 1, opportunity 1, Moscow 1, huge city 1, a very large city 1, dense population 1, Tokyo 1, loud 1, heavily populated 1, monstrous (безобразный)

1, (грозный, зловещий, предвещающий) ominous 1, expensive 1, complicated (запутанный) 1, Las Vegas 1, skyscrapers 1, stratification 1, concentration 1, ring 1.

Все ассоциаты были обработаны методом семантической интерпретации, т.е. путем обобщения близких по значению ассоциативных реакций, их суммирования по частотности актуализации и формулирования обобщающего семантического признака. В результате был получен перечень семантических компонентов, т.е. системных сем, который представлен по убыванию.

Семный состав значения слова MEGACITY

по данным направленного ассоциативного эксперимента

1. большой 18 (большой 6, огромный 4, самый большой 3, громадный город 1, великий город 1, разросшийся 1, огромный город 1, очень большой город 1)

2. много людей 8 (переполненный людьми 3, толпы людей 2, много людей 1, высокая плотность населения 1, плотно заселен 1)

3. шумный 4 (шумный 3, громкий 1)

4. есть метро 3 (метро 3)

5. происходят заторы дорожного движения 3 (пробки на дорогах 3)

6. настольная игра 3 (настольная игра 3)

7. все механизировано 2 (механический 2)

8. современный 2 (современный 2)

9. наличие машин 2 (машины 2)

10. протекает ночная жизнь 2 (ночная жизнь 2)

11. дорогая жизнь 2 (деньги 1, дорогой 1)

12. существуют неравенства в обществе 1 (стратификация 1)

13. сосредоточение какой-л. деятельности 1 (концентрация 1)

14. быстрый ритм жизни 1 (быстрый 1)

15. трудная жизнь 1 (трудный 1)

16. богатый 1 (богатый 1)

17. грязный 1 (грязный 1)

18. протекает городская жизнь 1 (городской 1)

19. предоставляет возможности 1 (возможности 1)

20. безобразный 1 (безобразный 1)

21. зловещий 1 (зловещий 1)

22. запутанный 1 (запутанный 1)

23. название игры 1 (лего 1)

24. наличие небоскребов 1 (небоскребы 1)

25. имеет форму кольца 1 (кольцо 1)

Идентифицирующие признаки 14: Нью-Йорк 6, Лондон 3, Чикаго 2, Москва 1, Токио 1, Лас Вегас 1.

Лексема «megacity» не была представлена в Ассоциативном словаре английского языка (The University of South Florida word association, rhyme and word fragment norms), поэтому итоговое психолингвистическое значение будет представлено только по данным НАЭ.

Выделяется два значения:

1. Большой населенный пункт 0,36, где проживает много людей 0,16, шумный 0,08, есть метро, происходят заторы дорожного движения 0,06, все механизировано, современный, наличие машин, протекает ночная жизнь,

дорогая жизнь 0,04, существуют неравенства в обществе, сосредоточены различные виды деятельности, протекает быстрый ритм жизни, трудная жизнь, богатый, грязный, безобразный, злоеющий, запутанный, протекает городская жизнь, предоставляет возможности, есть небоскребы, имеет форму кольца 0,02.

Идентифицирующие признаки 14: *Нью-Йорк 6, Лондон 3, Чикаго 2, Москва, Токио, Лас Вегас 1.*

2. Настольная игра 0,06, лего 0,02.

Таким образом, проведение НАЭ позволило выделить два значения у исследуемой лексики, а также идентифицирующие признаки в первом значении. Оно представлено максимально полно, т.е. представляется возможным понять, что американцы имеют в виду, называя тот или иной населенный пункт словом «megacity». Второе значение данной лексики свидетельствует о том, что носители языка могут называть данным словом настольную или какую-либо другую игру.

О.И. Лыткина (Москва)

КОНЦЕПТ «АМЕРИКА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Для описания концепта «Америка» в русском языковом сознании мы использовали метод ассоциативного эксперимента, в ходе которого были опрошены 244 человека в возрасте от 16 лет до 21 года. Испытуемым были предложены 5 слов-стимулов (*Америка, американский, американец, американцы, США*), на которые в течение 1-2 минут нужно было написать первое, пришедшее на ум слово-реакцию. Всего было получено 439 вариантов слов-реакций, среди которых нами была произведена выборка наиболее частотных реакций, составляющих 50-60% от всех зафиксированных реакций. Подобная выборка, на наш взгляд, позволяет избежать случайного и субъективного.

Полученные результаты мы оформили по примеру словарных статей Русского ассоциативного словаря, т.е. слова-реакции расположены в порядке убывания их частотности, в скобках указана частота реакции:

Америка – *Буш (18); деньги (17); Макдоналдс (16); гамбургер (15); страна (14); Статуя Свободы, фаст-фуд (8); США (6); война, граница, континент, материк, свобода, флаг (4).*

Американский – *язык (40); пирог (17); флаг (13); глупый (8), доллар, фаст-фуд (7); Макдоналдс, фильм (5); гамбургер, толстый, человек (4); английский, дорогой, иностранный, образ жизни, плохой, русский (3).*

Американец – *толстый (26); тупой, человек (20); глупый, толстяк (6); жирный, негр, янки (5); Буш, гамбургер (4); глупость, гражданин, житель, улыбка (3).*

Американцы – *нация (37); народ (17); люди, тупые (14); глупые, толпа (6); Макдоналдс, масса, много (4); патриоты, стадо, толстые, янки (3).*

США – страна (33); *Буш* (16); *Статуя Свободы* (11); *Америка, война* (8); *государство, США, штаты* (6); *сверхдержава* (5); *Ирак, карта* (4); *Голливуд, держава, звезды, флаг* (3).

Языковая картина мира включает в себя разнородную информацию, которую условно разделяют на три группы: 1) экстралингвистические знания о явлениях окружающей действительности; 2) диалоговая информация, отражающая языковое сознание носителей; 3) знания об устройстве самого языка. Основываясь на классификации информации, представляющей языковую картину мира [Русский ассоциативный словарь 1994], мы распределили слова-реакции по типам представленной информации на следующие группы:

1. Экстралингвистические знания о явлениях окружающей действительности:
 - 1.1. Знания, связанные с актуальным состоянием общественной жизни, политики, экономики, культуры:
 - 1.1.1. Состояние жизни и быта людей: *гамбургер, доллар, дорогой, Макдоналдс, негр, образ жизни, патриоты, толстый/толстые, толстяк, улыбка, фаст-фуд*;
 - 1.1.2. Запоминающиеся факты и особенности, извлекаемые из средств массовой информации в период анкетирования: *Буш, война, Ирак*;
 - 1.2. Факты и явления искусства, культуры:
 - 1.2.1. Массовое искусство (кино): *Голливуд, пирог, фильм*.
 - 1.2.2. Архитектура, скульптура, живопись: *Статуя Свободы*.
 - 1.3. Научная информация: *английский, государство, гражданин, житель, заграница, иностранный, континент, люди, материк, народ, нация, страна, флаг, человек, штаты, язык*;
2. Диалоговая информация, отражающая языковое сознание носителей:
 - 2.1. Рефлексия, по поводу языковых феноменов: *много*.
 - 2.1. Диалоговый режим: *Америка, русский, США*;
 - 2.2. Эмоционально-оценочные ответы: *глупость, глупые, глупый, держава, жирный, масса, плохой, сверхдержава, стадо, толпа, тупой, тупые*;
 - 2.3. Пресуппозиция: *деньги, звезды, карта, флаг*;
 - 2.4. Культурные константы:
 - 2.4.1. Культурные константы, связанные с Америкой: *свобода, янки*.

Как показывает материал, большая часть слов-реакций относится к таким типам информации, как знания о состоянии жизни и быта людей, научные знания, отражающие тенденцию к систематизации, и эмоционально-оценочные ответы.

Следующим этапом анализа полученного материала, стала выборка повторяющихся реакций на все слова-стимулы. Из 439 вариантов ответов-реакций мы выделили реакции, повторяющиеся хотя бы дважды. Часто употребляемые, составляющими 50% от общего числа реакций, являются следующие: *Макдоналдс* (реакция на все слова-стимулы), *Буш, доллар, Нью-Йорк, президент, фильм, человек* (реакции на 4 слова-стимула из 5). Таким образом, нами было выявлено актуальное содержание концепта «Америка» в русском языковом сознании.

ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Понятию *эквивалентности* всегда придавалось существенное значение во многих теоретических исследованиях. В самом широком смысле под языковой эквивалентностью принято понимать «такое соотношение между лингвистическими единицами, когда они обладают какими-то общими свойствами, позволяющими им выполнять одинаковую функцию» [Арнольд 1979, с. 12]. Однако с учетом различных точек зрения вопрос об эквивалентных и неэквивалентных переводных межъязыковых соответствиях может быть рассмотрен и в несколько ином ракурсе.

Так, в теории закономерных соответствий Я.И. Рецкера понятие эквивалентности распространяется на отношения между микроединицами текста, а сам эквивалент понимается как «постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [Рецкер 1974, с. 10-11]. При этом отмечается, что когда слово многозначно, то ни одно из его значений нельзя считать эквивалентным другому слову в процессе перевода. По мнению Я.И. Рецкера, их следует рассматривать как «частичные эквиваленты» либо как «вариантные соответствия» [Рецкер 1974, с. 10-11]. Что же касается «полных эквивалентов», то они встречаются, как отмечает ученый, главным образом среди географических названий, собственных имен и терминов.

Сходный подход к данной проблеме обнаруживает Дж. Кэтфорд, по терминологии которого, переводческий эквивалент – это «любая форма языка перевода (текст или часть текста), которая, согласно наблюдениям, эквивалентна данной форме исходного языка (тексту или части текста)» [Catford 1965, с. 22].

В выдвинутой Ю. Найдой концепции «динамической эквивалентности» делается попытка преодолеть ограниченность чисто семантического подхода к эквивалентности. Наличие семантического подобия между двумя единицами языка не рассматривается более как достаточное условие эквивалентности. «Динамическая эквивалентность» определяется как «качество перевода, при котором смысловое содержание оригинала передается на языке-рецепторе таким образом, что реакция (response) рецептора перевода в основном подобна реакции исходных рецепторов» [Nida, Taber 1969, с. 202]. Кроме того, Ю. Найда объяснил, что культурные параллели часто приводят к взаимопониманию, несмотря на серьезные формальные изменения в переводе. Следовательно, лингвокультурная или фоновая составляющая перевода имеет такую же значимость, как и составляющая лексического значения.

Для анализа эквивалентных отношений при переводе также подходит типологическая схема Р. Jakobson, выделяющая следующие функции, отличающиеся друг от друга установкой на тот или иной компонент речевого акта: референтная или денотативная, экспрессивная, конативная, фатическая, металингвистическая, поэтическая [Jakobson 1966, с. 37].

Развивая подобные идеи далее, Г. Йегер вводит понятие «коммуникативной эквивалентности» и делает акцент в ее определении на «исчерпывающую передачу коммуникативной ценности исходного текста» [Jager 1986, с. 25].

В. Коллер, в свою очередь, ведет речь о «пяти видах эквивалентности» [Koller 1983, с. 186-191]: 1) денотативной, 2) коннотативной, 3) текстуально-нормативной 4) прагматической, 5) формальной.

В.Н. Комиссаров выделяет следующие уровни эквивалентности, понимаемой как «разные степени смысловой общности между переводом и оригиналом» [Комиссаров 1980, с. 59-100]: 1) прагматический, 2) ситуационный, 3) семантический, 4) грамматический, 5) лексико-грамматический.

В схеме, предлагаемой В.Г. Гаком и Ю.И. Львиным, различаются три вида эквивалентности: «формальная, смысловая и ситуационная» [Гак, Львин 1970, с. 10]. При формальной эквивалентности наблюдается подобие слов и форм (*автор* – *author*, *агент* – *agent*), при смысловой эквивалентности варьируются языковые формы выражения (*попутчик* – *fellow-traveller*, *аспирант* – *post-graduate student*), при ситуационной эквивалентности наблюдаются различия в наборе сем, описывающих одну и ту же ситуацию: и тесть, и свекор – *father-in-law*, и теща, и свекровь – *mother-in-law* (мать по закону) и т.п.

Отметим также, что большинство лингвистов сходятся во мнении, что прагматические факторы играют доминирующую роль и в иерархической модели уровней эквивалентности, и в одномерной функциональной типологии эквивалентности, поскольку значение отдельной семемы представляется современным авторам не как фиксированный срез определенного набора семантических признаков, а как «гибкая совокупность сем и прагматических параметров, изменчивые сочетания которых проецируются в плоскость текста» [Stolze 1982, с. 93-104].

Принимая во внимание вышеизложенное, определим свою позицию по данному вопросу. В процессе перевода представляется обоснованным рассматривать эквивалентность переводных языковых единиц на уровне сем и фиксировать в качестве переводных эквивалентов отдельной семемы «межъязыковые соответствия, максимально сходные по составу сем и обеспечивающие адекватный взаимный перевод в любых контекстах» [Маклакова, Стернин 2013, с. 196-197].

Кроме того, **семная эквивалентность** переводных соответствий, при которой в структурах семем последних выявляются и фиксируются лексикографически тождественные наборы сем, не исключает при этом проявления у этих соответствий таких видов национальной специфики семантики, как структурно-языковая, специфика внутренней формы слова или словосочетания, специфика образного переосмысления значения, национальная символичность значения [Маклакова, Стернин 2013, с. 196-197].

Вышеизложенное позволяет прийти к еще одному важному выводу: при кореферентности наборов разных сем, создающих в своей совокупности подобные смыслы и формирующих в сознании носителей двух языков подобные образы, отношения соответствия между семемами – переводными соответствиями следует рассматривать не как эквивалентные, а как **референциально тождественные**, что проявляется в виде существования у

единицы исходного языка близких, приблизительных или допустимых переводных соответствий в фоновом языке [Маклакова, Стернин 2013, с. 196-197].

Таким образом, основная стратегия, лежащая в основе поиска оптимального варианта переводного соответствия, заключается в ориентации на многомерность процесса перевода при включении в рассмотрение всех основных изменений этого процесса: межъязыкового, межкультурного и межситуационного.

Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностранные языки в школе. 1979. № 6. С.10-17.

Гак В.Г., Львин Ю.И. Курс перевода. М.: Междунар. отношения, 1970. 355 с.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 255 с.

Маклакова Е.А., Стернин И.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография. Воронеж: Истоки, 2013. 277 с.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974. 354 с.

Catford J.A. linguistic theory of translation. Oxford, 1965.

Jager G. Die sprachlichen Bedeutungen – das zentrale Problem der Translation und ihrer wissenschaftlichen Beschreibung // Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 9. Leipzig, 1986.

Jakobson, R. Linguistics and poetics // Style in language. Cambridge (Mass.), 1966.

Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg, 1983.

Nida E. A., Taber C. The theory and practice of translation. Leiden, 1969.

Stolze R. Grundlagen der Textübersetzung. Heidelberg, 1982.

В.В. Малькова (Москва)

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ СВОЙСТВ ПРЕДМЕТОВ КАК ОСОБЕННОСТЬ АССОЦИАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СЛОВ (на материале устойчивых сравнений)⁵

Выражение свойств предметов через усиление признака в устойчивых сравнениях типично для многих языков мира: русск. *тяжелый как свинец*, *сладкий как мед*, англ. *as sharp as a needle* (острый как игла), *as smooth as a die* (гладкий как игральная кость); нем. *bitter wie Galle* (горький как желчь), *weich wie Watte* (мягкий как вата). Лексико-семантическое поле «Свойства предметов» можно разделить на несколько категорий: вкусовые ощущения, запах, цвет, длина, жесткость/ мягкость и другие физические характеристики объекта. В рамках данной статьи рассматриваются способы выражения различных свойств предметов в русском и немецком языках с целью выявления их эквивалентности или безэквивалентности.

Среди совпадающих образов, служащих для интенсификации признаков в русском и немецком языках, в первую очередь стоит отметить характеристику цвета. Совпадение эталонов сравнений в обоих языках свидетельствует об общности фиксируемой в сознании русских и немцев связи цвета с конкретным предметом окружающего мира. Так, серый цвет эталонизируется в обоих языках

⁵ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00145 «Имплицитное содержание единиц русской речи: Системное описание».

через образ золы (*grau wie Asche*) и мышьиной шкуры (*grau wie das Fell von Mäusen*); красный – крови (*rot wie Blut*), рубина (*rot wie ein Rubin*); желтый – латуни (*gelb wie Messing*), желтка (*gelb wie ein Eidotter*), янтаря (*gelb wie Bernstein*); белый – снега (*weiß wie der Schnee*), мела (*weiß wie Kreide*) и др. Однако в обоих языках наблюдаются и специфичные, не типичные для другого языка, образы сравнения: русск. *красный как кирпич, как мак, как пион*, нем. *gelb wie Schwefel* (желтый как сера), *weiß wie Wachs* (белый как воск) и др.

К совпадающим единицам относятся также физические характеристики объекта и ощущения, воспринимаемые органами чувств. Так, характеристика *горячий* выражается через устойчивые сравнения *heiß wie Feuer* (горячий как огонь), *wie die Sonne* (как солнце), а *холодный* выражается в обоих языках через эталон льда (*холодный как лед – kalt wie Eis*). Помещение, где жарко, сравнивают с баней, парилкой, адом, духовкой, преисподней в русском языке, и с сауной (*heiß wie in der Sauna*), духовым шкафом (*heiß wie im Backofen*), доменной печью (*heiß wie im Hochofen*), теплицей (*heiß wie im Treibhaus*), обезьянником (*Hitze wie im Affenstall*) в немецком.

О протяженном предмете русские говорят, что он *длинный как шланг*, а в немецком языке *etw. zieht sich wie ein Bandwurm* (что-л. тянется как кольчатый червь). Острота предмета выражается в русском языке через эталоны *бритвы* и *лезвия ножа*, в немецком языке к этому добавляется образ яда (*scharf wie Gift* – острый как яд): *Das Brotmesser schneidet wie Gift* (Хлебный нож режет как яд) [Лейпцигский корпус немецкого языка].

Стоит отметить, что в немецком языке с его развитой системой словообразования сформировалось гораздо большее, чем в русском языке, количество прилагательных, основанных на устойчивых сравнениях и выражающих физические характеристики предметов: *apfelrund* (букв. яблококруглый – круглый как яблоко), *baumstark* (сильный как дерево), *daunenweich* (мягкий как пушинка), *delphingrau* (серый как дельфин), *faustdick* (толстый как кулак), *goldglänzend* (сверкающий как золото), *goldhell* (светлое как золото – о вине), *kerzengerade* (ровный как свеча – о дереве, о положении тела), *knochenhart* (жесткий как кость), *knüppeldick* (толстый как дубина), *quittengelb* (желтый как айва) и многие другие.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о различии мировосприятия представителей сопоставляемых лингвокультур. Из 120 анализируемых русских и немецких устойчивых сравнений, выражающих свойства предметов, 42 оказалось полностью эквивалентными при 78 несовпадающих, что необходимо учитывать при качественном переводе текстов с одного языка на другой и в процессе межличностного общения.

Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический): ок. 1500 единиц. М.: ООО «Русские словари»: «ООО Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 800 с.

Walter H. Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche Teil 1 Verlag Dr. Kovac Hamburg, 2008. S. 336.

Лейпцигский корпус немецкого языка [Электронный ресурс] URL: http://corpora.uni-leipzig.de/?dict=deu_ch_web_2002 (дата обращения 05.08.2016).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНФОГРАФИКИ-РЕЦЕПТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Отличительной чертой сознания современной языковой личности является стремление к быстрому получению и освоению информации [Юдина 2010, с. 9]. В связи с этим распространенным явлением коммуникационного пространства XXI века стала *инфографика*. В специальной литературе под этим термином понимается разновидность изображения, которое сочетает информацию и дизайн и служит для передачи данных в сжатом виде от автора к аудитории [Смикиклас 2014, с. 53].

Одним из распространенных видов русскоязычной инфографики, выделенных нами на основании целеполагания, является *инфографика-рецепт*. В ней раскрывается последовательность приготовления блюда или напитка. Как правило, информация в инфографике данного типа распределяется по тематическим блокам: *ингредиенты, шаги к приготовлению, комментарии*. Несмотря на то, что выразительные средства инфографики универсальны, существует зависимость между лингвистической составляющей инфографики и языком, на котором она была создана. Русскоязычная инфографика-рецепт отражает концептуальное мышление современной русскоязычной личности, в том числе в лингвистическом аспекте. Особенности сознания носителя языка наиболее ярко проявляются в следующих лингвистических аспектах:

1. Лексический аспект

Лексемы-названия традиционных блюд русской кухни в сознании носителя языка предполагают достаточно глубокий уровень понимания, широкий ряд значений и ассоциаций, иногда не понятных носителям других языков. Так, например, в инфографике-рецепте название блюда состоит обычно из нескольких элементов, которые представляют собой одну – устойчивую для носителей русского языка – единицу, например, ***селедка под шубой, картофель в мундире***. В сознании русскоязычного адресата инфографики название блюд «селедка под шубой» и «картофель в мундире» не требует пояснений. То, что «шуба» представляет собой покрытие из нескольких слоев картошки, яиц и свеклы, а «мундир» – образное название кожуры – общеизвестные факты. При переводе инфографики с подобными названиями на другой язык у иностранных адресатов может возникнуть непонимание. В русскоязычных инфографиках-рецептах на лексическом уровне встречаются также названия традиционных блюд, приготовление которых связано с религиозной традицией; ср.: ***пасхальный кулич, крещенский каравай***.

Важной лингвистической особенностью инфографики-рецепта является смешение русских и иностранных слов в пределах одного словосочетания или предложения: ***«пудинг из смоленских круп с мармеладом»***, где «пудинг» – английское слово, а словосочетание «*смоленские крупы*» – исконно русское и обозначает способ обработки гречневой крупы, иногда это название применяют

к манной крупе; при этом некоторые иноязычные слова перешли в разряд международных кулинарных терминов *сварить пасту до состояния «аль-денте»* (кулинарный термин «аль-денте» обозначает степень готовности блюда, как правило, макарон).

В русскоязычной инфографике-рецепте встречается большое количество иностранной лексики, в основном это названия блюд: *меренга, гаспачо, крутоны, роллы* или ингредиентов: *маскарпоне, куркума, кориандр, шафран*. Часто встречаются лексические единицы – названия традиционных блюд народов России: *разборник* (коми-пермяцкое национальное блюдо), *чак-чак* (татарское национальное блюдо), *лагман* (национальное блюдо среднеазиатской кухни). В инфографике-рецепте часто встречаются названия бытовой техники и специальных приспособлений, с помощью которых можно выполнить тот или иной этап приготовления блюда: *миксер, блендер, дурилаг*. Эти слова прочно вошли в международный кулинарный лексикон, поэтому в сознании носителя любого языка в данном контексте они имеют прямое значение.

2. Фразеологический аспект

В инфографиках-рецептах часто встречаются устойчивые выражения-стандарты: *довести до кипения, натереть на терке, варить до готовности, соль (перец) по вкусу, медленный огонь, водяная баня*.

В русскоязычных инфографиках встречаются выражения со значением рекомендации субъективного характера: *порезать красивыми кусочками, выложить аккуратной стопкой*. В инфографике-рецепте часто встречаются антропоморфизированные олицетворения: *дать тесту отдохнуть, сдоба дышит*. Для объяснения некоторых этапов приготовления используются метафоры по сходству, что также характерно для человеческого сознания: *скатать колбаской, порезать кубиками, свернуть трубочкой*.

3. Морфологический аспект

С точки зрения морфологии в инфографике-рецепте преобладают инфинитивы, передающие определенный способ приготовления: *пюрировать, бланшировать, пассеровать*. Лингвистическая составляющая некоторых инфографик представляет собой лишь отдельные лексемы-инфинитивы: *смешать, нарезать, добавить*.

4. Аспект языковой игры

В некоторых русскоязычных инфографиках наблюдаются элементы языковой игры. Осознанный комический эффект возникает в инфографике-рецепте в названиях и на некоторых этапах описания приготовления блюда: *«кабачковая икра, как из магазина»* – ассоциация на определенный вкус, своеобразная гарантия качественного продукта (внутренняя посылка «из магазина – вкуснее»), *«Быстрая баклажанная икра»* – комический эффект достигается за счет эллипсиса лексемы «приготовление» и последовательности слов в предложении; ср., *«баклажанная икра быстрого приготовления»*.

В русскоязычной инфографике-рецепте происходит нарушение важного требования содержательности инфографики: изображение и текст не могут быть восприняты отдельно друг от друга и представляют собой единое целое. В некоторых типах инфографики-рецепта текстовую составляющую можно понять без визуального сопровождения, но в таком случае они превращаются в обычные рецепты, визуальная часть инфографики способствует оперативному восприятию пошаговых действий рецепта.

Таким образом, в инфографике-рецепте отражаются лингвокультурологические особенности сознания русскоязычной личности: более глубокое восприятие и понимание названий традиционных русских блюд, стремление к синтезу в тексте русских и иностранных слов, элементы языковой игры. Ярче всего это проявляется на лексическом уровне. Русскоязычная инфографика имеет лингвистические особенности, которые не будут понятны иностранному адресату без специального пояснения. Требования к формальной и содержательной части инфографики достаточно велики, так как она является элементом современного информационно-коммуникационного пространства, следовательно, оказывает влияние на речевую культуру общества. Несмотря на то, что выразительные средства инфографики универсальны, существует зависимость между лингвистической составляющей инфографики и языком, на котором она была создана.

Смикилас М. Инфографика: коммуникация и влияние при помощи изображений. СПб.: Питер, 2014. 150 с.

Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010. 292 с.

В.В. Меньшикова (Симферополь)

ИСТОРИЯ БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

По свидетельству ряда исследователей [Ученова, Старых 1999], первые тексты с предложением о знакомстве относятся к XVII веку. Их появление отмечено в специализированных рекламных изданиях, которые решились на беспрецедентный на тот момент шаг в массовой коммуникации – публикацию так называемой интимной межличностной рекламы. В исследовании отмечено, что в 1693 году появляется первая редакционная вставка, где издатель ручался за полную добросовестность публикуемых обращений и соблюдение их полной конфиденциальности. В одном из первых объявлений на эту тему сообщается: *Молодая леди, бывшая в игорном доме вечером в прошлый четверг и получившая удар в грудь деревянной тростью, коль скоро захочет встретить меня в воскресенье в 2 часа или написать мне по следующему адресу ... узнает благоприятные для себя сведения. Ее согласие доставит высшее удовольствие ее покорному слуге.*

А 19 июля 1695 года некто господин, Гоутон, владелец популярного сборника «Как улучшить хозяйство и торговлю», публикует первые брачные объявления

(не «разовые», а отводит для них новую традиционную колонку в своем сборнике; поэтому за официальную дату рождения брачных объявлений можно принять 19 июля 1695 года).

Открывая новую рубрику, господин Гоутон пишет: *Я решил анонсировать всевозможные вещи, если они не предосудительны, и между прочим помещаю и эти объявления, которые также не предосудительны и за которые мне хорошо платят* [Гоутон 1987, с. 53].

История умалчивает о том, насколько эффективны оказались первые объявления о знакомстве и удалось ли их подателям счастливо устроить собственную жизнь. Важно то, что они открыли тот занавес, который до тех пор искусственно сдерживал желание мужчин и женщин поведать о своих поисках как можно большему числу сограждан.

Определенная замкнутость островной Англии способствовала тому, что примерно полвека брачные объявления были исключительно английским делом. Причем у бульварных газет очень скоро появились «конкуренты» – многие брачные агентства начали выпускать свой листок, причем на первых порах даже не печатный, а рукописный. Издание газет обходилось дорого, а написание даже двух-трех сотен специальных листков гораздо дешевле.

Особенно преуспели в распространении брачных листков немцы, в Пруссии в середине XVIII века можно было встретить достаточно много объявлений, носящих более прагматичный, меркантильный характер, нежели романтический. Бюргеры практически не интересовались внешними данными и возрастом своих будущих избранниц, на первое место они ставили зажиточность и величину приданого [Ученова, Старых 1999].

Стиль брачных объявлений и пожеланий отражал, с одной стороны, цели объявителя, а с другой – его представления о наиболее подходящей партнерше, поскольку в те времена брачные объявления давали почти исключительно мужчины (от женщин предложения поступали через родителей или родственников). В то время подателей объявлений интересовало, прежде всего, экономическое положение будущего супруга, поэтому привычной частью брачных объявлений были справки о стоимости имущества, размере приданого, наличии недвижимости и т.п. Острые социальные различия тех лет не позволяли подавать брачные объявления беднякам. Требования к особенностям характера возможного партнера стали появляться в объявлениях значительно позже. В ранних же брачных объявлениях нередко встречался неприкрытый торг. Особенно преуспели в этом деле сами англичане. Тогда периодически встречались объявления о том, что не потерявший молодых порывов лорд (герцог, маркиз) готов дать свое имя молоденькой неискушенной девушке в обмен на возможность родить наследника. Или стремительно разбогатевшие на золотой лихорадке американцы пытались дать имя своим дочерям, размещая объявления такого содержания: *молодая особа, имеющая миллионы, готова предоставить их лорду, герцогу, маркизу в обмен на титул*.

В России, на сайте «Газетные “старости”» опубликована «Брачная газета», которая выпускалась в начале XX века. Вот примеры объявлений вековой давности: *КРАСИВАЯ с русалочьими глазами, вся сотканная из нервов и оригинальности, зовет на праздник жизни интеллигентного, очень богатого*

господина, способного на сильное яркое чувство; цель – брак. Адрес: Москва, 25-е почтовое отделение предъявительнице квитанции, за № 7079.

Сейчас трудно себе представить газету или журнал (за исключением специальных изданий) без странички с объявлениями о знакомстве. Однако не всегда дела обстояли именно так. В Советском Союзе брачные послания порицались государством и были запрещены. Только в 1976 году «Литературная газета» возрождает публикации «рекламных объявлений межличностного характера».

«17 ноября 1976 года впервые в советской печати появились два брачных объявления, – вспоминает один из инициаторов этого важного дела А.З. Рубинов (цит. по: [Пищикова URL]. – *Одинокий мужчина, 48/166, образование гуманитарное, домосед, хотел бы познакомиться с блондинкой до 35 лет, любительницей театра и симфонической музыки.*

Так, с подачи «Литературной газеты» жанр объявления о знакомстве возродился и успешно существует по сей день. Являясь востребованными читателями, объявления о знакомстве публикуются едва ли не во всех средствах массовой информации, от передовых изданий до сборников с рецептами.

То есть история брачных объявлений о знакомстве в языковой картине мира берет свое начало еще в XVIII веке. Их появление отмечено в специализированных рекламных изданиях, которые решились на беспрецедентный на тот момент шаг в массовой коммуникации – публикацию так называемой интимной межличностной рекламы.

Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Вып. 22. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 23-34.

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы, или метаморфозы рекламного образа. М.: Юнити, 1999.

И.В. Милованова (Воронеж)

К ВОПРОСУ ОБ ОПИСАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

В современной лексикографии четко сформулированы основные требования, предъявляемые к описанию лексических единиц в словарях. Первое требование – это требование нетавтологичности. Толкуемое значение должно определяться через более простые значения и тем самым в конечном счете сводиться к небольшому набору элементарных значений – слов семантического языка. При объяснении того, в чем состоит отличие одной лексемы от другой, можно пользоваться перифразами, которые делятся на дефиниции (толкования в собственном смысле слова) и дескрипции. Второе требование – это требование необходимости и достаточности: все лексические значения в рамках фиксированного объекта должны быть описаны исчерпывающим образом. Третье требование – требование эксплицитности: толкование должно содержать

все семантические компоненты, с которыми взаимодействуют значения других лексических или грамматических единиц данного высказывания [Апресян 1995, с. 470-475].

Лексикографическое описание единиц в сфере ландшафтной архитектуры и ландшафтного дизайна является актуальным на современном этапе, так как представляет интерес для студентов, обучающихся по данному направлению подготовки, и специалистов, работающих в этой области. При составлении терминологического словаря необходимо использовать самые разнообразные лексикографические источники: помимо терминологических, переводных и толковых словарей следует использовать современную научную и специальную литературу. Серьезное значение имеет также проблема смыслового содержания иллюстративного материала, который выполняет важную функцию, показывая сочетаемость слова и его семантические связи с другими словами [Богачева 2013, с. 113-120].

Термин – это полное или сокращенное слово или непредикативное словосочетание, обозначающее единое профессиональное понятие и тем самым являющееся материальным обозначением соответствующего понятийного элемента системы определенной области знания. Основной функцией термина является обозначение профессиональных понятий, отражающее взаимосвязь и взаимоотношения этих понятий в соответствующей области знания. К числу важнейших свойств терминологической лексики некоторые исследователи относят ее именной характер. Несомненно, существительных в терминологии больше, чем других частей речи, и они наиболее разнообразны. Количество словосочетаний – отдельных словарных статей – должно быть меньше, чем существительных, так как в большинстве случаев словосочетания будут иметь отсылки к словарной статье опорного компонента словосочетания. Однако не всегда следует исключать из состава терминологий прилагательные, причастия, наречия и глаголы. Эти части речи так же, как и имена существительные, способны обозначать специальные понятия, поэтому их следует фиксировать в терминологических словарях, как и многокомпонентные субстантивные словосочетания. К терминам относятся словосочетания, значение которых складывается из совокупности значений компонентов. В таких случаях допустимо оформить словосочетания в виде отдельных словарных статей. Так, например, словосочетание «альпийская горка» (Alpine garden), обозначающее отдельный элемент ландшафтного дизайна, садовую композицию, следует выделить в отдельную словарную статью, так как это уже сложившийся, широко употребляемый специалистами данной области термин. То же самое относится и к таким словосочетаниям, как архитектурный элемент (architectural element), вегетационный период (vegetative period, vegetative season), зеркало воды (water surface), видовая точка (point of perception), закрытый тип пространственной структуры (closed spatial structure) и др. [Милованова 2014, с. 85-171].

Некоторые термины, обозначающие названия садов, ввиду их специфичности целесообразно выделить как отдельные словарные статьи, например: иридарий (iris garden), розарий (rose garden), георгинарий (dahlia garden), хостарий (hosta garden), виридарий (Roman garden). В то же время другие многочисленные виды садов, распространенных в ландшафтной архитектуре, описываются в словарной

статье опорного компонента словосочетания – сад: английский сад (English garden), ботанический сад (botanic garden), водный сад (water garden), песчаный сад (sand garden), висячий сад (hanging garden) [Милованова 2014, с. 151-155].

Ввиду того, что заимствования из самых разных языков являются одним из источников пополнения терминологии по ландшафтной архитектуре, возникает вопрос о репрезентации в словаре таких безэквивалентных лексем. При этом применяется транслитерация, например: патио – patio, аграф – agrafe, аркада – arcade, атриум – atrium, буленгрин – bowling green.

Адекватное лексикографическое описание лексических единиц, правильный выбор источников отбора языкового материала, грамотная разработка структуры словарной статьи способствуют наиболее полной характеристике профессиональных лексических единиц различных областей знания.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография: т. II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Богачева Г.Ф. Лексическое значение как объект словарного толкования: монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2013. 208 с.

Милованова И.В. Английский язык: термин. словарь по лесному делу и ландшафт. архитектуре. Воронеж, 2014. 185 с.

Л.В. Миронова (Борисоглебск)

ПРОБЛЕМА ФОЛЬКЛОРА И «ФАЛЬШЛОРА» СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (на примере пословиц и поговорок)

При анализе пословиц и поговорок советского периода нельзя не обратить внимания на целый пласт текстов, которые как по семиотической наполняемости, так и по поэтике резко выделяются из текстов пословичного жанра, широко представленных в классических сборниках пословиц и поговорок, например, в известном всем сборнике В.И. Даля. Речь здесь идет о таких паремиях, как: *Наша партия всегда в авангарде; Теперь что не большевик – то фронтовик; За коммунистами пойдешь – дорогу к победе найдешь* и т.д. От не критического отношения к текстам подобного рода предостерегал в свое время известный собиратель русского фольклора Владимир Бахтин, который, в частности, был убежден в том, что «очень многие тексты, предлагаемые читателю, не являются природными изречениями, а сочинены самостоятельными авторами для стенгазеты, многотиражек и других не слишком авторитетных изданий. (...) в качестве народных, мудрых и прекрасных изречений фигурируют тут бог весть откуда извлеченные, сочиненные (настаиваю на этом!) неумелыми людьми фразы» [Бахтин 1975, с. 6]. В конце 1960-х г. Ричард Дорсон придумал очень удачное название подобным, якобы фольклорным текстам – «фальшлор».

То, что фальшлор существовал в годы СССР, сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения. Вопрос состоит в другом: стоит ли вообще обращать внимание, анализировать произведения фальшлора советской эпохи, а также как,

по каким критериям фальшлор можно отличить от подлинно народных произведений, которые аккумулируют в себе многовековую мудрость народа?

Основными чертами народных пословиц являются древнее время и спонтанность возникновения, отсутствие индивидуального автора и др. Эти черты трудно отнести к советским пословицам. Идеологически ангажированные, псевдофольклорные тексты, напротив, созданы искусственно, придуманы по заказу, а потому выражают идеологию заказчика – правительства: *Два коммуниста ведут беспартийных треста*.

Закономерно, что пословицы, созданные в советский период, выражают только одну точку зрения на мир. «Заказные» пословицы в силу своей природы могут противоречить традиционным пословицам, но никогда не противоречат друг другу в отличие от традиционных пословиц, которым присущ так называемый «когнитивный диссонанс», т.е. в них находят отражение противоречивые взгляды на один и тот же предмет, явления, например: *На Бога положишься – не обложишься* и *На Бога надейся, а сам не плошай*.

Еще один критерий, по которому можно выделить «не народные» пословицы – это «буквальность»: они не используют метафору – фундаментальную мыслительную категорию для подлинных пословиц – и зачастую представляют собой наказания, запреты, лозунги: *Идет народ – на фронт; Наша Партия твердого сплава, ленинской партии – Слава*.

Итак, тексты фальшлора искажали предшествующую фольклорную традицию, но в функциональном отношении они зачастую воспроизводили закономерности самой этой традиции. Именно такие тексты, призванные выражать «настроения и чаяния всего советского народа», и представляли собой традицию нового «советского фольклора».

Однако фальшлор не смог бы существовать вне аудитории, которая бы не продемонстрировала свое согласие на то, чтобы стать его носителем. Созданные за столами агитаторов и введенные в речевой обиход на первоначальном этапе принудительно, пословицы и поговорки были подхвачены русским народом во многом благодаря тому, что в советском государстве, благодаря политике государства, удалось скорректировать общественное сознание: многие советские люди стали принимать навязанный им мир идей за мир реальный, действительный. Данный факт очень хорошо демонстрируют пословицы о Москве, в которых Москва виртуально позиционируется в центре мира: *Теперь все дороги ведут в Москву; В Москву со всего света летят слова привет* и др.

Понятно, что географические представления советских людей оказывались сильно мифологизированными, так как реальных возможностей попасть за границу у подавляющего большинства советских граждан не было.

Таким образом, можно говорить о том, что в советском государстве правящей верхушке удалось скорректировать массовую ментальность, которая, в конечном итоге, стала характеризовать «советского человека». Если допустить, что «*homo sovieticus*» существовал, то искусственно созданные советские пословицы, фальшлор, можно считать искренним выражением души советского человека, проявлением именно его отношения к миру. Следовательно, и делить пословицы на традиционные пословицы и лжепословицы не представляется целесообразным.

Бахтин В. Фольклор подлинный и мнимый // Литературная газета. 1975. №8.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1984.

Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны / Сост. П.Ф. Лебедев. М., 1962.

Н.И. Миронова (Москва)

КОННОТАТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ТОЛКОВАНИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Как известно, денотативное и коннотативное содержание языковой единицы представляют собой неразрывное единство. Коннотациями языковой единицы Ю.Д. Апресян называет «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995, с. 159]. По словам О.Г. Ревзиной [Ревзина 2001, с. 444], человеческое общение складывается из однотипных ситуаций, языковая концептуализация которых выявляет признаки, важные для успеха коммуникации, но не зависящие от конкретных воплощений ситуации. Именно эти признаки и закрепляются в языке как коннотации.

Ю.Д. Апресян указывает, что коннотации «отражают связанные со словом культурные традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи». Направления формирования коннотаций определяет Ежи Бартминьский, рассматривая их как «совокупность ... закрепленных в культуре данного общества ассоциаций», образующих соответствующие лексическому значению «содержательные элементы, логические и эмотивные, которые складываются в стереотип» [Кобозева 2000, с. 92].

Мы поставили себе задачу установить эмоционально-оценочные коннотации прилагательного *агрессивный* (~ ая, ~ ое, ~ ые) у современных носителей русского языка. В рамках исследования средств выражения речевой агрессии в русском языке мы провели психолингвистический эксперимент, включающий в себя два этапа. Первым этапом был направленный ассоциативный эксперимент с продолжающейся реакцией («цепной»), в котором приняли участие 100 студентов московских вузов обоего пола. В течение пяти минут они давали ассоциации – определяемые слова к прилагательным *агрессивный, агрессивная, агрессивное* (а позже *агрессивные*). На втором этапе респонденты давали толкование некоторых полученных в ходе ассоциативного эксперимента словосочетаний (*агрессивная поза, агрессивный цвет, агрессивные очки*).

Толкования словосочетания *агрессивные очки* показали нам наиболее интересными. Ниже приведены модели толкования:

1. Внешний вид:

1.1. Форма очков или их деталей (стекол, дужек) (*стекла – различного рода четырехугольники; оправка слишком узкая и тонкая; дужки прямые, без всяких завитушек, причудливой формы*);

1.2. Структура очков:

1.2.1. наличие определенных деталей, которые сами по себе символизируют агрессивность (*с металлическими шипами по всей оправке; украшенные шипами, черепами; с острыми углами; оправка большая и угловатая; неординарная оправка*);

1.2.2. отсутствие определенных деталей или свойств, которые должны иметь канонические (стандартные) очки (*без оправки; не должно быть никаких закруглений*);

1.3. цвет очков или их деталей (*красный; черная полоска с дужками; стекла яркого цвета (оранжевый, бирюзовый, розовый); неоновые цвета*) или интенсивность цвета (*темные; сильно затемненные; слишком темные*);

1.4. размер, объем очков или их деталей (*огромные размеры; немаленькие; занимают пол-лица; массивные; слишком большие; большие дужки; с большими стеклами; дужки тонкие*);

1.5. оценка очков, их деталей или свойств (*гротескные очки; уродливые; некрасивые; вульгарные; покрашенные в неприятный цвет; имеющие неординарную оправку; очки, которые, по мнению окружающих людей, выглядят необычно; очки, которые не принято носить в обществе; резкие линии, очки с суровой черной оправой, линии не плавные, а резкие; неудобные для использования*).

2. Функции:

2.1. маска (скрывают истинные эмоции человека или, наоборот, придают его лицу агрессивный вид, если человек совсем не агрессивен (*прикрывают глаза; закрывают большую часть лица; скрывают глаза; придают лицу агрессивный вид; делают лицо человека суровым, агрессивным; грозное выражение; делают взгляд ледяным; оправка черного цвета, большая и угловатая, делает лицо суровее; создают эффект агрессивного взгляда; заставляют человека казаться брызгой или педантом; выражают протест или агрессию*);

2.2. влияние на окружающих (*вызывающие; привлекают внимание; вызывают страх или негативные эмоции; вызывают негативное отношение прохожих; вызывают восхищение*);

2.3. указание на статус человека (*ассоциируются с людьми статусными; помогают выделиться из толпы*).

3. Категоризация, т.е. место в мире объектов, которые используются человеком (*элемент одежды; монокль; солнцезащитные очки; очки «авиатор»*).

4. Ситуации, в которой уместно или неуместно использовать подобные очки (*такие очки не принято носить в обществе; одеваются только на карнавал и праздники; очки на хэллоуин (страшные) или вызывающие, как на различных митингах*).

Анализ толкований (в самом общем виде) позволяет сделать вывод о том, что словосочетание *агрессивные очки* чаще получает негативную оценку (*уродливые; некрасивые*), чем позитивную, хотя последняя также присутствует (*вызывают*

восхищение; ассоциируются с людьми статусными). В этом проявляется субъективная речевая природа коннотаций.

Был установлен и один из механизмов формирования негативной коннотации – отклонение от нормы. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из разделов «форма», «структура», «цвет», «размер», «оценка» (*слишком темные; оправы слишком узкая и тонкая; слишком большие; выглядят необычно; имеющие неординарную оправу*), многие из них включают слово *слишком*. Кроме того, сюда можно отнести информацию о том, что подобные очки, в отличие от обычных, уместны лишь в единичных ситуациях, редких в повседневной жизни (*карнавал; хэллоуин*).

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Ревзина О.Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. ст. к 80-летию проф. К.В. Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 436-446.

Т.М. Никаева, Е.В. Соловьева (Якутск)

ОБРАЗ МАЛОЙ РОДИНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

В последние годы исследования ценностных ориентаций приобретают все большее значение. Как утверждает в работах современных психолингвистов, изучение ценностей в языковом сознании в период цивилизационного слома является особенно актуальным. Утрата прежних «незыблемых» (в советское время) ценностей, привела к определенным изменениям аксиологических ориентиров современного общества. А в сознании молодого поколения, которое в ближайшем будущем станет активным ядром общества, ценности формируются под влиянием различных факторов в том числе и происходящих изменений в стране: геополитических, социальных, культурных.

В многонациональных республиках, таких как Республика Саха (Якутия), у коренного населения в последние десятилетия наблюдается рост национального самосознания, способствующий укреплению этнической идентичности и национального патриотизма. Психолингвистические эксперименты (семантическое шкалирование и ассоциативный эксперимент), проводимые в Республике (Саха) Якутия в течение последних 10 лет, показали, что в языковом сознании жителей региона такие общечеловеческие ценности, как родина и патриотизм, приобрели еще большую значимость.

Предметом одного из исследований стал образ малой родины – Республики Саха «Якутия» в языковом сознании современных молодых людей. В ассоциативном эксперименте участвовали студенты СВФУ им. М.К. Аммосова, а также ученики старших классов школ г. Якутска.

Определение «внутреннего» имиджа Республики, сформированного в сознании студентов и школьников, позволило получить, с одной стороны, сведения психолингвистического характера: смоделировать ассоциативный профиль рассматриваемого образа; а с другой – сделать определенный социальный прогноз, выяснив, насколько молодежь считает республику благоприятным местом для проживания и собственного развития.

Для направленного ассоциативного эксперимента было выбрано несколько стимулов. Респондентам предлагалось:

- дать определение на слово-стимул «Республика Саха (Якутия)» (какая она?), записать несколько прилагательных, пришедших на ум;
- закончить предложение «Республика Саха (Якутия) – это ...?»;
- записать несколько имен, фамилий, с которыми ассоциируется республика;
- записать слова, которые наиболее подходят под определение «символ Республики Саха (Якутия)»;
- отметить наиболее распространенные, по мнению респондентов, стереотипы, связанные с Республикой Саха (Якутия).

Количественный и качественный анализ ответов показал, что большинство испытуемых на все стимулы давали положительные оценки региону, в котором они проживают. Чаще всего они определяли Республику, как «холодную», «красивую», «богатую», «большую», «родную» и «любимую». Для большей части испытуемых Республика Саха (Якутия) – это «любимая Родина», «родной край», «самый большой регион РФ». Студенты и школьники писали, что гордятся ее *значительной территорией, красивой природой и разнообразными ресурсами*, а также тем, что здесь *«живут терпеливые, добрые люди»*. Негативные характеристики составили менее 15% от всех ответов испытуемых, но их содержание говорит о том, что определенная часть молодых людей не считает «малую» родину благоприятным местом для своего проживания и развития: «неразвитый регион», «грязь», «место, откуда я хочу уехать», «плохие дороги», «дыра», «помойка», «тяжелый климат», «место, в котором сложно и дорого жить» и др.

Называя ассоциации – антропонимы, связанные с Республикой Саха (Якутия), участники эксперимента чаще всего упоминали ведущих политических лидеров Республики. Образ республики у респондентов ассоциировался, в первую очередь, с именами действующего главы региона *Е.А. Борисова*, первого президента Республики *М.Е. Николаева*, президента Республики в 2002-2010 гг. *В.А. Штырова*. Второе место разделили якутские писатели, основоположники якутской литературы: *А.Е. Кулаковского*, *П.А. Ойунского*. Реже испытуемые упоминали современных общественных деятелей, известных спортсменов и музыкантов региона.

Антропонимы, составляющие фрагмент образа «малой» родины, чаще всего содержали имена и фамилии политических лидеров, что определенным образом иллюстрирует содержание ценностных ориентаций современных молодых людей.

Определяя самые распространенные стереотипы о своей родине, испытуемые давали ответы, указывающие на:

- богатство региона и его жителей: *«алмазы везде», «бриллианты», «меха», «пушнина», «золото», «высокие доходы»* и др.;
- климатические особенности: *«холод», «зима круглый год», «снег», «вечная мерзлота», «-50/-60/-70 градусов по Цельсию»* и др.;
- близость человека к природе: *«олени на улицах», «медведи по соседству», «собаки в упряжке», «корова у каждого»* и др.;
- экзотичный для центральных городов способ передвижения: *«олени как транспорт», «собачья упряжка», «сани»* и др. и проживания: *«живут в «юртах», «иглу», «избах», «чумах», «нет бетонных домов»* и др.;
- неразвитость и нецивилизованность: *«нет цивилизованности», «нет Интернета», «дикость», «нет образования»* и др.

Символами Республики респонденты чаще всего называли *«алмазы»* и *«олений»*, так же перечисляли и другие природные ресурсы.

В целом, анализируя ответы испытуемых, можно сказать, что якуты с родным якутским языком Республику редко определяли как *«малую»* родину. Русские и русскоязычные якуты так же редко называли регион проживания *«малой»* родиной, но они чаще называли Республику – частью/ субъектом РФ, самой большой республикой/регионом России.

О.В. Новоселова (Тверь)

КАТЕГОРИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЕЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ

В настоящее время под воздействием ряда факторов, связанных с процессом глобализации, кризисом духовной сферы и трансформированием системы морально нравственных норм, приобретают особую актуальность вопросы, которые обусловлены процессом формирования и установления отношений между участниками социального взаимодействия. Осложняет этот процесс тот факт, что у каждого человека есть свои личностные или субъективные, «без рационального фильтра» представления о жизненном порядке в виде некоторого коммуникативного конструкта (фрейма), которому соответствует его вербальное и невербальное поведение, и что каждый человек определяет свое *Я* в социальной структуре по-своему.

По этой причине содержание и прагматическое воздействие одной и той же социальной практики коммуниканты могут интерпретировать и оценивать по-разному. Так, использование тех или иных языковых средств в ситуации интерактивного взаимодействия может расцениваться коммуникантами, например, как приемлемое или неприемлемое, вежливое или невежливое, а также коммуникативно справедливое или несправедливое. Примечательно, что если приемлемость высказываний в той или иной сфере взаимодействия может быть определена по их формальным признакам, вежливость высказываний – по демонстрации своего уважения к другим собеседникам, то коммуникативную справедливость высказывания невозможно определить только на уровне манифестационных (грамматических) средств.

При этом важно не отождествлять коммуникативную справедливость с категорией справедливости в ряде других гуманитарных наук, философии, политологии и социологии, так как **коммуникативная справедливость** представляет собой универсальную коммуникативную категорию, маркируемую системой речевых действий, основанных на учете собеседниками следующего комплекса факторов: 1) организации коммуникативного поведения, 2) иллокутивных характеристик высказывания, 3) средств поверхностной манифестации высказывания, 4) семантических свойств, 5) пресуппозиционных параметров высказывания, а также 6) эмоциональных характеристик высказывания.

Становится понятным, что в интерактивном взаимодействии считается коммуникативно справедливым учитывать объективные факторы действительности и отдавать им приоритет даже в тех случаях, когда это будет причиной возникновения некомфортного состояния партнеров по общению. В этом плане отказ от введения собеседника в состояние дискомфорта, проявляющийся, например, в выражении жалости или желания умолчать известные факты также станет причиной несправедливой коммуникативной практики, так как говорящий для ее реализации будет вынужден скрыть известные ему пресуппозиционные условия действительности и изменить содержание и интенциональную направленность своего высказывания. Важно иметь в виду, что и преднамеренные реплики инициатора, способствующие возникновению дискомфортного эмоционального состояния у собеседника и необоснованно нагнетающие обстановку, будут также считаться коммуникативно несправедливыми.

Тем не менее, несмотря на разнообразие и многообразие социальных отношений, все социальные практики включают оценку *справедливо* или *несправедливо* и каждая дискурсивная практика может оцениваться и интерпретироваться коммуникантами на определенной ментальной шкале, определяющей *справедливость – несправедливость* мира внутреннего состояния субъекта жизнедеятельности и оказывающей влияние на оценку событий и их участников [Романов, Немец 2006, с. 53]. Другими словами, представления о коммуникативной справедливости того или иного естественно-языкового сообщения могут быть разными у участников социального взаимодействия, но объединяет их то, что в представлении о коммуникативной справедливости каждого из них содержится два противоположных полюса действительности – *справедливый* и *несправедливый*. Наличие двух указанных противоположных полюсов социальной и коммуникативной действительности оправдано тем, что практически невозможно узнать и оценить, что такое *справедливый*, не зная, что такое *несправедливый*. При этом важно иметь в виду абсолютный характер контрарных полюсов конструкта справедливости и помнить о том, что границы областей (или континуум содержания конструкта) индивидуальны, так как люди субъективно делят доступное им пространство состояний между двумя полюсами (ср.: [Романов, Немец 2006, с. 53]).

Указанное отношение противоположности предполагает, что кроме антонимических понятий не существует каких-либо других средних или нейтральных понятий, относящихся к этому роду и разделяющих объемы крайних (ср. однако с конструктом утешения: [Романов, Немец 2006];

конструктом угрозы: [Романов, Новоселова 2013; Новоселова 2014]). Подобная контрарность объясняется тем, что категория коммуникативной справедливости не может проявляться в большей или меньшей мере, так как невозможно оценить речевой акт или а / вербальное поведение как частично справедливые или несправедливые, наряду с тем как нельзя сказать *Он поступил почти справедливо, Он почти установил отношения* или *Его фраза почти несправедлива*.

В условиях социальной интеракции широко представлены возможности формального варьирования коммуникативно справедливых дискурсивных практик, реализующих свое значение на основе инвариантной модели: *Я говорю, что готов выполнить (каузировать) некоторое действие в отношении другого, которое он может оценить (оценивает) как справедливое в отношении себя и меня, а он будет готов выполнить такое же адекватное действие в отношении себя и меня*. Языковая репрезентация воздействующего потенциала дискурсивных практик, устанавливающих коммуникативную справедливость, может осуществляться различными прагматическими типами как эксплицитных, так косвенных и транспонированных речевых актов. При этом важно отметить, что каждая из практик, реализованная в процессе интерактивного взаимодействия, является разновидностью какого-либо типа прагматического взаимодействия и каждая из них может быть оценена с позиции коммуникативной справедливости. Другими словами, категория коммуникативной справедливости не является разновидностью какого-либо типа прагматического взаимодействия, а выступает регулятором отношений между коммуникантами по любому выбранному ими типу взаимодействия.

Итак, признак (категория) коммуникативной справедливости делит все интенциональные типы высказываний, независимо от их формальных признаков, на коммуникативно справедливые и несправедливые. Конструкт коммуникативной справедливости обладает инструментальной функцией, позволяющий выявить функционально-семантический объем категории коммуникативной справедливости, и выражается совокупностью естественно-языковых практик, объединенных целевой доминантой *воздействовать на собеседника таким образом, что бы установить или поддержать справедливые отношения между ними, способствующие их кооперативному взаимодействию*.

Новоселова О.В. Функционально-семантическая интерпретация менасивных топонимов в социальной интеракции // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2014. № 2. С. 68-77. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>.

Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). Москва-Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. 168 с.

Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. М.: ИЯ РАН, 2006. 144 с.

ВЫРАЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ У НОСИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ

Категория времени коррелирует с пониманием времени, сформированном в сознании человека, в том числе и языковом. Несмотря на общепринятые качественные свойства времени, отношение к этой категории различно у представителей разных культур. Различные культуры обнаруживают различную временную ориентацию, которая хранится в системе мышления представителей этих культур. Концепт времени тесно связан с культурой и языком определенного этноса (определенной страны). Язык отражает культуру, и это означает, что все изменения в культуре влекут за собой изменения в восприятии времени; это и находит свое отражение в языке.

Объектом нашего исследования является понимание и выражение форм будущего (времени) в различных этнолингвокультурах – русской и турецкой. Для этого мы проанализировали формальные языковые признаки выражения концепта «будущее время» и провели небольшой ассоциативный эксперимент с представителями турецкой этнолингвокультуры.

В грамматической системе как русского, так и турецкого языка закодированы когнитивные модели времени. Они соответствуют как его обыденному, так философскому и естественнонаучному познанию. Поскольку временные формы есть отражение особенностей временной категоризация в концептуальной картине, то они позволяют объективировать восприятие временных отношений в действительности и используются как орудие познания (когниции) [Петрухина 2000]. Если говорить о морфологической категории времени, следует отметить, что она реализует ряд тесно связанных более частных когнитивных моделей динамического, линейного и однонаправленного (необратимого) времени. А само течение времени фиксируется на базе обыденного опыта познания человеком объективной реальности и онтологии времени.

Но есть некоторые особенности, которые отличают формальные способы выражения будущего в двух сопоставляемых языках и языковых сознаниях. Например, в турецком языке, в отличие от русского языка, употребляется форма настоящего-будущего времени. Настоящее-будущее время называет действия, которые никаким образом не соотносятся с конкретным моментом или отрезком времен. Настоящее-будущее время обозначает действия, которые передают свойства группы, класса предметов или являются привычными, регулярными, устоявшимися в силу традиций. Отметим, что настоящее-будущее время в турецком языке может передавать дополнительные оттенки: просьбу, предложение; желание; предполагаемое, планируемое действие. Также в турецком языке существует будущее-прошедшее время. Будущее-прошедшее время глагола выражает действия, которые были запланированы на будущее, но по каким-либо причинам не осуществились. На русский язык формы этого времени могут переводиться словами «собирался», «намеревался», «должен был» и т.п. Такое будущее-прошедшее время может употребляться в условных предложениях нереального типа и переводиться на русский язык формами

сослагательного наклонения. Кроме того, эта форма передает так называемую «внутреннюю (пересказанную) речь». Она используется для передачи информации о событиях прошлого.

Для того чтобы выяснить, как жители Турции воспринимают опорные концептуальные единицы категории будущего времени, был проведен направленный ассоциативный эксперимент. Анкетирование проводилось в июле 2016 года в Турции в Анталии (10.07.16 – 30.07.16). Цель эксперимента – выявить личностно смысловой и семантико-оценочный аспект восприятия будущего времени. В эксперименте участвовали люди разных профессий (преподаватели, официанты, продавцы, почтальоны, работники гостиницы, студенты), разного пола. Возраст участников от 18 до 51 года. Всего в анкетировании приняли участие 117 человек.

Известно, что каждое слово в сознании любого человека ассоциируется с каким-нибудь образом. Поэтому при первом анкетировании от участников требовалось описать любыми словами те образы, которые возникают в их сознании, когда они читают те или иные (определенные) слова. В анкете были представлены следующие слова: *миг, секунда, минута, час, день, неделя, месяц, год, век, вечность*. Отметим, что 63% участников анкетирования к словам *миг, секунда* записали слова *быстро, незаметно*, 14% – *скорость*; 10% – *сейчас*; 9% – *пуля*; у 4% процентов участников при чтении этих слов возникли образы *дождя, молнии*. И только 3% участников записали слово *доставка смс*. *Минута* ассоциируется со следующими образами: *молчание* (13%); *знакомство* (4%), *перерыв, передышка* (26%), *стрелка часов* (10%), *любовь* (2%), *недолго* (6%), *незаметно, быстро* (18%), *60 секунд* (21%). Слово *час* ассоциируется у 63% процентов участников *с вечностью*, у 12 % – *со сном*; у 10% – *с утренней поездкой на работу*, у 11% – *с приготовлением праздничного обеда, ужина*, у 2% – *с окончанием рабочего дня*. Еще у 2% участников при слове *час* возникают одновременно образы *самолета и Стамбула*. Как объяснили эти участники, из Анталии до Стамбула лететь 1 час 15 минут. При восприятии слова *день* у участников анкетирования возникали следующие образы: *солнце* (15%), *24 часа* (11%), *важное событие* (8%), *календарь* (37%); *работа* (13%), *день рождения* (6%), *обед* (10%). Слово *неделя* ассоциировалось с такими образами (словами), как *семь дней* (47%), *быстро* (23%), *долго* (23%), *отпуск* (7%). *Месяц*: *30 дней* (13%), *вечность* (44%), *быстро* (31%), *долго* (9%), *много дней* (3%). К слову *год* участники эксперимента записали следующие слова: *долго* (49%), *быстро* (34%), *12 месяцев* (9%), *опыт* (6%), *годовщина* (2%). К слову *век* были записаны следующие ассоциации: *100 лет* (54%), *история* (17%), *давно* (13%), *сериал «Великолепный век»* (14%), *вечность* (2%). Отметим, что к слову *вечность* участники записали слова: *навсегда* (37%), *бесконечность* (8%), *любовь* (42%), *жизнь* (13%).

Таким образом, анализ формальных языковых структур и проведение направленного ассоциативного эксперимента позволяют получить данные, которые могут прояснить особенности отражения будущего времени в языковом сознании представителей различных лингвокультур.

СКЕПТИК В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Сегодня бесспорным считается тезис, что языковая личность является носителем языкового сознания, т.е. человеком, существующим в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов, характеризуется с позиций языкового сознания и речевого поведения [Карасик 2002, с. 8].

Хорошо известно, что язык является наиболее удобной и доступной формой овнешнения сознания, вместе с которым они образуют единство. А.А. Леонтьев, сопоставляя понятия языкового сознания и образа мира, представляет их как отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии [Леонтьев 1999].

В данной статье представим результаты языковой рефлексии, отображающей представления носителей русского языка об узнаваемом типе коммуникативной личности «скептик». Полученные данные представляют собой обобщение результатов анкетирования и анализа контекстов рефлексии.

Прежде всего, укажем, что *скептик* ассоциативно связан с коммуникативным типажом «Фома неверующий», мотивируемым библейским контекстом, согласно которому один из двенадцати апостолов Иисуса, Фома, не поверил в рассказ о воскресении Христа и сказал: «... *если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра его, не поверю*». Сегодня Фомой неверующим называют человека, которого трудно в чем-либо убедить, который не верит словам или очевидным фактам, требует доказательств или дополнительной проверки.

– *Что делать, Гурий! Может, на всякий случай еще раз проверим их отпечатки?*

– *Эх вы, **Фома неверующий!** Машина не ошибается...*

– *И все-таки...*

– *Валяйте, только имейте в виду, что шансы у вас нулевые* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы).

Согласно проведенному нами опросу, *Фома неверующий* в сознании носителей русского языка предстает как человек недоверчивый и сомневающийся (*очень недоверчивый; недоверчивый ко всему человек / тип; кто с сомнением смотрит на жизнь; мастер сомнений; человек, который ко всему относится с сомнением, недоверчиво; во всем сомневается; недоверчивый, сомневающийся, критически настроенный человек; нигилист; профессионал сомнений; оппонент прагматика*).

В обыденном представлении носителей русского языка доминирующими характеристиками коммуникативного скептического поведения являются сомнение и недоверие. При этом скептик явно отличается от других, поскольку *‘не верит в то, во что верит большинство’, ‘идет в разрез с общим мнением’, ‘имеет свой личный взгляд, отличный от общего мнения’, ‘ставит под сомнение то, что большинство людей считают устоявшейся истиной’*; доверяет только

фактам, требует убедительных доказательств: *‘человек, который каждому действию требует опытного подтверждения’, ‘не принимает нового без научного подкрепления’, ‘требует неоспоримых исследований, доказывающих истину’*; не доверяет эмпирическому опыту и/или фактам объективной действительности: *‘не верит собственным глазам’, ‘не признает очевидное даже для себя самого’, ‘отрицает общеизвестные истины’, ‘даже попробовав на зуб, он не верит сам себе’*.

В коммуникативном поведении скептика обнаруживаются черты, типичные для поведения критика – *‘критически относится ко всему окружающему’, ‘человек, который всегда критикует’, ‘постоянно спорит и критикует’, ‘много критикует’, ‘всякое событие воспринимает критично’, ‘критично относится к жизни’, ‘человек, настроенный рассматривать любой объект или ситуацию с критической позиции’, спорщика – ‘заводит ненужные споры, спорщик’, ‘постоянно спорит и критикует’, ‘перебивает’, ‘способный оспорить любую точку зрения’, ‘любящий поспорить’*; зануды – *‘занудлив’, ‘зануда’, ‘он даже немного пессимистичен и занудлив’*; циника – *‘циничная личность’, ‘ироничный человек’, ‘ко всему относится с иронией’, ‘владелец черного юмора’, ‘немного циничный’, ‘ко всему относится презрительно’*. Как коммуникант в русском языковом сознании скептик предстает некооперативным типом личности, неспособным к гармоничному коммуникативному взаимодействию: *‘замкнутый’, ‘неконтактный’, ‘злобный’, ‘ироничный’, ‘язвительный’, ‘посмеивается’, ‘делает колкие замечания’, ‘грустный’, ‘мрачный’, ‘угрюмый’, ‘высокомерный’, ‘нагловатый’, ‘эгоцентрик’, ‘конфликтный’, ‘неуживчивый’, ‘пренебрежительный’, ‘безразличен к людям и всему вокруг’, ‘упрямый’, ‘недоволен всем’, ‘труслив’, ‘мнительный’, ‘ищет во всем подвох’, ‘нет чувства юмора’, ‘перебивает’, ‘насупившийся’, ‘сухой’, ‘всегда уверен в своей правоте’, проявляющим деструктивность в общении: ‘часто подсмеивается над высказываниями других’, ‘дает ядовитые комментарии и замечания’, ‘агрессивно настроен’, ‘злобный’, ‘конфликтный’, ‘неуживчивый’, ‘озлобленный’, ‘придирается’, ‘всем недовольный’, ‘ворчит’*. Вследствие этого у окружающих скептик вызывает негативные эмоции: *‘неприятный’, ‘не располагает к себе’, ‘наводит тоску на окружающих’, ‘таких не любят’, ‘с таким человеком не очень приятно, т.к. он лишает возможности мечтать и всегда указывает на негативные стороны’*.

С другой стороны, в языковом сознании русских скептик предстает как личность, которая обладает следующими характеристиками:

а) образованный человек, характеризуемый рациональным типом мышления. Как личность, скептик обладает определенным набором качеств, одно из которых составляет мудрость. Отличительной чертой скептика считается также его эрудированность и образованность: *Скептики обычно образованы и много знают, но любые знания подвергают сомнениям*;

б) скрупулезность, педантичность (повышенное внимание к деталям) – одна из отличительных характеристик скептика. Подобная тяга к доказательности скептика подкреплена его дотошностью, желанием во всем детально разобраться: *Из скептиков получаются хорошие исполнители, которые, стремясь докопаться до первоисточника, иногда «откапывают»*

убедительные доказательства того или иного довода, иногда лежащие так глубоко, что само их существование кажется нереальным.

Согласно проведенному анализу, отношение к скептику можно охарактеризовать как амбивалентное, поскольку скептик способен вызывать как резко положительные, так и резко отрицательные чувства.

С одной стороны, в обыденном сознании скептик представляет собой интеллектуально развитую эрудированную личность, склонную к анализу и философским поискам: *Эти люди тормозят прогресс, но и как, ни странно, способствуют ему; Скептики, несомненно, тормозят развитие и внедрение инновационных технологий в жизнь, зато повышают их уровень надежности.* При этом, скептическое коммуникативное поведение может быть как постоянной чертой характера, так и ситуативно обусловленным поведением.

С другой стороны, скептику также свойственны такие черты характера, как упрямство, высокомерие, самолюбие, эгоизм и мелочность, консерватизм, отсутствие творчества, что не способствует его восприятию как привлекательной в коммуникативном отношении личности: *...скептикам в силу своего консерватизма не свойственно творчество и полет фантазии – они с трудом примиряются с новыми веяниями и взглядами; Скептик оборудован апломбом. Апломб у скептика от рождения; Некоторые даже могут сказать, что презируют скептиков за их грех вселенского уныния.*

Таким образом, в языковом сознании носителей русской лингвокультуры приверженец скептического сомнения представлен как многогранная, при этом, узнаваемая личность, наделенная как положительными, так и отрицательными чертами, происхождение которой восходит к библейским мотивам.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.

Е.И. Пляскина (Чита)

ДИАЛЕКТНЫЕ МЕТАФОРЫ-ЗООНИМЫ В РОМАНЕ К.Ф. СЕДЫХ «ДАУРИЯ»

Роман известного забайкальского писателя К.Ф. Седых «дает широкое полотно жизни всего забайкальского казачества в предреволюционные годы и в первые годы после революции»; его обаяние заключается «в необычайной правдивости, простоте и горячей взволнованности» [Макарова 1975, с. 431]. В центре повествования – казачий поселок Мунгаловский, входящий в Орловскую станицу, расположенную на юго-востоке Забайкалья (в XVII-XVIII веках эта земля называлась Даурией), и несколько семей, жизнь которых, с одной стороны, является своеобразным отражением жизни России того времени в целом, а с другой – отличается своеобразием и самобытностью, что и обусловило активное использование автором диалектной лексики.

В центре исследования языковые единицы, номинирующие человека в процессе общения казаков в начале XX века. Это и различные формы личных

имен (*Северьян, Федотка, Кеха, Ромаха*), сочетаний их полной формы с отчеством (*Андрей Григорьевич*), термины родства (*тятя, дед, братка*), слова, отражающие пол (*девка, баба, парень*), возраст (*старик, ребятишки*), отношение персонажей друг к другу: равенство (*казаки, посёльщики*), главенство / подчинение (*станичный атаман – поселковый атаман – казак*), а также слова, имеющие переносное значение и передающие эмоции, испытываемые в различных ситуациях общения.

Среди них выделяется достаточно многочисленное семантическое поле зоонимов, то есть названий животных, в том числе птиц и рыб, употребленных в переносном метафорическом значении. Эти лексические единицы (ЛЕ) объединяются в 2 тематические группы: «Названия животных», которая включает 18 ЛЕ, в том числе 3 атрибутивных сочетания общерусского и диалектного характера (*жеребец, боров, тарбаган, гуран, волк, крыса, гад, гадина, собака, цепная собака, кобель, побитый кобель, цепной кобель, цепник, псюга, сука, путолайка, брехун*) и «Названия птиц», включающая 9 ЛЕ общерусского и диалектного характера: родовое наименование *птица* и видовые *соловей-разбойник, фазан, петух, шилохвостка, тетеря, сорока, гусь, курица*, из названий рыб встретилось только одно – *щука*. Критериями объединения слов в тематические группы являются: 1) сходство их семантической структуры, то есть наличие прямого значения – наименования животного, птицы или рыбы и переносного метафорического – наименования человека, которое и проявляет семантическую специфику этих слов в говоре, 2) функция оценки или образной характеристики; сфера использования этих слов во втором значении – неофициальная.

В рамках данной работы рассмотрены только диалектные ЛЕ, представляющие собой как лексические диалектизмы, то есть слова, бытующие на ограниченных территориях и неизвестные литературному языку (*гуран, тарбаган, цепник, псюга*), так и семантические диалектизмы, то есть литературные слова, имеющие диалектные значения (*брехун, путолайка, волк, фазан, петух, щука*). Ее цель – выявление семантической специфики этих слов в говоре путем компонентного анализа значения слова и семантического анализа контекстов.

Далее даны значения ЛЕ (общеупотребительных – по МАС и ТСОШ), диалектных – по тексту и картотеке автора, приведены контексты их (по возможности и с прямым значением) употребления из романа с указанием страницы (в некоторых из них в скобках автором статьи даны поясняющие слова и скобками же обозначен пропуск текста) и результаты компонентного анализа значения слова и семантического анализа контекстов употребления слова (там, где это необходимо).

Гуран – 1) дикий козел, самец косули; 2) коренной забайкалец (преимущественно казак, а в наше время и его потомки).

... в прошлом году **гурана** подшиб. Здоровенный козел был, чистоганом три пуда вытянул [Седых 1975, с. 75].

Одни тут мне шлёпать начали, а другие разные обидные словечки пуцают. Дескать, куда, мол, тебе, **гурану**, он, мол, тебя пополам переломит... – весело осклабился Платон... [Седых 1975, с. 241].

Лексико-семантические варианты (ЛСВ) этого диалектного слова, заимствованного из бурятского языка (*гура/н/* – «самец косули» [БРС, с. 160]) довольно далеки друг от друга (в качестве общей семы, связывающей ЛСВ, можно предположить такое качество, как упрямство, свойственное и козам, и казакам), ассоциативная связь между ними разрушается, так как внутренняя форма слова отсутствует; смысловая обособленность возрастает. Второй ЛСВ употреблен в романе и в качестве обращения, что отличает эту ЛЕ от других, причем значение его понятно из контекста.

Тарбаган – 1) сурок (небольшое животное семейства беличьих, зимой впадающее в спячку); 2) спрятавшийся в яме, расщелине человек.

– Ну-ка, ткни сюда шашкой, – показал Платону на расщелину Каргин. Платон ткнул так удачно, что, вытаскивая шашку, увидел на конце ее кровь.

– Нашли **тарбагана**. Не уйдет, – осканился Платон и скомандовал: – А ну, вылезай!.. [Седых 1975, с. 53].

Переносное метафорическое значение с живой образностью появилось у этого слова, заимствованного из бурятского языка (*тарбага/н/* – степной сурок [БРС, с. 415]) на основе семы «имеющий нору, прячущийся в норе», не включенной в словарное толкование, но важной для понимания созданного образа.

Цепник – пес, сидящий на цепи; 2) злой прислужник кого-либо.

В козулинской ограде бесновался на привязи **цепник** [Седых 1975, с. 81].

– Мало ли что не говорили. А по смыслу из Елисея самый настоящий **цепник** получается [Седых 1975, с. 311-312].

Метафорический вариант представляет собой яркий образ и передает презрительную оценку, как и словосочетание *цепной кобель (собака)*, на основе которого образовано слово *цепник*.

Псюга – 1) пес, собака; 2) злой и грубый человек.

Неожиданно рванувшись вперед, залетил он (беглый каторжник) в усталое лицо Никифора обильным вязким плевром.

– Брось баловать, сволочь... Давай, Никифор, ремень...Его, **псюгу** бешеного, скрутить надо... [Седых 1975, с. 53].

Негативная характеристика человека, названного *псюгой*, дополняется определением *бешеный* в переносном значении «исступленный, необузданный, неистовый» [МАС, т. 1, с. 89]; эти качества беглого каторжника очень мешали казакам поймать его, тем не менее, отнеслись они к нему с презрением.

Пустолайка – 1) разг. собака, лающая попусту, без нужды [МАС, т. 3, с. 561]; 2) человек, говорящий пустое, болтун.

Брехун – 1) собака, пес, лающий попусту (см. *брехать* – 1) лаять; 2) врать, говорить вздор [ТСОШ, с. 59]; 2) *прост.*, **пренебр.** врун, пустомеля [МАС, т. 1, с. 115].

Лучше **цепником** быть, чем **пустолайкой**, вроде тебя, – рассердился Иннокентий.

– **Пустолайка**, она ничего, а вот беззубые **брехуны** – это уж настоящее дерьмо, – вступился за Накулу Семен Забережный, намекая Иннокентию на недавно выбитые у него в драке во время гулянки зубы [Седых 1975, с. 312].

Эти ЛЕ передают пренебрежительное отношение к человеку, которого так называют.

Волк – 1) хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски, родственное собаке [МАС, т. 1, с. 204]; 2) жестокий человек.

– ... *Не человек ты, а волк!* – Она (Аграфена) подбежала к Дашутке, прижала ее к себе [Седых 1975, с. 173].

Негативная оценка презрения явно ощущается у метафорического варианта слова *волк* в следующем контексте.

– *Это не он ли нынче помогал комиссарам казаков вязать?*

– *Он самый. Да не один он, у него и друзья-приятели есть. Такие же волки* [Седых 1975, с. 413].

Фазан – 1) крупная птица отряда куриных с ярким опереньем [МАС, т. 4, с. 548]; 2) китаец (приискатель или таможенник).

– *И, обращаясь к артельщикам, Сахалинец говорил спокойно: – Полюбуйтесь на него, ему, дураку, китайцев жалко. А мне только бы попался фазан в глухом месте, я сразу кишки из него выпущу* [Седых 1975, с. 116].

Сахалинец, скаля зубы и подмигивая кривым глазом, спросил Семёна:

– *А перышки с фазанов тоже сыпать на весы?* [Седых 1975, с. 119].

Современному читателю и исследователю лексики романа трудно понять, почему в конце XIX – начале XX века китайцев в Забайкалье, а может быть, и на Дальнем Востоке, называли *фазанами*, на основе какой семы появилось это переносное метафорическое значение с живой образностью. Возможна ассоциация по цвету: есть такой вид фазанов, как синие ушастые, а китайцы носили курмы (стеганные на вате куртки, сшитые из синей далембы (китайской хлопчатобумажной ткани)). Определение *жирный* тоже употреблено в переносном значении – с золотом (намытым незаконным путем). Использована и другая лексика, связанная с птицами: *перышки*, *ощипывать*, *теребить*, тоже, разумеется, в переносном значении.

Петух – 1) самец курицы [МАС, т. 3, с. 116]; 2) русский таможенник.

Две громадные толпы, китайцев и казаков, каждая ближе к своему берегу (реки Аргуни), стояли, не сходясь. ... На вопрос Романа, что это за люди, Лука ответил:

– *Петухи и фазаны, – а когда увидел недоумевающий взгляд своего гостя, снисходительно пояснил: – прижимальщики нашего брата. Не приведи бог к ним в лапы попасть* [Седых 1975, с. 195].

Переносное метафорическое значение с живой образностью появилось у слова *петух*, возможно, на основе семы «важный», не входящей в словарное толкование, но всегда характеризующей это животное, что подкрепляется и словосочетанием *важно прохаживались*; возможны ассоциации и со взглядом птицы: внимательный, долгий (таможенники, чтобы пресекать контрабанду, должны быть очень внимательны ко всему, даже к мелочам). Эмоциональная окраска, как и у ЛЕ *фазан*, отсутствует.

Щука – 1) хищная пресноводная рыба с вытянутой, сплюсненной головой и удлиненным телом [МАС, т. 4, с. 744]; 2) *бран.* о женщине.

Увидев осколки стакана, она (Милодора) набросилась на Дашутку с руганью. Испуганная Дашутка долго отмалчивалась, но потом не удержалась и обозвала Милодору в запальчивости дохлой щукой [Седых 1975, с. 211].

Уничижительное отношение к собеседнику, передаваемое лексемой *щука*, усиливается просторечным определением *дохлый* со значением «хилый, тщедушный, слабосильный» (метафорическим), которое передает пренебрежительное отношение к названному признаку [МАС, т. 1, с. 441].

Из всех метафор-зоонимов со значением лица не являются оценочными ЛЕ *гуран, тарбаган, фазан и петух*, остальные характеризуют человека негативно, хотя степень эмоциональной оценки разная. Пренебрежение выражают ЛЕ *пустолайка, брехун*; презрение – *цепник, псюга, волк*, уничижение – *щука*. Причины, вызвавшие использование этих слов в качестве номинаций человека, – образное мышление и возможность свободно проявлять недоброжелательные эмоции, что, очевидно, позволялось речевым этикетом казаков – характерны для русской народной среды. Эти метафоры придают общению казаков такие черты, как прямота, безапелляционность и грубость.

ЛЕ *гуран* использована в романе и в качестве обращения (обращения-индекса, по классификации В.Е. Гольдина [Гольдин 2009, с. 80], в словосочетании *гуран проклятый*, которое выражает презрение, так как в нем актуализирована сема «ненавистный», выражаемая бранным словом *проклятый* [ТСОШ, с. 613], что подтверждает мнение о грубости общения и в семье, и между односельчанами.

Общеупотребительные в прямом значении ЛЕ *фазан, петух, пустолайка, волк, щука* имеют диалектные переносные метафорические значения, в литературном языке на их месте лакуны – так проявляется семантическая специфика этих слов в говоре. Слово *брехун* тоже имеет семантическую специфику, которая заключается в том, что в говоре у него есть прямое значение – название животного (попусту лающей собаки), которого нет в литературном языке и просторечии, хотя все нормативные словари фиксируют значение «лаять» у родственного слова *брехать* как первое, прямое.

Гольдин В.Е. Этикет и речь. М., 2009. 116 с.

Макарова Е. Константин Седых // Седых К.Ф. Даурия. Иркутск, 1975. С. 429-431.

БРС – Бурятско-русский словарь. Сост. К.М. Черемисов. М., 1973.

ТСОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010. 942 с.

Седых К.Ф. Даурия. Иркутск, 1975. 431 с.

МАС – Словарь русского языка в 4-х т. М.: Русский язык, 1981. Т.1. 4. 696 с.

И.В. Привалова (Саратов)

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

В докладе предлагается понимание соотношения таких основополагающих понятий для современной психолингвистики, как «значение» и «языковое сознание».

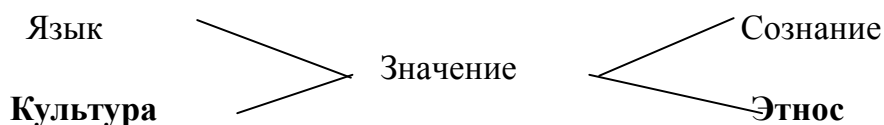
Постигая язык и «входя» в национальную языковую картину мира, носитель языка формируется как языковая личность и представитель определенного этнолингвокультурного сообщества. Но, что гораздо важнее, каждый индивид является носителем уникального языкового сознания, которое представляет

собой этнолингвокультурный феномен, и, поэтому вполне правомерным представляется использование такого термина, как «этнолингвокультурное сознание». Как мы уже указывали, «этнолингвокультурное сознание» – это культурно обусловленный инвариантный образ мира, соотношенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии» [Привалова 2004, с. 90].

Мониторинговая сущность языкового сознания наиболее ярко проявляется в когнитивных процессах, осуществляемых языковой личностью, которая принадлежит определенному этносу и определенной социальной группе. Языковое сознание состоит не только из образов сознания, «овнешняемых» (термин Е.Ф. Тарасова) языковыми знаками родного языка, но и культурных образов, которые постоянно включаются в интроспективную рефлексивную при производстве и восприятии речевых сообщений. Таким образом, комбинаторно-рефлексивная особенность языкового сознания позволяет трактовать именно этот феномен как этнолингвокультурный субстрат. Доказательством этому может служить коммуникативный акт носителей разных языков. «Межкультурное общение является в известной мере патологичным, отклоняющимся от нормы, так как в МКО общность сознаний коммуникантов не оптимальна, и поэтому нарушается обычно автоматизированный процесс речевого общения и становятся заметны составляющие его части, не различимые в норме» [Тарасов 1996, с. 11].

Кроме того, языковое сознание не может представлять собой банальную комбинацию семиотической и отражательной сущностей, поскольку инкорпорирует такой важный компонент, как культура. При этом совокупность «язык + культура + общественное сознание» – это то, что отличает языковое сознание одного этноса от языкового сознания другого этноса вообще, и индивидуальное языковое сознание отдельного представителя одного этноса от отдельного индивидуального языкового сознания представителя другого этноса. Национально-культурная специфика языкового сознания есть, с одной стороны, следствие, а с другой – причина того, что культура действует как средство обобщения людей в одну этническую группу, так и как средство разобщения людей. Поэтому на языковое сознание можно смотреть как на этно-интегрирующую и этно-деинтегрирующую реальность. Языковое сознание является основным фактором этнической интеграции, поскольку содержит дифференцирующие черты, отличающие одну лингвокультуру от другой. Но именно эти дифференцирующие черты объединяют представителей одного этноса.

Значение – это та консолидирующая ось, которая связывает язык, сознание, культуру и этнос. Вероятно, достаточно схематично это утверждение можно проиллюстрировать следующим образом:

Значение включено в сознание, и этот факт в своих трудах еще отмечали В.П. Зинченко и А.А. Леонтьев. Сознание существует в обществе, прежде всего, с помощью значений, вербально оформленных в языке. Значение, включенное в модель сознания как его «важнейшее образующее» (А.А. Леонтьев), придает чувственным образам означенность. Связь языка и значения наиболее очевидна, ибо язык является не только семиотическим заместителем надсемиотической реальности, но и формой существования знания, передача которого также осуществляется с помощью значений. Язык является носителем значений: оформленные с помощью семиотических знаков значения слов хранятся в языке и транслируются с помощью языка. В отсутствие значений язык не мог бы выполнять кумулятивную, коммуникативную, волюнтативную и другие свои функции.

Что касается связи значения и культуры, то об этом писали Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, отмечавшие, что любой языковой знак культурно-специфичен. Значения возникают, оформляются, функционируют в определенном обществе не сами по себе, вне их субъективных носителей они не имеют смысла. Особенности формирования понятий и логических операций в онтогенезе подтверждают неразрывность, неотделимость сознания, языка и культуры.

Таким образом, связь между значением и языковым сознанием очевидна. В современной отечественной психолингвистике единство тандема «рефлексивный процесс» – «речевая деятельность» обеспечивает термин «языковое сознание». Лингвистические и психологические подходы к изучению сознания – это различный взгляд на природу взаимопереходного соотношения суперзнаковой и знаковой сущностей в отражательных процессах. Однако следует признать, что в силу, прежде всего, объективных причин все попытки объяснения механизма трансформации надсемиотической реальности в семиотическую носят эмпирический характер. Но остается, безусловно, признанным факт витального двуединства языка и сознания, а значит языкового значения и языкового сознания, так как оформление, выражение и интерсубъектная форма существования образов сознания возможна лишь в семиотическом виде, таком же, как и форма существования значения.

Привалова И.В. Образ мира, языковая картина мира и этнолингвокультурное сознание // Языки и транснациональные проблемы: материалы I Международной конференции. Тамбов, 2004.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 7-12.

Т.В. Растегаева (Воронеж)

ВОЗРАСТНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СЕМАНТИКИ СЛОВА ЛЮБИТЬ

Целью нашего исследования является выявление возрастной специфики семантики слов по методике, изложенной в статье [Растегаева 2016].

В результате обработки результатов свободного ассоциативного эксперимента на стимул *любить* со 110 молодыми и 110 взрослыми людьми были получены следующие ассоциативные поля:

Молодые

Любить 110: жизнь 10; себя 8; ненавидеть 6; семья, уважать 5; жить, родных, семью 4; маму, мир, сердце, человека 3; верить, есть, навсегда, страдать 2; бессмысленно, близких, быть, всей душой, всех, выпить, глаза, девушка, девушку, дилетант, доверять, долго, друг друга, друга, её, еду, жертва, животных, злость, и жаловать, качаться, мама, мечтать, мясо, нежность, оберегать, огонь, плавать, поесть, помиловать, помнить, по-русски, право, природу, радость, ребенка, родина, родного, секс, слабость, смеяться, туалет, чувства, чувство 1.

Взрослые

Любить 110: по-русски 17; ненавидеть 8; обожать 5; всех, жизнь, себя, семью 4; детей, жалеть, жить, счастье, родину 3; верить, ждать, и ненавидеть, отношение, ребенка, уважать 2; Ашан, безумно, близкие, близких, вобла, восхищаться, всегда, гулять, дилетант, до гроба, доброта, доверие, дочь, жену, за что, заботиться, забыть, кустарь, лелеять, любовь; мужчина+женщина; навсегда, не любить, нравиться, оберегать, природу, разлюбить, Родина, родителей, секс, семья, сильно, убить, учиться, цветы, ценить, чувство 1.

Отказов зафиксировано не было.

Далее была проведена семемная интерпретация ассоциативных реакций – они были распределены по обобщенным лексикографическим значениям, а затем были сформулированы возрастные психолингвистические значения (связные дефиниции, включающие выявленные семы с указанием частотности их актуализации).

Словарные психолингвистические дефиниции

Семема	Молодые	Взрослые
Испытывать привязанность к кому-либо	испытывать чувство 2 уважения 5 доверия 2 к человеку 3, к родным 16, к себе 8, другу 1, ко всем людям 2, страдать 2; прощать 1, оберегать 1, помнить 1, приносить жертвы 1, длительно 2 сильно 1, бессмысленно 1 <i>уст. выражения:</i> (любить) по-русски 1, и жаловать 1 <i>противоположно:</i> ненавидеть 6 СИЯ 56	испытывать чувство 2, привязанности 9, к родным 15, ко всем 4, к себе 3, всегда 2, жалеть 3, верить 2, ждать 2, уважать 2; сильно 2, проявлять заботу 2, доброту 1, доверие 1 <i>уст. выражения:</i> по-русски 17 <i>противоположно:</i> ненавидеть 10; не любить 1, забыть 1, разлюбить 1 СИЯ 78
Быть влюбленным	испытывать чувство любви 5, слабость 1 к девушке 3, чувство нежности 1, радости 1, сексуальные отношения 1 <i>противоположно:</i> ненавидеть 6 СИЯ 18	испытывать чувство любви 2 в отношениях мужчины и женщины 2, сильное 2, сексуальные отношения 1 <i>уст. выражения:</i> до гроба 1 <i>противоположно:</i> ненавидеть 10, не любить 1, забыть 1, разлюбить 1 СИЯ 21

Испытывать влечение	испытывать влечение 1 к жизни 14, еде 4, миру 3, выпивке 1, глазам 1, животным 1, мечтанию 1 мясу 1, огню 1, плаванию 1, праву 1, природе 1, родине 1, смеху 1, туалетам 1, спорту 1 <i>противоположно</i> : ненавидеть 6 СИЯ 40	испытывать влечение 1 к жизни 5, к родине 4, гулянию 1, природе 1, учебе 1, цветам 1, Ашану 1, вобле 1 <i>противоположно</i> : ненавидеть 10, не любить 1, забыть 1, разлюбить 1 СИЯ 28
Нуждаться в чем-либо	-	-

Таким образом, многозначное слово *любить* демонстрирует в современном возрастном языковом сознании возрастную маркированность семантики.

Растегаева Т.В. Психолингвистическое исследование возрастной специфики семантики слова // Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. Вып. 22. Воронеж: Истоки, 2016. С.144-146.

М.Я. Розенфельд (Воронеж)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛЕКСИКОНА ПИСАТЕЛЯ НА БАЗЕ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Одной из задач современного литературоведения и современной филологии в целом является преодоление текстоцентрического подхода и, как следствие, выход к «живому» автору, к автору как субъекту дискурсивной практики. Решение этой проблемы требует расширения границ собственно литературоведческого рассмотрения художественного творчества. В качестве индикатора соприкосновения художественного текста и «обыденной» речи его автора могут выступать ключевые слова авторского текста, или маркемы [Кретов 2010]. Такой подход состоит в сравнении поведения маркем автора в текстах и в обыденном словоупотреблении, что возможно при привлечении к исследованию биографического автора [Фаустов, Розенфельд 2013].

В качестве методологической базы предлагаемого междисциплинарного подхода выступает серия психолингвистических экспериментов, направленных на выявление семантики и структурных связей ключевых слов авторского лексикона (свободный и направленный ассоциативные эксперименты; эксперимент, предполагающий создание испытуемым дефиниций предлагаемых слов; различные эксперименты, связанные со смысловой группировкой слов экспериментального списка). Полученные экспериментальные данные могут иметь различное исследовательское преломление. Во-первых, экспериментально выявленные смыслы целесообразно сопоставить с контекстуальными значениями слов, обнаруживаемыми в художественном тексте изучаемого автора. Таким образом, данные психолингвистических экспериментов оказываются востребованными в литературоведческом анализе текста. Во-

вторых, исследование обладает собственно психолингвистической ценностью: здесь предпринимается попытка описания и в дальнейшем моделирования индивидуального лексикона.

При создании ассоциативного поля целесообразно использовать данные всех проведенных экспериментов. Т.к. ключевые слова теста – это имена существительные, в фокус внимания попадают именно те ответы испытуемого, где они содержатся.

На начальном этапе построения ассоциативное поле удобно представить в виде таблицы, в столбцах которой слева направо располагаются слова-стимулы и слова-реакции. Среди слов-реакций могут быть такие, которые, в свою очередь, оказываются стимулами, вызывающими появление других реакций. Те лексемы, которые будут давать продолжения, мы предлагаем называть «словами-переключателями» (или «переключателями»). Если на некотором шаге, в одном и том же столбце возникает несколько одинаковых слов, то дальнейшее наращивание поля происходит от любого из них, но при этом фиксируется общее количество таких слов. Если же слово-стимул дает несколько реакций-переключателей, то они размещаются в разных строках одного столбца, и от каждого из них продолжается построения поля. Развертывание отдельных ассоциативных цепей завершается, если на очередном шаге вновь появится лексема, которая уже встречалась ранее, в предыдущих столбцах. Такие лексемы не могут иметь продолжения, и мы будем называть их «словами-замыкателями» (или «замыкателями»). Таким образом, построение ассоциативного поля может быть завершено в одном из случаев:

1) если на некотором шаге возникнет исходная лексема, при этом необходимо «дотянуть» все ассоциативные цепи до того шага, на котором исходная лексема появилась в качестве замыкателя;

2) если среди всех слов-реакций на некотором шаге будут только замыкатели и / или лексемы, не имеющие продолжения.

Приведем пример развертывания ассоциативного поля маркемы **печаль** (маркема извлечена из поэтического сборника Г.М. Умывакиной «Родительская суббота»). В каждой ячейке таблицы приводится полный ответ реципиента, в скобки взяты слова, не задействованные в наращивании ассоциативной цепи.

Таблица 1

печаль	СА (стихи), песня, (разлука)	СА печаль, друзья, колыбельная	1
		НА (печальная, греет) душу	2
	ДЕФ воспоминание (о невозвратном)	СИМ улыбка	3
	СИМ душа	СА любовь, стихи , полёт	4
	ОП улыбка	СИМ воспоминание	5
1	2	3	

Условные обозначения:

СА – свободный ассоциативный эксперимент

НА – направленный ассоциативный эксперимент

ДЕФ – эксперимент на свободные дефиниции

СИМ – группировки, симилары

ОП – группировки, оппозиции

Построенное ассоциативное поле в свою очередь может быть подвергнуто разноаспектным количественным исследованиям. Среди наиболее значимых параметров: количество слов, использованных в качестве переключателей (и количество употреблений таких слов); количество слов, использованных в качестве замыкателей (и количество употреблений таких слов); доля маркем среди переключателей и замыкателей; количество столбцов и строк в таблице соответствующего ассоциативного поля (количество шагов и ступеней).

Статистические данные по каждому слову экспериментального списка могут быть получены при помощи различных компьютерных программ, работающих на базе описанного выше алгоритма построения ассоциативного поля.

Кретов А.А. Понятие маркемы: методика выявления и практика использования // Универсалии русской литературы 2. Сб. статей / Под ред. А.А. Фаустова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. С. 138-153.

Фаустов А. А., Розенфельд М.Я. О субъектно-рефлексивном анализе литературного текста. Эпизод I // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 31. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга»; ВГУ, 2012-2013. С. 287-309.

А.А. Романов, Е.В. Малышева (Тверь)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ТЕЛЕСНОЙ РЕАКЦИИ СОБЕСЕДНИКА В ДИАЛОГЕ

В любом английском диалоге не последнюю роль при использовании прикосновений играет набор индивидуальных особенностей человека как личности, представляющей собой систему свойств темперамента [Малышева 2013; 2013а; 2013б; Романов, Малышева 2013; 2015 и др.]. Именно в такой системе содержатся не только особенности, но и психологические свойства, проявляющиеся в определенный момент диалога в качестве реакции на внешний раздражитель. Любопытно, но на использование прикосновений в английском диалоге отчасти будут влиять именно психологические свойства собеседника, так как независимо от содержания коммуникативной деятельности, целей и мотивов собеседник использует многие прикосновения на подсознательном уровне [Малышева 2016; Романов, Сорокин 2004; 2008]. Особенно такие прикосновения чаще всего используются в ситуациях, обусловленных эмоциональным настроением партнеров по социальному взаимодействию, т.е. тогда, когда эмоции преобладают над «разумными действиями» собеседников (как правило, это речевые акты утешения, мольбы, успокоения, порицания, признания и др.). Примечательно, что в данных актах прикосновения используются в два раза чаще по сравнению с другими речевыми актами.

Другими словами, «фундаментальный принцип человеческого поведения заключается в том, что эмоции энергетизируют и организуют восприятие, мышление и действие» [Изард 1999], являются довербальным компонентом коммуникации [Шаховский 2008, с. 44] и определяются зафиксированной телесной реакцией. Поэтому, рассматривая телесное поведение человека с точки зрения его психологических свойств, нужно отметить, что определенные

свойства человеческой личности будут существенно влиять на выбор конкретных тактильных действий в достижении результирующего эффекта. При этом набор используемых тактильных компонентов диалога будет подчиняться не только иллокутивным параметрам представленного комплексного коммуникативного акта, но и сочетанием некоторых свойств, характеризующих темперамент языковой личности:

- *активность (Ак)* – данное свойство человеческой личности с точки зрения использования прикосновений показывает степень активности используемых тактильных элементов в одномоментном исполнении с вербальными средствами диалога. Активность также проявляется не только в однократном использовании действий-прикосновений, но и в их целенаправленности и настойчивости применения по отношению к своему собеседнику;

- *темп реакции (ТР)* определяет скорость реакции адресата на комплексное интерактивное действие;

- *эмоциональная возбудимость (ЭВ)* – такое свойство личности, проявляющееся в коммуникативном поведении партнера по диалогу, характеризует степень его эмоциональной реакции в проявления положительных / отрицательных прикосновений, т.е. тех, которые используются с различными установками и с применением физической силы по отношению к адресату.

- *экстравертность (Экс)* характеризуется тем, что использованные действия-прикосновения направлены на уравнивание эмоционального состояния партнера. Прикосновения в этом случае носят «мягкий оттенок» и способствуют более легкому переживанию ситуации, в которой оказался адресат коммуникативных сообщений. В отличие от данного свойства личности, в котором прикосновения используются только собеседником – инициатором диалогического взаимодействия, такое свойство, как *интровертность (Инт)*, характерно только для адресата. Прикосновения в данном случае носят «отталкивающий характер», так как адресат непосредственного комплексного сообщения настолько погружен в собственную проблему, что не готов к дальнейшему взаимодействию и принятию позиции своего собеседника.

Если сопоставить психологические свойства личности (в нашем случае с точки зрения возможности и уместности использования прикосновений на бессознательном, эмоциональном уровне) и темперамент партнера по диалогу как непосредственную личность – *Номо loquens* и *Номо communicabilis*, то можно прийти к выводу, что в ситуациях английского диалогического взаимодействия различные типы личности неодинаково используют прикосновения (это может быть и их частотность, различная зона, на которую они направлены, различная степень интенсивности). Проявление психологических свойств темперамента говорящей личности с учетом использования действий-прикосновений в диалоге представим в следующей таблице:

Психологические свойства	Сангвиник	Холерик	Флегматик	Меланхолик
активность	высокая	высокая	высокая	средняя
темп реакции	быстрый	быстрый	медленный	медленный
эмоциональная возбудимость	сильная	сильная	средняя	сильная (отрицательный оттенок)
экстравертность	+	+	-	-
интровертность	-	-	+	+
<i>степень использования прикосновений в диалоге</i>	<i>высокая</i>	<i>высокая</i>	<i>средняя</i>	<i>низкая</i>

Таким образом, каждый тип личности характеризуется определенным набором некоторых психологических свойств, влияющих на степень использования тактильных компонентов в диалоге. Так, понимание темперамента личности собеседника по тем или иным проявлениям определенных психологических свойств через различные коммуникативные сообщения может помочь адресату понять в дальнейшем вербально – тактильное поведение партнера и спрогнозировать взаимодействие и избежать некоторых коммуникативных сбоев и провалов.

Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.

Малышева Е.В. Несловесный дискурс тактильности. Тверь: ТвГУ, Тверская ГСХА, 2016. 206 с.

Малышева Е.В. Особенности реализации психоэмоционального статуса личности в комплексном вербально-тактильном взаимодействии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Симферополь: Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского. Т. 26 (65). №1, 2013а. С. 137-142.

Малышева Е.В. Социально-психологический контекст тактильной коммуникации в диалоге // Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции 5-6 апреля 2013 года. Тверь: ТвГУ, 2013. С. 152-156.

Малышева Е.В. Специфика индивидуального тактильного поведения личности в комфортных и дискомфортных условиях диалога // Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов: сборник научных трудов III Всероссийской школы-семинара «Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов». Томск, 3-5 апреля 2013 года. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013б. С. 87-92.

Романов А.А., Малышева Е.В. Особенности реализации психоэмоционального статуса личности и уровня личной самооценки участников диалогического взаимодействия // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Тверь: Тверской государственный университет. Вып. 14. 2015. С. 98-112.

Романов А.А., Малышева Е.В. Психологическое портретирование личности в политической коммуникации (на примере роликов В.В. Жириновского на видеохостинге «Youtube») // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». Тверь: ТвГУ. Вып. 4. №26. 2013. С. 129-139.

Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: Две карты человеческого тела. М.: ИЯ РАН, 2008. 172 с.

Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: аспекты невербальной семиотики. М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004. 253 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

А.А. Романов, Л.А. Романова (Тверь)

БЕНЕФИЦИАРНЫЕ СМЫСЛЫ В КОММУНИКАТИВНОЙ ИНФОСФЕРЕ

Глобализация масс-медиа изменила подход к пониманию самой информации, которая становится «все менее отличимой от пропаганды» и которая все больше схожа с «манипуляцией символами в целях влияния на взгляды», убеждения, верования [ср.: Менегетти 2002]. Особую роль в этом процессе играют глобальные Интернет-коммуникации, *которые благодаря чрезвычайной скорости своих потоков информации затрудняют ее осмысление*, что позволяет порождать «сконструированные» информационные послания (сообщения) с меметическо-вирусными смыслами. Вездесущий охват быстрых потоков сетевой информации экономит внимание ее получателей на рефлексивную обработку несущих ею ценностей, меметическое содержание которых позволяет направлять восприятие на определенные предметные области и выставлять одни аспекты в выгодном для себя (бенефициарном) свете, а другие – оставлять в тени, расширяя функциональное поле для манипулятивных технологий в инфосфере.

Бенефициарные манипуляции в инфосфере базируются на функциональных характеристиках меметического механизма конструирования медиа-смыслов, способствующих формированию фокуса внимания, который заставляет (каузирует, побуждает) исчезать всё, что не входит в predetermined горизонт скоординированных и сконструированных (т.е. фреймированных) событий. При помощи медиа-смысловой фокусировки внимания потребителей информационных посланий остается лишней (ненужной) постановка вопросов об истинности / ложности фактуальной (референтной) реальности, потому что формируется, конструируется в качестве истинной только медийная (дискурсивная) реальность, информация о которой распространяется, закрепляется и тиражируется как в индивидуальном, так и в массовом сознании благодаря меметическим свойствам ее носителей и распространителей в виде мемов или регулятивов (ср. ситуацию с ОИ-2016).

Получается, что реальность создается верой и воображением в самом широком понимании, то есть от простейших механизмов самосохранения до конкретных инстинктов, управляемых мозговым стволом, от территориального поведения людей до абстрактного символизма их нервных импульсов, кодируемых в ментальные образы и полагающих основание мировоззрению человека. При этом образуется своеобразный круговорот и мена полюсов «ясность – неясность», «реальность – нереальность», ибо: «неясно», что является «реальным», а то, что становится ясным и понятным, не является «реальным» [Менегетти 2002].

Медийная образность такой веры в нереальность новостных известий показывает и доказывает свою эффективность в плане коммуникативно-прагматического (манипулятивного) воздействия на массового адресата, которое опирается на **«механизм меметичности»** как основу цикличного, социально обусловленного повторения моделей понимания социальной действительности, способствующего продвижению, «продавливанию» и закреплению структурированной в виде фреймовых конфигураций информации в ментальном пространстве индивида на уровне языкового сознания или языковой ментальности» [Романов, Романова 2011; Романов 2015].

Такую «продавливающую» особенность механизма меметичности цикличного повторения информационных посланий подметил А. Менегетти, метафорически обыграв английские слова *message* и *massage*: «Информация строит нас», поэтому любое «послание есть *message*, нас массирующее» (ср. также эту фразу у Ж. Бодрийара) и высказанное К. Беккером утверждение: «Кто управляет метафорами – управляет мыслью».

Примечательно, что для адресата «мера веры» и «сама вера» по эффективности воздействия оказываются сильнее фактуальности (т.е. реального положения дел), ибо «вера», «авторитетное мнение», «субъективность» затрагивают эмоциональную сферу человека в большей степени, чем «сухой» факт и через нее (эмоциональную сферу) определяет большинство наших решений. Немецкий специалист по нейромаркетингу и визуализации эмоций Арндт Трайндл отмечает в этой связи: «У нас сложилось ошибочное представление о человеке. Западная культура, основанная на христианских ценностях и античной философии, построила в честь человеческого разума огромный храм, в котором не нашлось места эмоциям. Однако именно это «изолированное» явление определяет большинство наших решений, принимаемых вполне сознательно».

Следует отметить, что сама по себе *высказанная идея* или *коммуникативно-информационный стереотип* (паттерн, шаблон) не являются мемами до тех пор, пока не заставят каузировать (причинять, побуждать) любого их носителя в виде того или иного средства СМИ или других людей «реплицировать» – в терминологии Р. Докинза – ее в ком-то еще [подробнее см.: Романов, Романова 2011]. Отметим, что каждая из подобных идей есть своего рода *мем* или *регулятив* как конкретное и единичное информативное образование, добавленное в медийное пространство с целью психопрограммирования или перепрограммирования массового адресата в дискурсивном пространстве.

Примерами таких «прошивающих насквозь» или «живущих» идей, то есть «идей-стартеров или стартерных регулятивов», способных активизировать массу людей, могут служить отдельные *слоганы* в рекламе (*Жажда всё – имидж ничто*), *музыкальные мелодии* и *их тексты* (гимны, песни о Родине, баллады), *визуальные изображения, изобретения, мода*, *политические лозунги-заклинания* (*Голосуй, а то проиграешь; Советское – значит отличное, Майдан – революция достоинства, Украина – это Европа, Слава героям – героям слава* и т.п.), а также такие *комплексные событийные понятия*, как «экология» и в зависимости от вида и рода деятельности «*экологичность*», например, *лингвоэкологичность*, «*молитва*», «*проповедь*», «*глобальное потепление*», «*гендерное равенство*»,

«всеобщая – расовая, международная, религиозная, межкультурная – толерантность», «мультикультурализм» и др. [подробнее см.: Романов, Романова 2011; Романов 2015].

Менегетти А. Онтология и меметика. Под общ. ред. П. Бернабей. М.: Психологическое издательство, 2002. 149 с.

Романов А.А., Романова Л.А. Мемезис перформативного знания о функционировании естественно-языковых практик [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК. 2011. № 2. С. 66-71. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов А.А. Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. Ежегодное международное издание. Вып. 13. Воронеж: НАУКА – ЮНИПРЕСС; Воронежский гос. университет, 2015. С. 88-118.

А.В. Рудакова, Н.В. Вальтер (Воронеж)

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ВЫСШЕЙ ОЦЕНКИ

(на примере лексем *бесподобный, божественный, потрясающий*)⁶

Были выявлены ассоциативные поля стимулов – имен прилагательных высшей оценки: *бесподобный, божественный, потрясающий*; данные приводятся по [АСУРЛ 2011], психолингвистическое описание семантики осуществляется по методике, разработанной И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой [Стернин, Рудакова 2011].

Представим результаты исследования.

Лексема *бесподобный* имеет следующее психолингвистическое значение:

1. Классный 35, отличный 23, прекрасный 10, превосходный 8, великолепный 5, необыкновенный 5, идеальный 4, замечательный 2, поразительный 2, восхитительный 2; уникальный 19, исключительный по красоте 36, по вкусу 16, по запаху 2, по нежности 2, по физическим или моральным качествам 7, по умениям 2. СИЯ 192

2. Не имеющий себе равного; уникальный 23 по силе проявления. СИЯ 28

У лексемы *божественный* было выделено следующее психолингвистическое значение:

1. Прекрасный 8, великолепный 5, лучший 5, восхитительный 4, великий 3, идеальный 3, неземной 3, превосходный 2, незабываемый 1, неповторимый 1, чудесный 1; исключительный по каким-либо качествам, например, по красоте 43, вкусу, запаху 10, каким-либо физическим или моральным качествам 13, способностям 10, умениям 3, комфорту 1. СИЯ 139

⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

2. Связанный 30 с Богом 17, принадлежащий Богу 23, сделанный Богом 14, светлый 6, святой 4, вызывает одобрение 1. СИЯ 96

3. Относящийся к религии 26, верящий в Бога 20, церковный 8. СИЯ 54

Лексема *потрясающий* имеет следующие психолингвистические семемы:

1. Великолепный 9, классный 9, лучший 3, превосходный 3, восхитительный 2, замечательный 1, вызывает чувство восторга 4. СИЯ 71

2. Производящий сильное впечатление 4 новизной 1, оригинальностью 1, вызывающий удивление 5 и восторг 4 какими-либо качествами. СИЯ 43

3. Исключительный по своим качествам, сверх обычного, вызывает чувство восторга 3, удивления 4, шока 1, например очень красивый 9, очень уродливый 1, очень умный 2, очень непохожий на других 3, значительно нарушающий порядок 1, очень высокий 1. СИЯ 25

4. Колеблющий 1 ударом 1 что-либо, например землю 1. СИЯ 3

Лексема *потрясающий* по своему происхождению является причастием, в ситуации обозначения оценки чего-либо выполняет функцию прилагательного, с этим связано небольшое количество признаков, передающих оценку. Прилагательные *бесподобный* и *божественный* представлены в сознании носителей языка как более конкретизированные с точки зрения семантики единицы, в их семантическом составе выделяется сема «исключительный по каким-либо качествам», к таким качествам, прежде всего, относятся красота, вкус, запах. Два последних прилагательных могут быть признаны синонимами по первой семеме, их семантический состав наиболее близок друг другу. Приведенный психолингвистический анализ позволяет определить степень близости синонимов и симиляров.

АСУРЛ – Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Науч. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2011. 187 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 192 с.

А.П. Сдобнова (Саратов)

«Я» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

В начале XXI века единица **Я** в ядре языкового сознания (ЯЯС) и взрослых, и школьников заметно усилила свои позиции в сравнении с концом XX века. Н.В. Уфимцева в ряде работ отмечает повышение ранга ядерной единицы **Я**: с 36-й позиции в ЯЯС по материалам РАС до 10-й по материалам ЕВРАС. Повышение значимости **Я** отражается и в сдвигах в структуре ассоциативного поля одноименного стимула. Такое изменение, вызванное общественно-экономическими и социокультурными факторами, характерно для языкового сознания молодого поколения носителей русского языка – студентов 17-25 лет. Нам представилось важным рассмотреть значимость **Я** в сознании школьников в этот же временной период на материале «Ассоциативного словаря школьников

Саратова и Саратовской области» (1998-2008): насколько проявляется действие факторов – социокультурного состояния общества, возраста – на динамические процессы в структуре ассоциативного поля стимула **Я** в школьный период, в период становления личности.

Единица **Я** входит в ядро ЯЯС каждой из четырех возрастных групп (1-4 кл., 5-6 кл., 7-8 кл. 9-11 кл.), ранговые позиции ее различны в возрастных вариантах ЯЯС, а значимость **Я** интенсивно возрастает от младшей возрастной группы к старшей: в 1-4 кл. – 27-й ранг; в 5-6 кл. – 10-й ранг; в 7-8 кл. – 10-й ранг; 9-11 кл. – 3-й ранг. От младшего к старшему возрасту ассоциативно-вербальные связи **Я** становятся настолько сильными и широкими, что эта единица перемещается с 27-й позиции в ЯЯС младших школьников на 3-ю у старшеклассников.

Сильную актуализацию **Я** в сознании школьников можно объяснить ростом личностного начала в обществе в постперестроечный период в России, когда проводился ассоциативный эксперимент со школьниками. Но представляется, что возрастная динамика актуализации **Я** – это, в первую очередь, проявление процесса становления самосознания, устойчивого образа **Я**, осознания себя как личности в школьный период. Ассоциативный эксперимент проводился в одно и то же время с младшими школьниками, подростками и старшеклассниками, и временной фактор, хотя он и имел некоторое место, поскольку эксперимент проходил в течение почти десяти лет, не мог быть ни решающим, ни единственно воздействующим на языковое сознание школьников. Структура ассоциативных полей разновозрастных групп школьников, по нашему мнению, подтверждает это.

Ассоциативные поля стимула **Я** четырех групп школьников имеют сходные фреймовые структуры, которые включают смысловые блоки: идентификация себя, оценочная самохарактеризация, типичное действие или состояние лица, метаязыковая и грамматическая рефлексия и другие.

Формирующееся в школьный период осознание самого себя как личности наиболее отчетливо проявляется в блоке «идентификация себя». В нем выделяются группы реакций, в которых школьники идентифицируют себя по гендерному, возрастному признакам, по социальной роли в школе, в семье, в кругу друзей (**Я** → *мальчик; юноша; мужчина; девочка; девушка; ученик; ученица; сын; дочь; друг; подруга*), по отнесенности к обществу (**Я** → *человек; личность; индивид; часть общества; человек третьего тысячелетия*). По мере взросления увеличивается доля ассоциатов для обозначения сознаваемой человеком собственной сущности, самого себя как личности, индивидуальности. Так, реакция *человек* имеется в АП всех четырех возрастных групп, и сила связи **Я** → *человек* возрастает: резкий скачок происходит при переходе из младшей возрастной группы в младшую подростковую (доля реакции в АП увеличивается с 5,16% до 12,38%). В старшем подростковом и юношеском возрасте доля этой реакции в АП увеличивается, но не так значительно: 16,31% и 15,35% соответственно. Увеличение частотности реакции *человек* на стимул **Я** под влиянием социокультурных изменений наблюдается и в АП взрослых испытуемых. Ср.: в конце XX в. в РАС – 9,81%, а в начале XXI в. в СИБАС и ЕВРАС – 15,23% и 18,04%. В ассоциациях школьников действие

социокультурного фактора, несомненно, имеет место, но действие возрастного фактора проявляется сильнее, ярче.

И еще важный момент: социализация школьника и формирование личностного начала в его сознании актуализируют иные, новые ассоциативные связи в ассоциативно-вербальной сети. В них эксплицируется обозначение себя как отдельной личности, и проявляется это при переходе от младшего подросткового возраста к старшему подростковому. Так, в старшем подростковом возрасте (7-8 кл.) к обобщенной номинации *человек* добавляются *личность* (1,71%), *индивид* (0,43%), в юношеском возрасте (9-11 кл.) частота реакции *личность* возрастает в шесть раз (9,84%).

К обозначению сознаваемой старшеклассниками собственной сущности, индивидуальности (*личность, индивидуум*) присоединяются ассоциаты, репрезентирующие восприятие себя еще более общо: как части общества и мира (*Я → часть общества, человек третьего тысячелетия*).

Рассмотренные примеры демонстрируют этапы становления самосознания личности: первый явный скачок обобщения, категоризации *Я* (я – человек) наблюдается на ступени перехода из младшего возраста в младший подростковый. Более глубокое осознание себя как личности берет начало в младшем подростковом возрасте, интенсивно формируется в старшем подростковом и юношеском.

Рассмотренные ассоциативные данные демонстрируют активный динамический характер осознания *Я* в школьный период.

Е.А. Скаврон (Старый Оскол)

СЕМАНТИКА СЛОВА В СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ И В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (языковое сознание подростка)

Слово в словарной статье по содержанию обычно максимально нейтрально и несет минимальную аффективную нагруженность. Значение этого же слова в дискурсе субъекта нагружено оценками, эмоциями и аффектами, отражая личную дискурсивную практику субъекта.

Вследствие этого, словарный смысл слова и смысл, отраженный в сознании носителя языка и порожденный субъектом в виде осмысленного им текста, как правило, будут не совпадать.

С целью подтверждения данного факта нами был проведен эксперимент. Эксперимент проводился среди школьников в возрасте 13-14 лет (средняя образовательная школа №40 г. Старый Оскол). Испытуемым было предложено дать определения словам: *свобода, порядок, толерантность, демократия, музыка, одноклассники, честность, друг, радость, учитель*.

Приведем некоторые примеры:

Словарное значение	Ответы испытуемых
Свобода – возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества	<p>Тот термин, которого не было в простом народе. Рабы, офисный планктон. Состояние, в котором человек находится в покое и никто его не достает. Непривязанность к кому-либо или к чему-либо. Независимость человека от кого-либо или чего-либо. Жизнь. Относительное понятие душевного покоя. Независимость. Полное отсутствие контроля. Когда тобой никто не распоряжается. Полная анархия. Состояние душевного покоя. Добровольная независимость от других людей или проблем. Полная независимость от кого-либо. Цветочки, деревья, птички поют. Пустая голова. Независимость. Представляется поле с голубым небом и посередине стоит береза. Природа. Цветочки. Независимость. Право человека, записанное в конституции. Право делать все, что пожелаешь. Право голоса. Право действия. Действия без ограничений. Выходные. Когда ты с друзьями и тебе хорошо. Чувство независимости. То, чего я не получаю из-за школы....</p>
Порядок – правильное, налаженное состояние, расположение чего-н. <i>Держать вещи в порядке</i>	<p>Когда дома все чисто и убрано. Для глупцов, гении господствуют над Хаосом. Когда все на своем месте. Чистота. Когда твоя душа добра. Порядочность действий. Когда всё дома хорошо. Добро. Понятие, в котором заключается то, что всегда на своем месте. Система, систематизированная во всем. Душевное равновесие; Вещи на своих местах. Когда, наверное, всё убрано; Порядок в тюрьме. Гармоничное, ожидаемое, предсказуемое, состояние или расположение чего-либо. Вещи на правильных местах. В сознании. Правильное положение вещей. Дома все сверкает. То, чего у меня в комнате не существует. Когда все убрано. Вещи в шкафу, а не на стуле лежат. Все чисто. Нет грязи. Добротно.</p>
Толерантность – социологический термин, обозначающий терпимость к иному мировоззрению образу, поведению и обычаям	<p>Вежливость ко всему живому. То, чего у меня нет. Черта характера, которая характеризует честь, уважение, достоинство. Хорошие манеры, адекватное поведение. Воспитанность. Чувство этики. Уважение. Внутренняя позиция воспитанности. Вежливость по отношению к другим. Добро. Хорошее отношение ко всему. Терпимое отношение ко всем, кто не похож на тебя. Воспитанность; уважение к другим культурам и традициям. Когда следуют моральным нормам поведения. Меня это не касается. Без понятия. Приходить в гости с тортом. Воспитание. Манерный человек. Второй этаж. Невозможность сопротивляться. Умение держать себя в руках. Хорошие манеры. Качество, которое человек получает в жизненном пути.</p>
Одноклассники – ученик того же класса, в котором кто-н. учится, учился	<p>Учащиеся в одном классе. Люди, с которыми ты мучаешься 11 лет. Соц. сеть. Те, кто тебе дают. Те, с кем ты обучаешься. Хорошие люди. Мои знакомые. Люди, которые оставят тебя в трудную минуту. Друзья. Дебилы, сидящие в одном помещении. Только здесь не напоминайте. Мальчики бесят, девочки тоже, а так люди, которые тебя бесят. НЕ ПОВЕРИТЕ, НО ЛЮДИ. Фильм. Те, кто меня бесят. Те, кто все время бесят. Мои любимки! Люди из одного класса.</p>
Друг – товарищ, названный брат,	<p>Человек, который поможет тебе во всем. Человек, поддерживающий тебя в трудную минуту. Человек, с которым</p>

побратим, но не родственник	хорошо. Лучший собеседник. Близкий человек. Человек, прошедший проверку временем. Тот, с кем хорошо. Человек, который пошлет в любую минуту. Человек, с которым можно быть откровенным. Человек, который всегда рядом с тобой. Человек похожий на тебя по манерам. Человек, с которым можно поговорить на любую тему.
Учитель – лицо, которое обучает чему-н., преподаватель	И так все знают. Та, кто бесит всех. Слишком много говорит. Домашку задает. Тот, кто поддержит тебя. Твой наставник. Старая мымра. Бесит всех. Беспольный элемент школы. Человек, который поддержит тебя во всем. Пример для подражания. Человек, образованный в одной сфере.

Большая часть ответов свидетельствует о том, что испытуемые находятся в предельно вовлеченной и «заряженной» позиции по отношению к словам, включенным в эксперимент. Следовательно, испытуемые, участвуя в эксперименте, создают некоторый текст в процессе осмысления предложенных им понятий, и этот текст в основном носит эмоционально-оценочный характер.

Э.Ю. Соколова-Сторчай (Воронеж)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СИНОНИМОВ

Современная лингвистика продолжает развиваться, и одной из ее парадигм является антропометрическая парадигма, призванная анализировать «человека в языке и язык в человеке» [Маслова 2001].

В рамках этой парадигмы мы рассмотрим психолингвистические методы, которые включают в себя две основные методики изучения значения языкового сознания: ассоциативные методики и методики лингвистического интервьюирования. Сразу оговорим актуальные проблемы этой отрасли. Зачастую разные методы дают разные результаты, и наша задача – научиться их интегрировать для выявления новых, устаревших, ядерных и периферийных сем. Основная цель данного исследования – выявить психолингвистическое значение, которое представлено в языковом сознании. Оно значительно шире и глубже лексикографического, рассматриваемого психолингвистами в качестве основного, важного и базового значения, без которого, стоит заметить, не обходится ни одно психолингвистическое исследование.

Таким образом, «предлагается двухэтапный алгоритм описания психолингвистического значения слова, включающий первый – предварительный этап – лексикографическое описание значений методом обобщения словарных дефиниций, и второй этап – собственно психолингвистический, выступающий как дополнение лексикографического описания» [Виноградова, Стернин 2016].

Психолингвистическое значение – это значение лексической единицы, выявленное экспериментальным методом и представленное в языковом сознании носителей языка.

В качестве иллюстрации рассмотрим два примера, чтобы показать, в чем различие лексикографического описания слова от психолингвистического. Опорными словами выступают близкие по значению слова **врач – доктор** и **джип – внедорожник**, именуемые в психолингвистике симилярами.

В традиционных лексических словарях они практически не различаются по своему значению:

ДО́КТОР, -а, мн. -а, -ов, муж. 1. То же, что врач.

Мы видим, что в словаре С.И. Ожегова слово **доктор** толкуется через слово **врач**.

Лексемы **джип** и **внедорожник** в БТС под ред. С.А. Кузнецова представлены следующим образом:

ВНЕДОРОЖНИК. Разг. Легковой автомобиль повышенной проходимости; джип.

ДЖИП. 1. Американский легковой автомобиль, предназначенный для езды по бездорожью. 2. Разг. Легковой автомобиль повышенной проходимости; внедорожник. *Энцикл.* От сокращения G.P. (general purpose, т.е. общего назначения); разработан как транспортное средство для военных.

Анализ словарных дефиниций показывает, что в БТС слова **джип** и **внедорожник** представлены как полные синонимы. Но так ли это на самом деле? По результатам свободного ассоциативного эксперимента и семантической интерпретации его результатов были получены другие семные описания исследуемых значений (опираемся на результаты исследований А.В. Рудаковой и И.А. Стернина [Стернин, Рудакова 2015]).

Значение слова **доктор** хуже освоено языковым сознанием носителей языка. При этом оно многозначно, есть значение **доктор наук**, в то время как слово **врач** – однозначно.

Семантика слова **доктор** более абстрактно, отстраненно воспринимается языковым сознанием, это слово хуже освоено языковым сознанием, используется в основном в виде обращения, а слово **врач** ближе языковому сознанию, лучше освоено, в нем больше сем и выше их яркость.

Слово **джип** обозначает престижную дорогостоящую модель автомобиля, положительно оцениваемую языковым сознанием, **внедорожник** же – это преимущественно просто автомобиль высокой проходимости. Слово **внедорожник** – разговорное.

В целом, экспериментальное описание значений слов в языковом сознании носителей языка убедительно доказывает отсутствие в языке такой лексической категории как абсолютные синонимы.

Лексикографическое значение дает основные сведения об исследуемой единице. Однако для выявления глубинного содержания слова как элемента языкового сознания носителей языка необходимо обращаться к психолингвистическому значению, раскрывающему практически все семантические компоненты, выявленные в ходе эксперимента. Необходим психолингвистический синонимический словарь русского языка.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр Академия, 2001. 208 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Методика психолингвистического исследования синонимов // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2(24). С. 258-272.

Е.В. Старостина (Саратов)

СТЕРЕОТИПНЫЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ СВЯЗИ СТИМУЛ-РЕАКЦИЯ И ИХ ТИПЫ

Ассоциативно-вербальная сеть, по Ю.Н. Караулову, является аналогом языковой способности и, как отмечают многие исследователи, ничем не уступает другим источникам изучения языка. Более того, если задачей исследователя оказывается изучение стереотипов языкового сознания, данный источник представляется нам наиболее удачным, поскольку, как отмечает А.П. Сдобнова, «в условиях свободного ассоциативного эксперимента, когда на выбор реакций влияет меньше случайных особенностей конкретных ситуаций текстопорождения, реализуются наиболее типичные, базовые, в значительной мере универсальные отношения» [Сдобнова 2015, с. 9].

Можно считать доказанным тот факт, что вербальные ассоциации изменчивы во времени и в определенной степени зависят от различных социальных характеристик испытуемых (пола, возраста, уровня образования и т.д.), а также от условий проведения ассоциативного эксперимента. Однако изменения, происходящие в ассоциативных полях, зачастую не затрагивают наиболее частотных реакций. В большинстве ассоциативных полей существуют частотные реакции, которые оказываются весьма устойчивыми и мало меняются при изменении перечисленных выше факторов.

В настоящей работе сопоставляются реакции с частотой более 5% (так называемые «главные ассоциаты» – термин В.Е. Гольдина) 55 ассоциативных полей, полученных от русскоязычных испытуемых студенческого возраста в разное время: в начале 90-х годов прошлого века (РАС), в начале XXI века (материалы ассоциативных экспериментов, проведенных автором в 2005-2008 гг.) и во втором десятилетии XXI века (ЕВРАС).

Исследование показало, что в 38 полях из 55 присутствуют такие «главные ассоциаты», которые оказываются общими для всех трех сопоставляемых полей. В основном их немного в каждом поле, один-два, и только в двух полях присутствуют по три общих ассоциата (это поля *молодой* – общие ассоциаты *человек, старый, парень*; *пить* – общие ассоциаты *воду, вода, есть*).

Несомненно, большое влияние на изменчивость стереотипных реакций во времени оказывает характер слова-стимула. Есть стимулы, частотные реакции на которые меняются, и есть стимулы, наиболее частотные реакции на которые остаются практически неизменными. Например, закономерно изменились частотные реакции на стимул *правительство*. Если в РАС среди наиболее частотных присутствуют такие реакции, как *наше, страны, советское, СССР, Горбачев*, то в ЕВРАС их набор совершенно другой – *государство, РФ, власть, Дума, России*. С другой стороны, наиболее частотные реакции на стимул *злость*

в РАС и ЕВРАС практически одинаковы – *ярость* и *ненависть* (в ЕВРАС планку в 5% преодолевает еще реакция *гнев*).

В настоящем исследовании нас интересовал не характер слов-стимулов, нам было важным проследить, какие именно типы ассоциативных связей реализуются в полученных парах стимул-реакция. Как считает Г.А. Мартинович, существуют определенные закономерности порождения стандартных ассоциаций. Исследователь отмечает, что в основном стандартными являются ассоциации, возникающие на основе регулярной совместной встречаемости слов в текстах (функциональная смежность). Это могут быть, по А.А. Леонтьеву, либо речевые ассоциации, вызванные закономерностями совместной встречаемости слов в речи (*high – mountain, высокая – гора*), либо языковые ассоциации, вызванные закономерностями совместной встречаемости слов в языке, отражающие общераспространенный языковой шаблон (*high – school, высшая – школа*). По мнению Г.А. Мартиновича, это связано с тем, что «все наиболее стереотипные (социально значимые) вербальные ассоциации возникают и закрепляются в языковом сознании людей в значительной мере под влиянием текстов как естественный итог постоянного существования человека не только в мире вещей (прежде всего – биосфере), но и в мире слов (лингвосфере), эти вещи представляющих, опосредствующих, как результат регулярной совместной встречаемости одних и тех же слов в тематически однородных текстах» [Мартинович 1990, с. 145].

Исследование показало, что среди общих для всех трех исследуемых источников 53 частотных ассоциативных пар стимул-реакции чуть более половины (27 пар, что составляет 51%) реализует парадигматические связи, т.е. не является ассоциациями по функциональной смежности. В этих парах находят отражение не речевые связи или языковые шаблоны, а системные отношения в лексике, такие как синонимия (например, *государство – страна, деревня – село, друг – товарищ, злость – ненависть, обман – ложь, сочувствие – жалость*), антонимия (например, *быстро – медленно, молодой – старый, плохо – хорошо, тяжелый – легкий*), оппозитивные отношения (например, *жена – муж, женщина – мужчина, мальчик – девочка, он – она, папа – мама*), гипогиперонимические отношения (*рубль – деньги, рубль – копейка*).

При этом достаточно часто стимул и реакция в паре являются взаимно обратимыми, т.е. если на стимул *муж* дается частотная реакция *жена*, то и на стимул *жена* дается частотная реакция *муж*. Также взаимно обратимы пары *товарищ – друг, хорошо – плохо*.

Достаточно широко представлены также ассоциативные пары, в которых реализуются синтагматические связи, т.е. речевые реакции по функциональной смежности (19 пар, что составляет 36%): *быстро – бежать, взрослый – человек, гордый – человек, девушка – красивая, долго – ждать, жадный – человек, мальчик – маленький, молодой – человек, муж – любимый, пить – воду, ребенок – маленький, российский – флаг, сидеть – стул, смеяться – весело* и другие.

Языковые ассоциации, вызванные закономерностями совместной встречаемости слов в языке, встречаются крайней редко, в нашем материале было представлено всего 2 таких пары (4%): *Родина – мать* и *детский – сад*.

Также среди рассмотренных ассоциативных пар встретилось 5 примеров (9%), в которых реализуются тематические связи, т.е. связи не по сходству, а по смежности: *воровать – плохо, литература – книга, связь – телефон, солдат – армия, шутка – смех*.

Итак, проведенное исследование показало, что наиболее устойчивые стандартные (стереотипные) связи стимула и реакции, не подверженные изменению во времени, реализуются в основном в виде ассоциаций по сходству и представляют собой парадигматические реакции, отражающие системные отношения в лексике (синонимия, антонимия, гипо-гиперонимия, оппозитивные отношения). Широко представлены также ассоциации синтагматического характера, причем именно речевые (но не языковые). Ассоциации, отражающие языковые шаблоны и ассоциации по смежности (тематические) достаточно редко встречаются среди наиболее устойчивых стереотипных связей. Таким образом, анализ показал, что наиболее стереотипные ассоциативные связи могут возникать не только под влиянием текста, но и под влиянием системы языка.

Мартинovich Г.А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143-146.

Сдобнова А.П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов, 2015.

И.А. Стернин (Воронеж)

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ *ВЕЖЛИВЫЙ*⁷

На основании представлений о структуре лексического значения слова, сформулированных в работах [Стернин 1979, 1985, 2007; Левицкий, Стернин 1989; Попова, Стернин 2007; Стернин, Розенфельд 2008; Стернин, Рудакова 2011; Маклакова, Стернин 2013; Рудакова 2014; Виноградова, Стернин 2016] значение рассматривается как совокупность семантических микрокомпонентов – сем, объединяемых в семемы в рамках макрокомпонентов – денотативного, коннотативного и функционального.

Денотативный макрокомпонент объединяет эмпирические семантические компоненты – чувственно-наглядный образ, результат восприятия предмета номинации органами чувств – и рефлексивные компоненты – результат осмысления денотата абстрактным мышлением.

Коннотативный макрокомпонент включает семантические компоненты эмоции и оценки (аффективные компоненты).

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

Функциональный макрокомпонент отражает функциональные особенности употребления единицы – стилистические, темпоральные, социальные и др.

Рассмотрим последовательность формирования макрокомпонентов значения в процессе эволюции языкового сознания ребенка (по материалам свободного ассоциативного эксперимента).

Гипотеза: макрокомпоненты значения формируются в структуре значения ребенка одновременно.

Первым в структуре значения слова у ребенка возникает **эмпирический компонент значения** – субъективный чувственный образ, который напрямую связывается со звуковой оболочкой, а потом в значении многих слов он отступает на задний план, но никогда не исчезает, впоследствии сохраняется как кодирующая единица концепта.

Затем формируется **коннотативный компонент значения** (эмоция+ оценка), отражающий аффективное отношение ребенка к предмету номинации – называемому предмету, действию, состоянию.

Далее как результат отражения действительности сознанием ребенка, результат его когнитивной деятельности, начинает формироваться **рефлексивный компонент значения** – появляются семы, отражающие рациональное осмысление ребенком предмета номинации, его отдельные чувственно ненаблюдаемые признаки (денотативные признаки).

Последним в структуре значения формируется функционально-структурный компонент значения – прежде всего, **функционально-стилистические семы**, определяющие уместность употребления слова в той или иной ситуации.

Приведем дефиниции психолингвистического значения исследуемого слова в разных возрастных группах (сформулированы по данным русского ассоциативного словаря В.Е. Гольдина). Цифра после семантического компонента – индекс яркости данной семы, вычисляемый как отношение числа ИИ, актуализировавших данную сему, к общему числу ИИ.

ВЕЖЛИВЫЙ

1-4 классы, 328 ии

человек 0,18, добрый 0,15, хороший 0,11, вежливость 0,10, воспитанный 0,03, умный 0,03, красивый 0,01, противоположный грубому 0,03, злему 0,01;

уклюжий, ухоженный, чистый, нежадный, порядочный, опрятный, опытный, помогает людям, образованный, скромный, спокойный – по 1-2 реакции

5-6 классы, 224 ии

человек 0,21, хороший 0,11, добрый 0,11, друг 0,03, умный 0,03, культурный 0,01, противоположный грубому 0,02, невежливому 0,01;

с хорошими манерами, скромный, спокойный, ласковый, уважаемый, приличный, элегантный, трудолюбивый, хорошо разговаривает, не хам, не грубиян – по 1-2 реакции

7-8 классы, 111 ии

человек 0,44, добрый 0,07, хороший 0,06, воспитанный 0,04, умный 0,03;

джентльмен, порядочный, культурный, элегантный, интеллигент, помогать, правильный, приятный, снисходительный, точный, уважительный, улыбающийся – по 1-2 реакции

9-11 классы, 107 ии

человек 0,19, добрый 0,11, умный 0,08, интеллигентный 0,07, культурный 0,07, хороший 0,05, воспитанный 0,03, элегантный 0,03, противоположный грубому 0,03;

благоразумный, гостеприимный, доброжелательный, друг, ласковый, любезный, общительный, понимающий, порядочный, справедливый, удачливый, умеренный – по 1-2 реакции

Сопоставим отдельные семантические компоненты возрастных значений данного стимула по индексу яркости (семы с яркостью менее 0,01 не учитываются):

Семантические компоненты	1-4 кл.	5-6 кл.	7-8 кл.	9-11 кл.
человек	0,18	0,21	0,44	0,19
добрый	0,15	0,11	0,07	0,11
хороший	0,11	0,11	0,06	0,05
вежливость	0,10	-	-	-
воспитанный	0,03	-	0,04	0,03
умный	0,03	0,03	0,03	0,08
противоположный грубому	0,03	0,02	-	0,03
противоположный злему	0,01	-	-	-
красивый	0,01	-	-	-
друг	-	0,03	-	ед.
культурный	-	0,01	ед.	0,07
элегантный	-	ед.	ед.	0,03

Возрастная траектория развития значения оценочного слова *ВЕЖЛИВЫЙ* представляется следующим образом: от недискретного многосемного значения в 1-4 кл. к значению с меньшим числом семантических компонентов в 5-6 кл., к наиболее бедному семантически значению в 7-8 кл. (всего 5 сем с очень яркой семой *человек*) и к вновь к многосемному значению в 9-11 классах с преобладанием рефлексивных денотативных оценочных сем (*добрый, умный, культурный*).

С возрастом денотативные оценочные семы в основном сохраняют свою яркость к 9-11 классам (в значении лексемы *ВЕЖЛИВЫЙ* повышается яркость сем *умный, культурный, элегантный* и снижается яркость сем *хороший, добрый*).

Можно констатировать, что чисто аффективный смысл (*хороший*) и рефлексивно-оценочные смыслы *воспитанный, противоположный грубому, противоположный злему, красивый* с возрастом снижают свою яркость, особенно заметно с 7-8 класса снижается яркость основной аффективной семы *хороший*, минимума яркости она достигает у группы 9-11 классов (0,05), но

возрастает яркость рефлексивно-оценочных смыслов *умный, культурный, элегантный*.

В целом аффективные смыслы постепенно уступают место рефлексивным признакам. При этом младшие школьники отождествляют значения многих лексем, обозначающих положительные качества личности человека – *вежливый, культурный, хороший, красивый, умный* и под., то есть в младшем школьном возрасте многие оценочные лексемы воспринимаются семантически недискретно – как номинация одного очень широкого значения, в которое входят все близкие признаки. Это объясняется доминированием в них аффективного смысла. Постепенно с возрастом эти значения начинают рефлексивно дифференцироваться в языковом сознании детей. Функциональные компоненты до 9-11 классов в эксперименте не актуализируются.

Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. Воронеж: Истоки, 2016. 157 с.

Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж, 1989. 193 с.

Маклакова Е.А., Стернин И.А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж: Истоки, 2013. 272 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ-Восток-Запад», 2007. 314 с.

Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии. Воронеж: Истоки, 2014. 183 с.

Русский ассоциативный словарь. Ассоциативные реакции школьников 1-11 классов. В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартынов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2011. Т. 1.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. М.: АСТ-Восток-Запад», 2007. 288 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 170 с.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 156 с.

Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ. Воронеж: Истоки, 2008. 242 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. 192 с.

М.А. Стернина (Воронеж)

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СЕРИЙ СЛОВАРЕЙ

Одним из современных направлений развития лексикографии является разработка и создание новых типов словарей, а также серий словарей.

Остановимся на двух новых сериях словарей, разработанных в последние годы в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы. Это серия из трех словарей англо-русской безэквивалентной лексики:

- Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Существительное. – Воронеж: Истоки, 2006. – 305 с.;

- Петросян Ж.В., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Прилагательное. – Воронеж: Истоки, 2011. – 127 с.;

- Суханова О.В., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Глагол. – Воронеж: Истоки, 2012. – 295 с.

Данные словари изданы в период с 2006 по 2012 года.

Можно назвать также серию словарей коммуникативной релевантности семем наиболее частотных русских и английских лексем, также на данный момент включающая три словаря:

- Кривенко Л.А., Стернина М.А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков. – Воронеж: Истоки, 2013. – 117 с.;
- Никитина И.Н., Стернина М.А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков. – Воронеж: Истоки, 2013. – 153 с.;
- Кочетова Н.В., Стернина М.А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных адвербиальных лексем русского и английского языков. – Воронеж: Истоки, 2016 – 93 с.

Первая из упомянутых серий словарей ставит задачу дать по возможности полный перечень субстантивных, адъективных и глагольных лексических единиц английского языка, не имеющих соответствий в русском языке. Поскольку понятия безэквивалентности и лакуарности тесно связаны между собой (единица, являющаяся безэквивалентной в одном языке, представляет собой лауну в сопоставляемом языке), входящие в данную серию словари являются одновременно словарями англо-русской безэквивалентной лексики и словарями русско-английских лакун. Данные словари могут рассматриваться как один из видов лингвокультурологических словарей, поскольку их задачей является отражение национально-культурной специфики семантики лексем английского языка.

Перейдем к характеристике второй серии словарей. Создание подобных словарей представляется особенно актуальным в связи с тем, что существующие современные словари частотности фиксируют лишь частотность лексем, данные о частотности семем в их семантемах отсутствуют. Однако такие данные важны и необычайно востребованы как в практике преподавания, так и при изучении национальной специфики лексем, поскольку они объективно свидетельствуют о востребованности того или иного значения слова.

В каждый словарь данной серии включено по сто английских и сто русских наиболее частотных соответственно субстантивных, глагольных и адвербиальных лексем, отобранных из Частотного словаря С.А. Шарова и списка частотных существительных Британского Национального корпуса. Частотность семем исследованных лексем в каждом случае определялась следующим образом: из Национального корпуса русского языка и Британского Национального корпуса для каждой лексемы было отобрано по 1000 примеров употребления, каждый из этих примеров был соотнесен с конкретной семемой, входящей в соответствующую семантему.

Для объективной характеристики частотности значений в семантеме слова был использован введенный Л.А. Кривенко *индекс коммуникативной релевантности семемы*, под которым понимается отношение количества зафиксированных употреблений данной семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы.

Словари состоят из двух частей (русской и английской), каждая из которых содержит по сто словарных статей. Словари построены не по алфавитному принципу, лексемы в них расположены в соответствии с частотностью их употребления, то есть с их местом в списках частотности адвербиальных лексем русского и английского языков. Семемы в словарной статье также расположены в порядке убывания их коммуникативной релевантности. Отдельно отмечены коммуникативно нерелевантные семемы, то есть те, которые не встретились в изученных контекстах. Основное значение (семема Д1) каждой лексемы выделяется жирным шрифтом.

В словари включены данные о коммуникативной релевантности семем, демонстрирующих как лексическую, так и лексико-грамматическую полисемию в обоих ее видах – в виде собственно лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности, которая рассматривается как частный, более простой случай лексико-грамматической полисемии слова – если при лексико-грамматической полисемии семемы, находясь между собой в отношениях семантической производности, различаются как категориально, так и по набору лексических сем, при лексико-грамматической вариантности семемы различаются лишь своими частеречными семами, лексическое значение в этих случаях идентично.

Данные об индексе коммуникативной релевантности (ИКР) приводятся жирным шрифтом в скобках после примера употребления соответствующей семемы или соответствующего лексико-грамматического варианта. В качестве примера приведем словарную статью лексемы **говорить** из словаря коммуникативной релевантности семем наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков.

Говорить

1. v Выражать словесно мысли, мнения, сообщать. *Официальные власти Южной Кореи говорят, что повода для истерии нет. (48,8%)*

2. v Вести беседу, разговаривать; высказывать мнение. *Мы подробно говорили о наших совместных шагах по нейтрализации таких угроз, как терроризм и распространение наркотиков. (28,9%)*

3. v Излагать что-л. определенным образом. *Строго же говоря, доклад посвящен не столько анализу существа проблемы, сколько представляет собой самоотчет Госдепартамента перед законодателями о проделанной работе. (11,2%)*

4. v Пользоваться, владеть устной речью; обладать способностью речи. *Говорить Мэси начал примерно с двух лет. (4,4%)*

5. v Свидетельствовать о чем-л., указывать на что-л. *Активное участие КНР в урегулировании северокорейского кризиса говорит о желании Пекина быть политическим игроком в регионе. (4,3%)*

6. v Иметь в виду. *Я не говорю о той войне, которая тут, неподалеку. (0,5%)*

7. v Предупреждать. *Я же говорила: вы простудитесь! (0,5%)*

8. v Приказывать. *Стой! Кому говорю, стоять! (0,5%)*

9. v Подсказывать, предсказывать. *Инстинкт говорит: не дружи с этим человеком, он плохой, он тебя предаст. (0,5%)*

10. v Проявляться в чьих-л. поступках, словах. *Голубчик, ну что за глупость? Это говорит ваша обида. Надо уметь прощать.* (0,4%)

Коммуникативно нерелевантные

11. v Называть кого-л. как виновника чего-л.

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что основное значение данного глагола (семема Д1) «пользоваться, владеть устной речью; обладать способностью речи» на данном этапе развития языка не является наиболее коммуникативно востребованным – его ИКР равен всего 4,4%, в то время как на первом месте с точки зрения значимости для современных носителей русского языка оказалась семема «выражать словесно мысли, мнения, сообщать», ИКР которой составил 48,8%.

Таким образом, приводимые в словарях коммуникативной релевантности семем наиболее частотных лексем русского и английского языков данные позволяют обратить внимание как исследователей, так и преподавателей этих языков на имеющиеся изменения в семантемах лексем. Результатом работы по составлению словарей коммуникативной релевантности семем стало также включение в состав семантем целого ряда семем, не зафиксированных в традиционных словарях, но реально существующих в языке и встретившихся в ходе анализа материала, почерпнутого из Национальных корпусов.

В заключение отметим, что при всем многообразии существующих словарей, обе рассмотренные серии словарей являются новыми как для отечественной, так и для зарубежной лексикографической практики. Серию словарей безэквивалентной лексики мы предполагаем продолжить серией учебных словарей, построенных по тематическому признаку, а серию словарей коммуникативной релевантности семем – еще одним словарем коммуникативной релевантности семем наиболее частотных адъективных семем русского и английского языков.

А.А. Талицкая, М.В. Шаманова (Ярославль)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ ЖИЗНЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Целью данной работы является сопоставление лексикографического и психолингвистического значений лексемы *жизнь*.

По данным «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова лексема *жизнь* является многозначной и включает следующие значения:

Жизнь – 1. Особая форма существования материи, возникающая на определенном этапе ее развития, основным отличием которой от неживой природы является обмен веществ. *Возникновение жизни на земле.*
2. Физиологическое состояние живого организма (человека, животного, растения) от зарождения до смерти (противоп. смерть). *Беречь жизнь.*

3. Полнота проявления физических и духовных сил. *Кто-то полон жизни. // Внешнее проявление полноты физических и духовных сил. В его глазах столько жизни!* 4. Период существования кого-л. от рождения до смерти. *Короткая, долгая жизнь. // Ограниченный определенными временными рамками период существования кого-л. Три месяца деревенской жизни подходят к концу. // Совокупность всего пережитого и сделанного человеком. Жизнь замечательных людей.* 5. Образ существования кого-л. *Жизнь в деревне однообразна. // Установившийся порядок в повседневном существовании кого, чего-л.; быт. Городская, деревенская жизнь.* 6. Деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях, в различных областях, сферах. *Хозяйственная жизнь страны. / О процессах, происходящих в природе, неорганическом мире, физических телах и т.п. Жизнь Земли, Солнца.* 7. Реальная действительность; бытие. *В окружающей жизни немало интересного.* 8. Оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ. *Проснулись птицы, и жизнь началась.* [БТС, 2001, с. 306]

Психолингвистическое значение было сформулировано нами на основе одноименного ассоциативного поля «Русского ассоциативного словаря» [Русский ассоциативный словарь 1994, с. 53] (не приведены единичные реакции):

Жизнь: *смерть 62; прекрасна 30; долгая, хороша 16; коротка 13; жестянка, короткая, тяжелая 12; моя, прожить 9; длинная 8; прожить, не поле перейти 7; взаимы 6, дорога, интересная, продолжается, прошла, хорошо, человека 6; веселая, любовь, поле, прекрасная, река, сложная, судьба, счастливая 4; большая, вечность, впереди, долго, и смерть, идет, Клим Самгина, наша, прекрасно, радость, существование, трудная 3; без конца, борьба, век, весна, кончена, малина, мир, Мопассан, начинается, нелегкая, огромная, одна, пролетела, проходит, пустота, путь, сложная штука, смысл, солнце, Фердинанд Люс, яркая 2.*

Самая частотная реакция – антонимическая (*смерть 62, и смерть 3, гроб 1*). На слово «смерть» также самая частотная реакция – реакция антонимом (*жизнь 50*).

Для формулирования психолингвистического значения сходные по смысловому содержанию ассоциаты мы обобщали, их частотность суммировали. Использовалась методика, описанная И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой [Стернин, Рудакова 2011].

ЖИЗНЬ

1. Совокупность всего пережитого и сделанного человеком

Период существования 3 человека 7, великих людей 2, трудный 31, интересный 7, счастливый 6, пустой 3, яркий 2, безотрадный 2, веселый 2, легкий 2, обычный 1, однообразный 1, скучный 2, страшный 1, бурно протекающий 2, имеющий смысл 5, не имеющий цели 1, достойный 1, светлый 2, протекающий в борьбе 3, в работе 5, дающий опыт 3, оценивается как положительно 75, так и отрицательно 16.

Всего 185 реакций.

2. Период существования кого-л. от рождения до смерти

Период существования 3, долгий 33 или короткий 29, продолжающийся 9 или завершившийся 10, длящийся век 2, один раз 1, завершающийся на земле 2 или вечный 9, ассоциируется с дорогой 8, рекой 4.

Всего 108 реакций.

3. Физиологическое состояние живого организма (человека, животного, растения) от зарождения до смерти (противоп. смерть)

Существование 4 человека 7.

Всего 11 реакций.

4. Процессы, происходящие в природе, неорганическом мире, физических телах и т.п.

Процесс 1 на луне 1, на марсе 1, окружающий мир 1, природа 1.

Всего 5 реакций.

5. Ограниченный определенными временными рамками период существования кого-л.

Период существования 3, курортный 1.

Всего 4 реакции.

6. Установившийся порядок в повседневном существовании кого, чего-л.; быт

Быт 1.

Всего 1 реакция.

7. Особая форма существования материи, возникающая на определенном этапе ее развития, основным отличием которой от неживой природы является обмен веществ

Вселенная 1.

Всего 1 реакция.

Отдельные реакции не учитывались при формулировании психолингвистического значения:

1) реакции, в основе которых лежат прецедентные тексты: *жестянка 12, не поле перейти 8, взаймы 6, впереди 3, Клина Самгина 3, кончена 2, малина 2, Мопассан 2, начинается 2, одна 2, Фердинанд Люс 2, без иллюзий, бекова, взамен, во сне, и слезы, иль ты приснилась мне!, Людовика, моя жестянка, на волоске, не игрушка, отдать, я люблю тебя;*

2) синтагматические реакции: *прожить 16, для других, дорожке, предков, течет;*

3) реакции, которые следует уточнять при помощи других экспериментальных методик, поскольку возможны различные интерпретации: *судьба 4, весна 2, мир 2, солнце 2, в лесу, дети, конец, копейка, лесная, мимо, отречения, пашня, полосы, поэзия, проблема, прошедшая, прошлая, ребенка, ребенок, семья, случайность, тьма, фантазия;*

4) неинтерпретируемые реакции: *моя 9, наша 3, Абхазия, в целом, ветер, воля, вопрос, все, все сказано, газета, город, дом, душа, его, есть жизнь, живот, жизнь, жить, Зоя, и науке, калека, картошка, много, молодая зелень, надежда, небес, неверие, птица, пузырьки, родина, рок, своя, собаки, сосать, СССР (карта), стена, степь, телячья, тоже, тост, честно, числа, я.*

Таким образом, лексикографическое и психолингвистическое значения не совпадают. Лексикографическое описание шире и включает значения, не выявленные на основе экспериментальных данных, однако данные значения, вероятно, могут быть выявлены комплексом методик: «полнота проявления физических и духовных сил», «образ существования кого-л.», «деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях, в различных областях, сферах». Оттенки значения, зафиксированные в толковом словаре, при формулировании психолингвистического значения рассматривались нами как отдельные значения. Ядерным по экспериментальным данным является значение «совокупность всего пережитого и сделанного человеком», ближнюю периферию составляет значение «период существования от рождения до смерти».

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001.

Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. I / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М., 1994.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание. Saarbrücken, 2011.

М.В. Тарабукина (Якутск)

«РУССКО-ЯКУТСКИЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ» И АСПЕКТЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ

Современное цивилизованное общество трудно представить без словарей самых разных типов и назначения. Словарь стал, с одной стороны, важным инструментом в деле повышения культурно-образовательного уровня людей, средством приобщения их к общечеловеческим ценностям и, с другой – средством кодификации норм национальных литературных языков, закрепления в них всего ценного, что определяет самобытность данного языка в кругу других национальных языков.

В отечественной лексикографии чрезвычайно возрос в последнее время интерес к идеографическим словарям, что объясняется, прежде всего, практическими нуждами: потребностями методики обучения языкам, прикладными задачами моделирования информационных языков. Но главной причиной такого интереса явились успехи в исследовании лексико-семантической системы русского языка. Результаты описания большого количества различного рода семантических групп и микросистем, в основном семантических полей и лексико-семантических, тематических групп, приводят к необходимости исчерпывающего их представления, что возможно, прежде всего, в идеографических словарях.

Наряду с системностью лексики в статике (языке) все большее внимание в лексикологии привлекает динамическая, или речевая системность, которая рассматривает единицы языка в их отношениях к процессу общения.

Речь человека, будь то диалог или монолог, обычно тематически приурочена, связана с тем или иным явлением действительности, с той или иной проблемой.

И потому наряду с лексикой общеупотребительной, тематически нейтральной, в каждом тексте или высказывании можно выделить ключевые слова – тематически отмеченную лексику, которая передает семантический стержень текста, его смысл.

В связи со сказанным тематическое описание лексики представляется весьма актуальным аспектом функционально-семантического описания лексического состава языка. А оптимальным способом представления тематического расслоения лексики является ее лексикографическое описание в тематических словарях.

Объектом описания в тематическом словаре являются тематические объединения слов. Известна разноречивость и отсутствие единого мнения в трактовке понятия «тематическая группа»: наряду с рассмотрением тематических групп на уровне языковой системы, на основе их взаимосвязи по предметно-понятийному компоненту значения (Ф.П. Филин, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, В.В. Морковкин), имеет место иной, функциональный подход к пониманию этих объединений – на основе взаимосвязей слов в процессе их функционирования в той или иной сфере применения языка, т.е. на уровне речи (Я.Б. Коршунова, П.Н. Денисов). Основой тематического членения лексики в большинстве тематических словарей русского языка явилось понимание темы как содержания акта коммуникации, речи. Тематическая лексика рассматривается в таких словарях как лексика, обслуживающая ту или иную речевую тему. Основным принципом отбора тематической лексики явился принцип функционально-семантический: тематика слов определялась по их функционированию в той или иной сфере общения и семантической связанности с той или иной темой.

В последнее время следует отметить активное формирование двуязычной лексикографии, где наряду с традиционными типами словарей появляются словари коммуникативной направленности.

Для обоснованного составления «Русско-якутского тематического словаря» авторам (канд. филол. наук, заведующему кафедрой русского языка Марфе Васильевне Тарабукиной и заслуженному работнику культуры Республики Саха (Якутия), члену Союза писателей РФ Василию Архиповичу Тарабукину) необходимо было представить общую картину тематического расслоения лексики русского и якутского языков, всю совокупность возможных тем общения и лексических средств, которые обслуживают эти сферы. Работа над данным типом словаря ведется на кафедре русского языка Якутского государственного университета имени М.К. Аммосова (ныне Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова) с 1998 года.

Исходными в тематической классификации данного словаря являются три большие темы: «Человек», «Общество», «Природа». При построении тематической схемы данного типа словаря нами использовались классификационные схемы наиболее известных идеографических словарей (П. Роже, Ф. Дорнзайфа, Ф. Халлига, Л. Саяховой и Д. Хасановой и др.) и словарный материал, собранный студентами филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в рамках спецкурса «Актуальные проблемы лексикографии». Объем каждой тематической группы определялся в зависимости от характера темы. Каждая тема членится на

ряд подтем. В рамках тематической общности в словаре представлены многие системные связи лексических единиц: лексико-семантические, антонимические, синонимические, словообразовательные. Имена существительные в составе тематической группы чаще всего выступают как главные слова. В состав этих групп также включены имена прилагательные, глаголы, некоторые наречия, которые тематически и словообразовательно связаны с именами существительными. Например, *школа, ж. – оскуола, учиться несов. – үөрэн, получить знания сов. – билини ыл, общеобразовательная школа – уопсай үөрэхтээһин оскуолата*.

Словарная статья включает в себя: 1) слова русского и якутского языков в исходной форме (для существительных в форме именительного падежа единственного числа, для глаголов в форме инфинитива); 2) краткую грамматическую характеристику слов; 3) словосочетания, в состав которых входят тематически близкие слова в качестве его главного или зависимого компонентов.

Таким образом, данный тематический словарь относится к словарям комбинированного типа, т.е. он ориентирован на описание разнообразных связей и отношений лексических единиц: функциональных, парадигматических, синтагматических и т.д.

Проблема систематизации лексики на основе внеязыковых факторов приобрела в последнее время особую актуальность в связи с современными направлениями лингвистической науки: функционально-семантической, коммуникативной, когнитивной лингвистикой, в которых связаны воедино действительность, язык и человек. Интерес авторов к описанию тематической организации лексики русского и якутского языков сформировался в связи с лингводидактическими проблемами овладения русским языком теми, для кого русский язык не является родным.

Самые общие наблюдения позволяют авторам сделать вывод о том, что в русском и якутском языках отмечаются значительные количественные и качественные изменения лексического массива. Прежде всего, эти изменения отмечены в темах, отражающих новые сферы жизни общества (в частности, тема «Социальная сфера жизни общества»). Например, в сфере торговли можно отметить появление таких слов, как *бутик, супермаркет, бокс-маркет*; в сфере связи появились слова *мобильная, сотовая связь, Интернет, голосовая почта, сотовый оператор, пейджер, модем*; в области информационных технологий – *компьютер, ноутбук, чат, сайт* и т.д. Вместе с тем, сам характер тематического словаря, его тесная связь с действительностью обуславливают динамичность, изменчивость словаря и быструю устареваемость некоторой части лексического массива.

Таким образом, тематический словарь, организуя лексический материал в рамках ситуативно-тематической ограниченности и в системе языка, способствует осуществлению взаимосвязи системного и коммуникативного принципов в описании лексики русского и якутского языков.

Л. Тарновская (Старый Оскол)

ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПОДРОСТКА

Нами был проведен ассоциативный эксперимент среди подростков в возрасте 13-15 лет – учащихся 8-9 классов средней образовательной школы города Старый Оскол. В качестве стимулов были предложены следующие слова: *свобода, порядок, демократия, музыка, одноклассники, честность, друг, радость, учитель, толерантность*. Задание – написать краткое толкование значения в опоре на собственное понимание (метод лингвистического интервьюирования).

Представим результаты эксперимента.

Таблица

Слово	Положит. или нейтр. хар-ка, чел.	Негативная оценка, чел.	Затруд- нились ответить, чел.
Свобода	35	5 <i>Полное отсутствие контроля. Тот термин, которого не было в простом народе. Рабы, офисный планктон. Полная анархия. То, чего я не получаю из-за школы</i>	4
Порядок	29	-	11
Толерант- ность	26	6 <i>То, чего у меня нет. Меня это не касается. Манерный человек. Невозможность сопротивляться.</i>	15
Демократия	25	1 <i>То, чего нет в России из-за Путина, и то, что есть в США.</i>	13
Музыка	26	-	13
Одноклас- ники	31	9 <i>Те, кто меня бесят. Мальчики бесят, девочки тоже, а так люди, которые тебя бесят. Только здесь не напоминайте. Люди, которые оставляют тебя в трудную минуту. Люди, с которыми ты мучаешься 11 лет. Дебилы, сидящие в одном помещении. Только здесь не напоминайте. НЕ ПОВЕРИТЕ, НО ЛЮДИ. Те, кто все время бесят.</i>	-
Учитель	5	25 <i>И так все знают. Та, кто бесит всех. Слишком много говорит. Домашку задает. Старая мымра. Бесит всех. Беспольный элемент школы. Человек, образованный в одной сфере.</i>	9

Честность	19	2 <i>То, чего нет в современном мире. Я этим не владею и посему не знаю.</i>	19
Друг	40	1 <i>Человек, который пошлет в любую минуту.</i>	-
Радость	35	2 <i>Не знаю. Никогда не испытывала.</i>	2

В результате проведенного эксперимента нами был подтвержден тот факт, что в словах у подростка довольно часто наблюдается негативная оценочная семантика протестного характера. Наибольший «протест» вызвали такие слова, как *свобода, учитель, одноклассники*. Это объясняется протестным характером мышления и самоутверждением, сопряжено с большой потребностью личной свободы у школьника. Негативная семантизация слова отражает стремление подростка максимально проявить свою независимость и тем самым укрепить свою самоидентификацию.

Н.А. Тихонова (Воронеж)

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ

В процессе преподавания русского языка как иностранного особое внимание уделяется изучению тех пластов лексики, которые обладают национально-культурной спецификой. Несмотря на терминологическую неоднозначность, общим для единиц, отражающих национальную специфику языка, является их семантика, отражающая тесную взаимосвязь языка и культуры того или иного народа. В связи с этим удобным представляется определение «культурно-маркированная лексика», обозначающее словесные знаки, в семантике которых заключена национально-культурная информация.

Как свидетельствуют исследования З.Д. Поповой, И.А. Стернина, К. Флекенштейн, О.В. Загоровской и др., национальная специфика семантики лексических единиц может проявляться в разных формах. Национально-культурная специфика слова находит отражение на уровне денотативного, эмотивного, собственно-языкового и эмпирического компонентов значения. Ср. также: «Конкретное воплощение национально-культурная значимость слова находит в той составляющей его семантики, которая связана с отражением специфических в национальном отношении явлений и может быть названа семой национальной принадлежности. Для русского языка это будет сема «русский», объединяющая такие варианты, как «типичный для русских», «используемый русскими», «распространенный в России» и т.д.» [Загоровская 1984, с. 99].

В настоящий момент ведется работа по составлению лингвострановедческого словаря русской народной музыкальной культуры, что позволяет существенно уточнить особенности их презентации.

Как показывает практика, изучение культурно-маркированных лексических единиц, объединенных одной тематической сферой, в иностранной аудитории невозможно без специального словаря. Особым словарем, необходимым в процессе работы по изучению культурно-маркированной лексики в иностранной аудитории, может стать комплексный многоаспектный лингвострановедческий словарь «Русская народная музыкальная культура» (РНМК). Лексический состав сферы русской народной музыкальной культуры весьма специфичен и включает в себя следующие группы: а) наименования русских народных музыкальных инструментов (*балалайка, гусли, жалейка, ложки, свирель, дудка* и др.); б) наименования произведений русского народного творчества и их частей (*веснянка, частушка, камаринская, барыня, колядки* и др.); в) наименования лиц, являющиеся обозначениями народных поэтов, певцов, сказителей и других исполнителей произведений русской народной музыкальной культуры (*былинщик, гусяр, сказитель, скоморох, частушечник, ложечник, вопленица, плачя* и др.); г) обозначения действий, связанных с исполнением тех или иных русских народных музыкальных произведений (*голосить, выть, прибасать* и др.).

Проектируемый лингвострановедческий словарь характеризуется определенным своеобразием в составе словника, отборе, размещении, способах подачи и интерпретации лингвистической информации, языке изложения материала, объеме, оформлении (подробнее см.: [Тихонова 2009]).

Словарь содержит сведения, позволяющие сформировать различные компетенции иностранных учащихся, в первую очередь, коммуникативную и культурологическую, а также материалы, позволяющие организовать различные виды работы на занятиях с иностранными студентами.

Создание ЛС «РНМК» в электронном виде позволяет включить огромный пласт иллюстративного материала, который за счет видео- и аудио- эффектов значительно упрощает передачу наглядно-образной информации, содержащейся в культурно-маркированных лексических элементах. Кроме того, компьютерная форма словарной статьи при активизации аудиоресурсов позволяет пользователю услышать правильно произношение интересующего его слова, услышать фразы, включающее данное слово, услышать речевой отрезок, который позволит сформировать навыки различения слова в потоке речи, а также уяснить правильность грамматической формы и т.д. Использование текстовых и нетекстовых материалов учебного словаря позволяет разнообразить формы и методы работы с иностранными учащимися.

Загоровская О.В., Стернин И.А. Национально-культурная специфика слова и ее проявление в художественном тексте // Русский язык для студентов-иностранцев. М., 1984. № 23. С. 99-110.

Загоровская О.В., Гадах Т.С. Принципы создания комплексного русско-арабского словаря литературоведческих терминов для иракских филологов-русистов // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2011. Вып. 2. С. 89-94.

Тихонова Н.А. Лексика русской народной музыкальной культуры и ее отражение в учебном лингвострановедческом словаре: дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Тихонова. Воронеж, 2009. 283 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИЗАЦИИ ПЬЯНСТВА В РУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Антропоцентризм семантики как раздела языкознания находит свое выражение в культивировании интерпретационных методик описания значения, связывающих его с особенностями мышления человека, сложившейся системой ценностей, стандартов и стереотипов. Поясним данный тезис на примере категоризации пьянства в русской лингвокультуре.

Если в научной картине мира степень опьянения измеряется в промилле, то в русской наивной картине мира существует более 30 единиц, выступающих мерами разных форм данного состояния.

В качестве меры выступает внутренняя форма единицы. При категоризации представлений о степени опьянения языковое сознание использует разнообразные коды культуры:

- акциональный (*в дупель, едва держаться на ногах* и др.);
- антропоморфный (*в драбадан, как швед* и др.);
- фетишный (*в доску, в дребезги, в пень, до остекленения, в стельку* и др.);
- мифологический (*до зеленого змея, до чертиков* и др.);
- биоморфного (*как свинья* и др.).

Главными точками отсчета выступают, во-первых, способность человека к выполнению простых операций (например, *вязать лыко*), во-вторых, способность прямо ходить (*в дугу, на бровях*), в-третьих, связно и членораздельно говорить (*в драбадан, папа-мама не выговаривает*), в-четвертых, стереотипные представления о представителях тех или иных профессий (*как сапожник*).

Квазимеры опьянения образуют своеобразную линейку интенсивности. Примечательно, что единиц, обозначающих легкую степень опьянения в несколько раз меньше, чем мер высокой степени опьянения. Ср: *в подпитии / под балдой / в доску* и др.

Важным является вопрос о соотношении большого числа номинаций, указывающих на степень опьянения, с особенностями национального характера, жизнеустройства. Как известно, о русских сложились гетеростереотипы как о людях, чрезмерно потребляющих спиртные напитки. Является ли продуктивность наивных мер степеней опьянения свидетельством того, что русские в целом положительно относятся к нетрезвому человеку, оправдывают его? На наш взгляд, на этот вопрос следует ответить отрицательно, поскольку, во-первых, большинство названных мер имеют в своем значении негативные оценочные семы, а также эмотивность неодобрения; во-вторых, высокое количество наивных мер свидетельствует скорее о болезненном восприятии языкового сознания нетрезвого человека, яркой реакции на отступление от социальной нормы.

ОБРАЗ «Я» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА⁸

Известно, что экспериментальным путем, в частности через проведение массового ассоциативного эксперимента и построение на основе его результатов ассоциативно-вербальной сети, можно выявить системность образа мира носителей той или иной культуры и тем самым систему их культурных стереотипов, которые отражают особенности национального характера [Уфимцева 2009, с. 98].

«Я» включает три измерения: наличное «Я», желаемое «Я», представляемое «Я». Образ «Я» – здесь: обобщенное субъективное представление о своих собственных личностных, в том числе профессиональных качествах и т.д. В качестве материала исследования используются результаты свободного ассоциативного эксперимента с китайским словом-стимулом «Я».

В свободном ассоциативном эксперименте (САЭ) приняли участие 500 испытуемых – китайских студентов разных специальностей. В результате было получено 489 реакций и 11 отказов (т.е. незаполненных бланков).

Полученные результаты представлены в Таблице 1.

<i>Таблица 1. Ассоциативное поле слова «我/я» у китайских учащихся⁸</i>	
你/ты 82; 自己/сам 54; 很好/ очень хорошо 28; 他/ он, 努力/стараться, 好/хорошо 13; 开心/весёлый 12; 幸福/счастливый 11; 快乐/радостный 10; 爱/любить, 善良/добрый 9; 加油/давай 7; 爱你/люблю тебя, 自信/верю самому себе, 是谁/это кто, 喜欢/нравиться, 很棒/отлично 6; 们/суффикс множественного числа, 还好/нормально, 累/устать 5; 开朗/открытый, 个体/личность, 奋斗/прилагать усилия, 中心/центр 4; 是/являться, 家/дом, 不知道/не знаю, 美丽/красивый, 饿了/проголодался, 就是我/есть я, 未来/будущее, 妈妈/мама, 独立/независимость, 的/притяжательный признак 3; 高兴/рад, 理想/идеал, 漂亮/блестящий, 人生/жизнь, 嗯/ну 3, 我/я, 学习/учиться... 2... 489+41+0+123. ⁸	

Вслед за М.Н. Хохлиной [Хохлина 2011, с. 90-98], мы выделяем при анализе ассоциативного поля одиннадцать классификационных культурно-когнитивных признаков (см. Таблицу 2). По указанным признакам был проведен анализ ассоциативного поля понятия «Я» у китайских студентов.

Анализ полученных результатов показал следующее. Мы можем отметить, что в признаке ПРОСТРАНСТВО китайские студенты рассматривают «Я» как *центр* (4), т.е. Я – это есть фокус, нахожусь в центре, и *дом* (3) для меня очень важно: я там живу, дома есть мои родители и родные. В признаке ВРЕМЯ китайские студенты ассоциируют *будущее* (3) и *жизнь* (2). Китайцы обращают большое внимание на свое будущее. Самый близкий человек – это *мама* (3). Китайские

⁸ Исследование выполнено при поддержке гранта [2014]9037 (Китай) и гранта 12BYU 143 (Китай).

студенты оценивают себя – *очень хорошо* (28), *хорошо* (13), *добрый* (9), *верю самому себе* (6), *отлично* (6), *нормально* (5), *независимость* (3) и описываю себя – *веселый* (12), *счастливый* (11), *радостный* (10), *открытый* (4), *красивый* (2) и *блестящий* (2). Все реакции – положительные эмоциональные слова.

В признаке ДРУГИЕ ясно проявились с высокой частотой слова-реакции *ты* (82) и *он* (13) – это типичный противопоставительный способ ассоциации. Параллельным способом ассоциации является: я → это *сам* (54), *личность* (4), *есть я* (3) и *я* (2). Китайские языковые стереотипы: «я + люблю» (9), «я + люблю тебя» (6), «мне + нравится» (6), «я + суффикс множественного числа = мы» (5), «Я + притяжательный признак = мой» (3), «Я + не знаю» (3), «Я + являюсь» (3), «Я + проголодался» (3) и философский вопрос: «Я – это кто?» (6).

Таблица 2. Ассоциативные поля китайских студентов по признакам	
Признак	Ассоциативное поле китайских студентов слова «我/я»
Пространство	中心/центр 4, 家/дом 3
Время	未来/будущее 3, 人生/жизнь 2
Язык	无/нет
Человек	妈妈/мама 3
Род/Семья	妈妈/мама 3
Возраст	无/нет
Гендер	妈妈/мама 3
Принадлежность	无/нет
Степень близости	很好/ очень хорошо 28; 好/хорошо 13; 开心/веселый 12; 幸福/счастливый 11; 快乐/радостный 10; 爱/любить, 善良/добрый 9; 爱你/люблю тебя 自信/верю самому себе, 喜欢/нравиться, 很棒/отлично 6, 开朗/открытый 4; 家/дом, 美丽/красивый, 妈妈/мама 3; 高兴/рад, 漂亮/блестящий 2
Религия	无/нет
Этнос	无/нет
Другие	你/ты 82; 自己/сам 54; 他/он, 努力/стараться 13; 加油/давай 7; 是谁/это кто 6; 们/суффикс множественного числа, 还好/нормально, 累/устать 5; 个体/личность, 奋斗/прилагать усилия 4; 是/являться, 不知道/не знаю, 饿了/проголодался, 就是我/есть я, 独立/независимость, 的/притяжательный признак 3; 理想/идеал, 嗯/ну, 我/я, 学习/учиться... 2

Более того, китайские студенты осознают наличное «Я», желаемое «Я» и представляемое «Я». «Я» – это *очень хорошо* (28), *хорошо* (13), *веселый* (12), *счастливый* (11), *радостный* (10), *добрый* (9), *верю самому себе* (6), *отлично* (6), *нормально* (5), *устать/устающий* (5), *открытый* (4), *независимость* (3), *красивый* (2) и *блестящий* (2). Ассоциация *устать/устающий* (5) – это выражение состояния тела и психологии современных китайских студентов, которое тесно связано с сегодняшним прессингом общества и жизнью студентов. Для того чтобы стремиться к своему *будущему* (3) и *идеал* (2), мне надо *стараться* (13), *давай* (7), *прилагать усилия* (4) и *учиться* (2).

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: Системность и содержание // Язык и культура. 2009. С. 98-111.

Хохлина М.Л. Особенности фразеологической категоризации «Своего» и «Чужого» // Филологические науки. 2011 (2). С. 90-98.

Ю.А. Цофина (Ярославль)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ВЫЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ МЕЖДОМЕТИЙ

Междометия представляют собой часть речи, которую трудно описать лексикографически. Прежде всего, потому, что большая часть этих языковых единиц (те, что традиционно относят к разряду эмоциональных) многозначны. В разных контекстах междометия могут выражать подчас полярные значения.

Трудность кроется и в феномене, который интеръективы призваны транслировать – в сфере эмоциональных реакций человека. Речь идет о чувствах, ощущениях, душевных состояниях и других эмоциональных и эмоционально-волевых реакциях на окружающую действительность [Русская грамматика 1980]. Как мы видим, сфера эмоциональных реакций человека включает в себя ряд явлений одной природы, но имеющих вместе с тем и принципиальные отличия. Мы говорим об эмоциях, чувствах и, используя термин А. Вежбицкой [Вежбицка 1999, с. 616], ментальных состояниях (например, о догадке, которая может сопровождаться различными эмоциями и чувствами). На наш взгляд, эти явления представляют собой некий континуум: от простейших эмоций, частично совпадающих с эмоциями животных (ярость, страх и т.д.), до чувств, тесно спаянных с умственной деятельностью, не существующих вне ее [Лук 1982, с. 16-17]. Внутри этого континуума данные явления различаются преобладанием эмоционального компонента над мыслительной деятельностью и наоборот; чувства находятся посередине и являются переходным явлением от эмоций к чувствам с преобладанием составляющей мыслительной деятельности.

Междометия вербально обслуживают всю сферу эмоциональных реакций человека – от эмоций до чувств высшего порядка. Представляется, что у полюсов эмоционального континуума междометные единицы будут иметь более узкие значения, а посередине его будут сложными, состоящими из нескольких сем. Проверить данную гипотезу можно с помощью эксперимента с носителями языка на конкретном языковом материале.

Для проведения эксперимента нами было выбрано междометие **ах**, относимое грамматистами к междометиям с семантически диффузными функциями [Русская грамматика 1980], или к многозначным междометиям. Языковой материал был нами отобран из Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru]. Весь полученный материал мы распределили по подгруппам, в каждой из которых междометие **ах** транслирует отдельное значение. Следует отметить, что внутри некоторых подгрупп мы выделили несколько значений. Затем мы отобрали по одному или несколько примеров из каждой подгруппы, в зависимости от выделенных значений. Значение междометия в конкретном

языковом примере мы описали как совокупность сем – эмоциональных, экспрессивных, сем волеизъявления, согласия / несогласия и т.д. Таким образом, выделенные нами семы в ходе эксперимента будут верифицированы носителями языка методом семной атрибуции. Испытуемым будут предъявлены предложения с междометием **ах** в контексте употребления и списки семантических компонентов, которые могут быть в данном случае актуализированы. Испытуемые должны отметить те компоненты, которые, по их мнению, в этом предложении актуализируются. Кроме того, испытуемые могут добавить к списку семантических компонентов те, которые, как им кажется, в данном контексте актуализируются, но не были нами указаны. Дополнительная информация, которую мы попросили указать в ходе эксперимента, – пол и возраст испытуемого. Представляется, что из полученных сведений также можно будет извлечь интересную и полезную информацию.

Таким образом, настоящий эксперимент позволит, во-первых, проверить гипотезу о распределении значений эмоционального междометия **ах** в континууме эмоции – чувства – ментальные состояния. Во-вторых, мы сможем верифицировать выделенные нами семы и подгруппы значений **ах**, что в дальнейшем позволит представить значение междометия как полевую структуру в единстве ядра и периферии.

Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 774 с.

Лук А.Н. Эмоции и личность. М.: Знание, 1982. 176 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. URL: <http://rusgram.narod.ru/1689-1705.html>

В.В. Чалый (Краснодар)

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

При изучении особенностей языка литературного произведения, на наш взгляд, большую роль играет выбор тех точных лингвистических методов исследования, которые не только позволяют объективно проанализировать индивидуально-отличительные черты прямо выраженного словами автора портретного облика героя, но и способствуют выявлению скрытого (имплицитного) уровня лексики, составляющей речевую основу рассматриваемого текста.

Лексико-семантический анализ высказываний литературных персонажей, видимо, необходимо проводить с учетом всех аспектов представленного в произведении коммуникативного процесса, прежде всего, когда один участник общения оказывает влияние на другого с конкретной прагматической целью.

Как известно, «в рамках изучения коммуникации возможно построение разного рода моделей, которые соответствуют поставленным перед

исследователем или практиком задачам. Процессы коммуникации являются ключевыми в человеческой цивилизации, что обуславливает множественность возможных моделей коммуникации» [Почепцов 2001, с. 159]. Поэтому, как нам представляется, современному ученому-лингвисту, скрупулезно анализирующему семантику лексических единиц художественного текста (авторскую речь или отдельные реплики героев), стоит обратить внимание и на участников общения, функционирующего в содержании литературного произведения, а именно нужно охарактеризовать отличительные особенности речевого поведения главных субъектов коммуникации – адресанта речи и его адресата. Установление причин использования каждым участником общения той или иной фразы в индивидуально-речевом потоке, определения границ уровня воздействия лексики говорящего на сознание слушателя во многом способствует более точному, ясному пониманию неоднозначного (даже сложного) внутреннего мира персонажей, помогает объяснить некоторые мотивы их речевого поведения.

Существует научная позиция, согласно которой «всякое высказывание или ряд высказываний (текст) так или иначе отражает действительность. Отражение действительности в высказывании может быть более или менее полным, цельным и однозначным. Независимо от степени полноты, цельности любое высказывание своим содержанием как-то соотносено с реальной действительностью. Это соотношение в лингвистике называется предикативностью высказывания, являющейся характерным свойством любого высказывания. Таким образом, любому высказыванию свойственна предикативность, на основе которой строится его (высказывания) внутренняя программа (план речевых действий)» [Потапова, Потапов 2006, с. 343]. В соответствии с этим, как нам кажется, весьма значимыми компонентами характеристики литературного персонажа с точки зрения лексико-семантического анализа становятся его речевые поступки, совершаемые в угоду себе (чаще всего) или другим. Научный анализ словесной системы таких действий позволяет приобрести представление о случайностях или, наоборот, закономерностях в речевом поведении героя.

Нередко учеными «в лингвистической семантике рассматривается предложение с заполненной лексически синтаксической и семантической структурами, с конкретной модальностью и полностью охарактеризованное с коммуникативной точки зрения. Фактически не только высказыванию, но и предложению приписываются определенное коммуникативное членение и определенная иллокутивная сила» [Кронгауз 2001, с. 231]. Так исследователь языка художественного текста стремится установить существование механизма порождения речи и его влияние, во-первых, на собственно читательское понимание (субъективную интерпретацию), во-вторых, на дальнейшее постижение авторского замысла, воплощенного, прежде всего, в конкретном речевом фрагменте литературного произведения.

В прозе А.П. Чехова обнаруживаем случаи использования персонажами тех лексических единиц, которые, с одной стороны, формируют «нужное» (выгодное для инициатора общения) понимание сложившегося положения вещей, но, с другой стороны, предопределяют перспективу развития данной ситуации в настоящем времени. Так, в повести «Дуэль» повествователь следующим образом

представляет читателю диалог людей, которые переживают непростой период в истории своих семейных взаимоотношений:

Как это бывает у громадного большинства супругов, раньше у Лаевского и у Надежды Федоровны ни один обед не обходился без капризов и сцен, но с тех пор, как Лаевский решил, что он уже не любит, он старался во всем уступать Надежде Федоровне, говорил с нею мягко и вежливо, улыбался, называл голубкой.

– Этот суп похож вкусом на лакрицу, – сказал он улыбаясь; **он делал над собой усилия, чтобы казаться приветливым**, но не удержался и сказал: – Никто у нас не смотрит за хозяйством... Если уж ты так больна или занята чтением, то, изволь, я займусь нашей кухней.

Раньше она ответила бы ему: «займись» или «ты, я вижу, хочешь из меня кухарку сделать», но теперь только робко взглянула на него и покраснела.

– Ну, как ты чувствуешь себя сегодня? – спросил он ласково.

– Сегодня ничего. Так только маленькая слабость.

– **Надо беречься, голубка. Я ужасно боюсь за тебя.**

А.П. Чехов, описывая коммуникативный акт, основу которого составляет диалог некогда любивших и создавших семью людей, но сейчас вынужденных находиться рядом друг с другом, акцентирует внимание читателя на таком значимом психолого-лингвистическом компоненте общения, как процедуре порождения воздействия персонажа Лаевского на тонкую душевную организацию своей супруги. Для того, чтобы скрыть свою неприязнь к уже нелюбимому, но пока родному человеку, Лаевский, изображая радость на своем лице, снисходительно использует в своей речи по отношению к Надежде Федоровне ласковое обращение «голубка». Полагаем, что таким поведением чеховский персонаж не только хочет скрыть накопившееся раздражение, неприязнь к своему близкому, но также, очевидно, это является проявлением «разработанной» речевой стратегии – говорить настолько вежливо, насколько это возможно. Ибо (читатель повести знает о нездоровье супруги Лаевского) центральный персонаж хоть и старается сыграть заботу, проявление милосердия, но, тем не менее, даже факт заболевания, который подтверждают доктора, не воспринимает всерьез, считая это обманом.

Итак, изучение семантики лексических единиц, которые использованы писателем в описании судьбоносных моментов в жизни персонажей и, безусловно, влияющих на интерпретацию читателем (исследователем текста) последующего развития коммуникативных отношений между литературными героями, имеет важное значение для целостного восприятия содержания литературного произведения.

Кронгауз М.А. Семантика. М., 2001. 399 с.

Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М., 2006. 496 с.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001. 656 с.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ (на примере лексемы *еврей*)

Одним из наиболее актуальных направлений в работе эксперта-лингвиста в современных политических и социальных реалиях является выявление в представленном на экспертизу тексте признаков разжигания межнациональной розни. В проведении такого рода исследований важную роль играет анализ значения слов, служащих для наименования лиц различных национальностей.

К сожалению, изучение словарных статей при описании такого рода лексических единиц может оказаться недостаточным по той причине, что зачастую даже в новейших толковых словарях русского языка семантическое значение слова не представлено в достаточном объеме и не фиксирует в полной мере того смысла, который отражает лексема в представленном контексте. Это связано с принципом редукционизма, при котором значение (или несколько значений) одного слова намеренно сокращаются до некоего смыслового ядра, именуемого также *лексикографическим значением*. Потому особенно важным становится экспериментальное описание значения лексем, при котором выявляется его *психолингвистическое значение*.

Психолингвистическое значение – это реально функционирующее в языковом сознании носителей языка значение, выявляемое и описываемое по результатам психолингвистических экспериментов [Стернин, Рудакова 2011].

Для наглядности приведем пример лексикографического описания слова «еврей».

1. *Народность, состоящая из ряда этнических групп, исторически восходящих к одному из народов семитской языковой группы.*

2. *Представители этой народности.*

3. *Основное население государства Израиль* [Ожегов; Ушаков; Ефремова].

Таким образом, лексикографическое описание этого слова включает три значения с нейтральным коннотативным компонентом.

Далее сравним полученные результаты с результатами психолингвистического анализа значения данного слова. Для проведения дальнейшего исследования были использованы данные Ассоциативного словаря употребительной русской лексики [Ассоциативный словарь употребительной русской лексики 2011].

ЕВРЕЙ 100: *жид* 0,13; *национальность* 0,12; *хитрый* 0,05; *жадный*, *нация* 0,04; *Израиль*, *умный* 0,03; *дурак*, *религия*, *таки да*, *человек* 0,02; *антисемиты*, *бедным не бывает*, *борода*, *вода*, *гой*, *гопник*, *деньги*, *другой*, *еврей*, *жадина*, *жадность*, *жаль*, *жиды*, *житель Иерусалима*, *жлоб*, *жмот*, *и в Африке еврей*, *Иуда*, *иудаизм*, *иудей*, *кастрация*, *красивый человек*, *кудри*, *лысый*, *мутный*, *наш староста*, *не понимает ничего*, *обрезание*, *пейсы*, *почему-то их не любят...* *почему?*, *продуманный*, *происхождение*, *скупой*, *старый*, *сыр*, *уважение*, *Ургант*, *хитроумный*, *чукча*, *щедрый*, *я (наполовину)* 0,01; *отказ* 0,07.

Далее следует осмысление и обработка представленных ассоциативных реакций, при котором происходит обобщение выявленных компонентов значения для формирования метаязыкового обозначения соответствующих сем. При этом их частотность суммируется и указывается как частотность актуализации данной семы в эксперименте. Данный этап составления психолингвистического значения слова именуется *семантической интерпретацией* и имеет несколько последовательных этапов.

1. Семемная интерпретация – объединение ассоциативных реакций, объективирующих отдельные значения по денотативному принципу и установление отдельных значений слова, актуализованных в эксперименте. При этом подсчитывается совокупный индекс яркости семемы (СИЯ), который равен суммарному количеству всех ассоциатов. Таким образом, можно выделить следующие семемы лексемы «еврей»:

1) представитель еврейской национальности (*жид* 0,13; *национальность* 0,12; *нация* 0,04; *таки да*, *человек* 0,02; *антисемиты*, *борода*, *вода*, *гой*, *еврей*, *жиды*, *Иуда*, *красивый человек*, *кудри*, *лысый*, *пейсы*, *происхождение*, *старый*, *сыр*, *уважение*, *почему-то их не любят... почему?*, *Ургант*, *чукча*, *я (наполовину)* 0,01) – всего 52 реакции;

2) жадный и расчетливый человек (*хитрый* 0,05; *умный* 0,03; *дурак* 0,02; *бедным не бывает*, *гоним*, *деньги*, *другой*, *жадина*, *жадность*, *жаль*, *жлоб*, *жмот*, *и в Африке еврей*, *мутный*, *наш староста*, *не понимает ничего*, *продуманный*, *скупой*, *хитроумный*, *щедрый* 0,01) – всего 27 реакций.

3) приверженец иудаизма (*религия* 0,02; *иудаизм*, *иудей*, *кастрация*, *обрезание* 0,01) – всего 6 реакций;

4) житель Израиля (*Израиль* 0,03; *житель Иерусалима* 0,01) – всего 4 реакции.

В результате нам удалось выяснить, что лексема «еврей» содержит в себе четыре различных семемы, что превышает количество указанных в словарях значений этого слова.

Психолингвистическое значение лексемы (в виде связной дефиниции):

Семема 1. Представитель 0,18 еврейской национальности 0,18, красивый 0,01, зачастую носит бороду 0,01 и пейсы 0,01, имеет кудрявые волосы 0,01, также может быть лысым 0,01; ассоциируется со старостью 0,01 и уважением 0,01; речь характеризуется употреблением фразы «таки да» 0,01; некоторые известные люди принадлежат данной национальности 0,01; возможно негативное отношение со стороны общества 0,02; упоминается в Библии 0,01.

Семема 2. Умный 0,03, жадный 0,06, скрытный 0,01, хитрый 0,06 и расчетливый 0,01 человек, верный своей природе 0,01; владеющий денежными средствами 0,02.

Семема 3. Приверженец иудаизма 0,04; исполняет характерные обряды 0,02.

Семема 4. Родом из Израиля 0,03; живет в Иерусалиме 0,01.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что лексема «еврей» в речи употребляется как в трех нейтральных значениях (национальность, религиозная принадлежность, житель Израиля), так и в значении с негативным коннотативным компонентом (хитроумный и жадный человек).

Для конкретизации значения исследователь может пользоваться различными методами и средствами, в том числе методом контекстуального анализа, который поможет выявить в тексте те или иные маркеры отдельных значений, однако их описание не входит в рамки данной работы и может являться целью отдельного исследования. Кроме того, изложенные в работе положения могут послужить материалом для создания нового типа словаря – психолингвистического толкового словаря русского языка.

Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Науч. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2011. 187 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 192 с.

Э.В. Шаламова (Москва)

О ПОДГОТОВКЕ СЛОВАРЯ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

В настоящий момент готовится к печати словарь русской разговорной автомобильной лексики. Это первый такого типа словарь.

Словарь включает разговорные единицы, используемые носителями современного русского языка при общении в автомобильной сфере.

Разговорность в названии словаря понимается нами расширительно – как преимущественно устная сфера употребления. Подобное понимание обусловлено назначением словаря – он предназначен для широкого круга читателей.

В словарь включены как собственно стилистически разговорные единицы, так и автомобильные профессионализмы, а также автомобильные профессиональные жаргонизмы. Включены в словарь также устойчивые словосочетания и фразеологизмы (по опорному слову). Включены необычные наименования цвета кузова – они используются в документах на автомобиль как термины, но обладают высокой образностью и экспрессивностью. Наименования цветов окраски кузова в словаре содержательно не раскрываются – их описать вербально невозможно, нужны цветные иллюстрации; указывается только, что это цвет кузова.

В Словаре предлагается краткое определение значения каждого слова, при этом авторы старались по возможности избегать в объяснениях специальных терминов, памятуя о предназначенности Словаря для широкого круга читателей.

Примеры приводятся, если необходима иллюстрация употребления слова, демонстрирующая возможность реализации именно данного значения. Если употребление не вызывает трудностей, пример не приводится.

Если у толкуемого слова есть антонимы – они приводятся. Если есть группа синонимов – в Словаре толкуется наиболее употребительная единица, остальные толкуются через отсылку к ней.

Используемые дополнительные пометы: *эвф.* – эвфемистическое; *шутл.-ирон.* – шутливо-ироническое; *пренебр.* – пренебрежительное; *ласкат.* – ласкательное; *фам.* – фамильярное; *ирон.* – ироническое; *неол.* – неологизм; *такс.* – водители такси; *марш. такс.* – водители маршрутных такси; *скор. пом.* – скорая помощь.

Разумеется, наш словарь на данном этапе неполный. Он включает около 1000 лексических единиц. Есть еще большой пласт устных разговорных единиц, используемых автомеханиками, дизайнерами, сборщиками автомобилей, автомобильными мошенниками и др., которые не попали в собранный нами материал. Есть многочисленные региональные и групповые разговорные единицы, которые также во многом остались вне нашего материала. Ряд единиц, включенных в словарь, возможно, носит чисто региональный характер – такие единицы не используются за пределами отдельного региона (например, местные названия дорог).

Мы рассматриваем данный вариант словаря как заявку на создание полноценного словаря разговорной автомобильной лексики русского языка. Региональный аспект в словаре не конкретизирован, это возможно на следующем этапе работы над словарем – словник должен быть проверен на региональный характер и региональную употребимость.

Фрагментарно представлены пометы, характеризующие групповой характер словоупотребления – указаны лишь таксисты, водители маршрутных такси, дальнобойщики, продавцы (менеджеры) автосалонов, поскольку выявить и охарактеризовать групповой характер употребления единиц на данном этапе исследования не представлялось возможным.

Нашей задачей было собрать словник разговорной автомобильной лексики, выявив и описав семантику как можно большего количества разговорных единиц. Затем планируется региональное расширение, региональная верификация и групповая идентификация выявленных единиц.

М.В. Шаманова (Ярославль)

ЛЕКСЕМА ОБЩЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Для описания психолингвистического значения лексемы *общение* в языковом сознании старшеклассников был использован метод субъективных дефиниций.

Испытуемым предлагалось письменное задание: «Продолжите фразу: *Общение – это...* (*общаться – это...*). Время на выполнение задания не ограничивалось. В эксперименте приняло участие 163 учащихся 11-х классов.

Приведем результаты эксперимента (за исключением единичных реакций):

Общение – это... 163: *обмен информацией* 36; *разговор* 35; *друзья* 15; *беседа* 10; *времяпровождение*; *отдых*; *понимание* 8; *взаимоотношения* 7; *обмен мыслями*; *обсуждение общих тем*; *помощь* 6; *диалог*; *люди*; *обмен мнениями*; *обмен эмоциями*; *смысл жизни* 5; *знакомство*; *интерес*; *смех* 4; *выражение чувств*; *наслаждение*; *передача информации*; *познание нового*; *получение информации*; *радость*; *разговор с друзьями*; *связь*; *сплетни*; *человек* 3;

взаимоотношения между людьми; выгода; вынужденная мера; выражать свои мысли; выражение своих мыслей; дружба; духовный контакт; знания; игра; необходимость; новости; обмен информацией между людьми; обмен мыслями между людьми; обсуждение проблем; обсуждение разных точек зрения; окружающие; повод для контакта с человеком; получение совета; разговор людей; разговор между людьми; расширение кругозора; удовольствие; форма поведения в обществе 2. Отказ 6. Всего было получено 336 реакций.

Далее сходные по смысловому содержанию ассоциаты обобщались, их частотность суммировалась. По методике, описанной И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой [Стернин, Рудакова 2011], на основе данных эксперимента было сформулировано психолингвистическое значение слова *общение* в языковом сознании старшеклассников.

ОБЩЕНИЕ

1. Разговор с собеседниками

Диалог 74 на общую 6 или на определенную 1 тему с собеседниками 65, при встрече 3, на работе 1, с использованием вербальных средств 2, предполагает обмен информацией 52, мнениями 30, эмоциями 10, советами 2, сплетнями 3, опытом 1, приводит к взаимопониманию 10, дает возможность познания 10, является формой проведения времени 8, дает возможность отдохнуть 8, развлечься 1, доставляет удовольствие 6, радость 3, вызывает интерес 4, имеет воздействие на другого человека 1, оставляет впечатления 1, предполагает наличие коммуникабельности 1, коммуникативных умений 1, может быть в письменной форме 1, по телефону 1, способствует развитию личности 1 и развитию речи 1, является тратой времени 1, веселый 4, эмоциональный 2, несодержательный 1, непосредственный 1, опосредованный 1. Всего 318 реакций

2. Взаимные отношения между людьми

Взаимосвязь 25 с людьми 65 с установлением дружеских 5, духовных 2, конфликтных 1, уважительных 1 отношений, взаимопонимания 10, на работе 1, дает возможность познания 10, возможность проявить себя в обществе 3, влиять на других людей 1, имеет целью отдых 8, оказание помощи 6, знакомство 4, развлечение 1, является потребностью 6, необходимостью 4, доставляет удовольствие 6, радость 3, оставляет впечатления 1, вызывает доверие 1, предполагает наличие общих интересов 1, способствует развитию личности 1, реализуется в игре 2, предполагает наличие коммуникабельности 1 и коммуникативных умений 1, является тратой времени 1, непосредственная 1, опосредованная 1, постоянная 1. Всего 169 реакций

3. Взаимосвязь с окружающим миром

Взаимосвязь 25 посредством Интернета 1 и книг 1. Всего 27 реакций

4. Рассказ

Рассказ 1 на определенную тему 1. Всего 2 реакции

Неинтерпретируемые реакции: *выгода 2, повод 2, выбор 1, стрела 1.*

Психолингвистическое описание позволило выявить три коммуникативных значения, не отраженные в современных толковых словарях русского языка:

1) «разговор с собеседниками»; 2) «взаимосвязь с окружающим миром»;

3) «рассказ». Проведение подобных экспериментов с другими группами испытуемых (см., например, [Шаманова 2012, 2015]) дает возможность проследить динамику становления семантики конкретной лексемы в сознании носителей русского языка различных возрастных групп.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание. Saarbrücken, 2011.

Шаманова М.В. Психолингвистическое значение лексемы *общаться* в языковом сознании дошкольников // Вознесенские казармы: альманах филологии и коммуникации. Ярославль: ЯрГУ, 2012. Вып. 1. С. 47-52.

Шаманова М.В. Психолингвистическое значение лексемы *общаться* в языковом сознании первоклассников // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Истоки, 2012. Вып. 3. С. 89-95.

Шаманова М.В. Лексема «общение» в языковом сознании подростков // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы межрегиональной научной конференции. Воронеж: Истоки, 2015. С. 65-66.

А.В. Юрьева (Ярославль)

ВЫЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ ТОПОНИМОВ ПРИ ПОМОЩИ НАПРАВЛЕННОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (на примере Даниловского р-на Ярославской области)

Часто мы употребляем в нашей речи топонимы только как имена собственные, как будто не имеющие никакого смыслового значения и обладающие лишь номинативной функцией [Мурзаев 1974, с. 9].

Автор исследования уже несколько лет занимается созданием топонимического словаря Даниловского района Ярославской области. Топонимия этого региона имеет следующую особенность: населенные пункты и объекты микротопонимии носят в основном названия славянского происхождения, тогда как большинство названий водных объектов имеют субстратное, предположительно, финно-угорское происхождение. Мы решили отобрать шесть субстратных (*Пеленга/Пеленда, Вожа, Касть, Киргадка, Соть, Кирехоть*) и шесть славянских потапонимов (*Холопка, Чернава, Вандышка, Каменка, Лунка, Мускулка*) и выявить особенности восприятия этих названий местными жителями.

Нами было опрошено 58 жителей Даниловского района. Небольшое число респондентов оправдано тем, что мы исследуем региональную специфику восприятия. Как отмечает А.А. Залевская, «культурная специфика ассоциативных реакций может проявляться как в частотных, так и в единичных ответах уже при 50 испытуемых. <...> Региональные особенности идентификации исследуемых слов могут проявляться при небольшом (до 50) количестве испытуемых» [Залевская 2011, с. 200].

На 12 слов-стимулов было получено 686 реакций. У некоторых респондентов на определенные стимулы реакций не возникало, другие, напротив, сразу давали 2-3 реакции на один стимул. Было опрошено несколько возрастных групп: до

18 лет (5% опрошенных), от 18 до 35 лет (13% опрошенных), старше 35 лет (82% опрошенных). Респондентам задавались следующие вопросы: *Что означает это название? Как оно переводится? Какое оно? С чем ассоциируется?*

Эксперимент позволил выявить следующие особенности восприятия топонимов.

1. Респонденты часто опираются на свой жизненный опыт (*детство, купание, лагерь*), на географические особенности местности (*приток, хороший лес, полноводная*), на историю того или иного объекта топонимии (*польская интервенция, татаро-монголы, судоходная*).

2. Для объяснения этимологии большинство респондентов пытаются найти в современном русском языке похожие слова, что характерно для народной этимологии (Пеленга/Пеленда – *пелена*, Вожа – *вожжи*, Касть – *впасть*, Соть – *соты, сотка, сочная, суть*, Холопка – *холоп, хлопать*, Лунка – *луна* и т.д.). Устоявшуюся в науке этимологию дал только один респондент (Пеленга/Пеленда – *вкусная вода*).

3. Очень часто топоним определяется через другие имена собственные, чаще всего – чрез микротопонимы (*Данилов, Горушка, Стрелка, Ласточкины Гнёзда, Соборный Дом*), имена (*Кирехоть – Кирилл, Вандышка – Ванда* и т.д.).

4. Респонденты 1 и 2 возрастных групп (18% опрошенных) чаще пытались отстраниться от своего эмпирического опыта (*мягкая, желтая, закрученная*), чем респонденты 3 возвратной группы.

5. На непонятные респондентам финно-угорские названия было дано заметно меньше реакций, чем на славянские (Кирехоть – 33 реакции, Киргадка – 39 реакций). Но реакций даже на субстратные названия популярных в регионе больших рек (Пелега/Пелегда – 84, Соть – 81, Касть – 72) все равно было дано больше, чем на малоизвестные слова-стимулы славянского происхождения (Холопка – 56, Чернава – 50).

6. И финно-угорские, и славянские названия могут восприниматься и как свои (Касть – *родная*, Киргадка – *русская*, Каменка – *знакомая*, Кирехоть – *моя*), и как чужие (Вожа – *неизвестная*, Вандышка – *иностранное*). Прозрачность / непрозрачность этимологии на это не влияют.

Можно сделать вывод о том, что в исследуемом регионе топонимы воспринимаются местными жителями, прежде всего, как слова, отсылающие к определенному географическому объекту. Респондентами предпринимаются попытки этимологизировать эти названия, однако при этом они зачастую опираются на существующие в современном русском языке слова, на имена, похожие названия. Опора только на русский язык объясняется тем, что происхождение субстратных названий до сих пор остается сложной проблемой. Многие языки, опираясь на которые можно этимологизировать топонимы, являются мертвыми или не используются на территории района.

Перспективой исследования является проведение подобных экспериментов на территории Вологодской области и Республики Карелия. В Вологодской области процент субстратных названий выше, чем в Даниловском районе, но ниже, чем в Карелии. Двигаясь с юга на север, интересно проследить, как меняются представления о топонимах, на что в первую очередь обращают внимание жители регионов, где имеет место двуязычие (Республика Карелия) и развиты

диалекты (Вологодская область), а количество славянских и субстратных названий меняется в сторону последних.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь, 2011. 240 с.
Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974. 382 с.

Г.С. Яроцкая (Одесса)

СЕМАНТИКА «СЛУЖЕНИЯ» В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Изучение языковой репрезентации ценностей в исторической ретроспективе является актуальным, поскольку, во-первых, язык и коммуникативная деятельность выступают важной формой объективации ценностей, открывая доступ к ценностно-нормативной системе социума; во-вторых, в каждый конкретно-исторический период коллективное национальное сознание и сознание отдельных индивидуумов могут быть охарактеризованы по системе их ценностных приоритетов.

В данной работе мы рассматриваем концептуализацию трудовой деятельности в московский период, основной особенностью которого, с нашей точки зрения, была смена ценностной парадигмы, обусловленная влиянием православной аксиосистемы на обыденное сознание носителей русской лингвокультуры (далее – РЛК). Материалом исследования послужили сведения из этимологических и толковых словарей исследуемого периода.

Изменения, произошедшие в концептуализации труда в русском языковом сознании московского периода (XIV-XVIII вв.), тесно связаны с социально-экономической и политической ситуацией в государстве, которая может быть описана посредством обращения к ключевым словам-идеологемам – индикаторам политической и экономической жизни государства: *служение* (*служба, слуги, служилые / служивые, неслужилые / неслуживые*), *жалование, милости, местничество, опала, рабы, холопы, повинности, повиновение, податное бремя, тягло* и др.

Взгляд, согласно которому верховный правитель Московского царства одновременно является и личным собственником всей земли со всеми ее ресурсами, приводит к тому, что весь народ оказывается его свободными или несвободными *слугами*, которым позволено пользоваться земельными или иными угодьями на условиях выполнения определенных обязанностей и *повинностей* в пользу владельца.

Из исторических источников известно, что в Судебнике Ивана III (1497 год) все население Московского государства, за исключением духовенства, делится на две категории – *служилых и неслужилых*, – воинов, которые «*собирают русскую землю*», и всех прочих – тех, кто кормит армию во время: все они подчинены единому порядку, который возлагает на них, прежде всего, *податное бремя*.

Все внутреннее устройство Московского государства «покоилось на

принудительном разверстывании обязательных *повинностей* и *служб* между отдельными группами населения с безвыходным прикреплением каждой группы к ее специальной службе и ее специальному *тяглу*; все население – от последнего холопа до первого боярина – оказывалось, таким образом, закрепощенным без возможности сколько-нибудь свободно распоряжаться своим существованием <...> Зависимость крестьянина от служилого землевладельца была лишь своеобразной формой *службы* крестьянина тому же государству» [Кизеветтер 1923, с. 8].

Г. Ревзин, комментируя принятый современной российской властью закон под названием «акт Магнитского», отметил, что в современной российской ментальности актуальной является идея, согласно которой «все граждане российского государства полагаются собственностью российского государства точно так же, как при Иване Грозном все они полагались холопами царя. Страна – его вотчина, то есть он всем отец и распоряжается судьбами детей» [Ревзин 2012]. В связи с этим уместно напомнить, что в русском языке слова *ребенок*, *робкий*, *раб* происходят из одного корня и означают близкие понятия – бесправное существо: ср. «...Праслав. *orbe содержит корень *orb- <наследник>, <сирота>, <дитя>, <робкий>, давший ст.-сл. раб-ъ и др.-рус. робъ ... Праслав. *orb- восходит к и.-е. *orbh- <маленький>» [Цыганенко 1989, с. 353]. Лексемы с корнем -об- (*роба*, *робица*, *робична* – рабыня, служанка, а также *робливый/рабливый* – робкий, боязливый, *робя* – ребёнок, *робята* – о слугах, о работниках [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 23, с. 169] и т. д. подтверждают наличие пресуппозитивных семантических компонентов бесправия и зависимости «детей» от воли «родителей». С учетом метафорического осмысления царя как *отца* народа и народа как *детей царёвых*, можно предположить существование в русском языковом сознании презумпции подчинения народа своему правителю.

Одной из идеологем, привнесенной православным дискурсом, была лингвокультурная идея жертвенности, формирующая этику служения, впоследствии ставшую в оппозицию к «достижительной» этике успеха западного общества. Ср.: *служительство* – священство, *служительствующий* – тот, кто участвует в отправлении богослужения в церкви [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 25, с. 121]; *служебникъ* – 1. Слуга, служитель. 2. Служитель церкви – священнослужитель <...>; *служевание* – поклонение, культ. *Служитель* – 1. Тот, кто находится в услужении, служит кому-л., чему-л., слуга. 2. Служитель, исполнитель (по отношению к вере, воле Бога и т. п.) [там же].

Поскольку сверхценностью был царь-батюшка, божий помазанник, то служение государю (*служба государева* – воинская повинность в пользу государства) приравнивалось к служению и поклонению Богу. Таким образом, идея служения, первоначально возникнув в православном дискурсе, распространилась в качестве идеологемного компонента в структуру концепта ТРУД, вследствие чего труд стал рассматриваться как служение государю, и вся трудовая деятельность, служба направлена на благо царя, отечества. Ср. *Служити кому-л. своими головами* – не щадить жизни на службе [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 25, с. 136]; *Служити* – находиться на службе, в услужении. 2. Действовать для чьей-либо пользы, во благо кому-л. 3. Поклоняться, совершать

религиозные действия. 4. Быть служителем Богу, исполнителем его воли <...> [там же].

Служение предполагает ценность таких черт, как почтительность и покорность служителя, которые входят в образно-перцептивную зону концепта ТРУД: ср. *служительный* – находящийся на службе, служащий. 2. Выражающий почтительность и покорность [там же]. В РЛК активность, инициативность и энергичность как характеристики деятеля-служителя не входят в число значимых признаков, присущих концептуализации субъекта труда. Высшей ценностью служебной деятельности не может быть социальная значимость действующего субъекта. Напротив, эта деятельность выполняется тем лучше, чем более самоумаляет себя человек во имя служебного долга. В идеале служащий должен быть готов принести себя в жертву.

Служба, с одной стороны, концептуализируется как проявление заботы и помощи со стороны служителя, человека, находящегося в услужении, с другой, как форма выкупа из неволи, отрабатывание долга. Ср. *служба* – 1. Прислуживание, услуга. 2. Служба, исполнение приказаний. 3. Служба, исполнение обязанностей. 4. Служение. 5. Должность, вид повинности, покорность, польза, средство, богослужение. *Выслужити* – 1. Возместить, оплатить службой [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 25, с. 249]. *Выслужитися* – 1. Службой отработать долг, выкупиться из неволи [там же]. *Отслужити* – возместить услугой или службой, отслужить [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 14, с. 31]. *Послуживецъ*, м. Человек, состоящий на службе, слуга. *Послужити* – 1. Выполнить чью-л. волю; подчиниться, послушаться. 2. Быть на какой-л. службе, в услужении, прислуживать; служить, послужить. 6. Оказать услугу, помощь [там же, с. 187]. Таким образом, на аксиологическом уровне концептуализации труда мы выделяем когнитивные признаки «служение», «услуга», «содействие», «попечение».

Инвариантным значением для репрезентантов концепта ТРУД в исследуемый период является 'осуществление деятельности как долга и обязанности субъекта', поскольку семы 'принуждение' (внутреннее или внешнее), 'подчинение' присутствуют в значениях лексем *трудъ*, *работа*, *служба*. Вербализация Эго-деятельности, то есть работы на себя, в собственных интересах, в целях получения прибыли, выгоды, не фиксируется в однословных номинациях.

Кизеветтер А.А. Крестьянство в России // Крестьянская Россия. Т. II-III. П.: Крестьянская Россия, 1923. С. 8.

Ревзин Г.Г. Об акте Магнитского [Электронный ресурс]. 2012 Режим доступа: www.kommersant.ru/doc-y/2094133.

Словарь русского языка XI-XVII вв. [Электронный ресурс]. Вып. 1-28 (1975-2008). Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>. Загл. с экрана.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3-х т. Репринтное издание [Электронный ресурс]. М.: Книга, 1989. Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>. (Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского). СПб., 1893.

Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. / Галина Павловна Цыганенко. К.: Рад. шк., 1989. 511 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авдеева Н.П.</i> Семантика слова во внутренней речи персонажей (на материале рассказов А.П. Чехова)	3
<i>Баланчик Н.А.</i> Особенности номинации и парадигматики фитонимов в говорах Кузбасса	5
<i>Балашова Л.В.</i> Основные подходы к исследованию метафоры в современной антропологической научной парадигме	7
<i>Богданова Л.И.</i> Новые слова: проблема толкования	9
<i>Бурак М.А.</i> Психолингвистические и интонационные особенности функционирования тропов в речи ведущих информационно-аналитических программ российского телевидения	12
<i>Буряковская В.А.</i> Некоторые тенденции развития лексики (на материале русско- и англоязычного медиадискурса)	14
<i>Бутакова Л.О., Гуц Е.Н.</i> Возрастные особенности ассоциативной семантики	17
<i>Валеева Л.В.</i> Доминанты семантической категории <i>плутовство</i> в современном русском языке	19
<i>Виноградова О.Е.</i> Стимульный материал направленного ассоциативного эксперимента при углубленном описании семантики слова ...	21
<i>Дементьев В.В.</i> Лексико-семантический аспект изучения не прямой коммуникации	23
<i>Дьяконова Е.А.</i> Психолингвистическое значение слова <i>Москва</i>	25
<i>Карпова В.В.</i> Постмодернистская концепция Автора в романе А. Битова «Пушкинский дом»	27
<i>Коваленко С.В.</i> Сопоставительный анализ имен политиков: семантический аспект (экспериментальное исследование)	28
<i>Козельская Н.А.</i> Экспериментальное изучение гендерной специфики значения слов (на примере лексем <i>бизнесмен</i> и <i>бизнесвумен</i>)	30
<i>Колесникова Е.И.</i> Опыт сопоставительного исследования гендерных особенностей семантики слова (на материале слова <i>думать</i> в мужском и женском языковом сознании)	32
<i>Лазарева М.Н.</i> Прагматическая синонимия как фактор семантизации фитонимов в терминологиях близких наук (на материале французского языка)	34
<i>Литвинова Л.А.</i> Лингвокультурологический аспект описания значения слова <i>village</i> (на материале паремий и синонимов в английском языке)	36
<i>Литвинова Ю.А.</i> Психолингвистическое значение лексемы <i>megacity</i> по данным НАЭ	39
<i>Лыткина О.И.</i> Концепт «Америка» в русском языковом сознании ..	41
<i>Маклакова Е.А.</i> Об эквивалентности переводных лексических соответствий	43

<i>Малькова В.В.</i> Интенсификация свойств предметов как особенность ассоциативного содержания русских и немецких слов (на материале устойчивых сравнений)	45
<i>Махрова М.М.</i> Лингвистические особенности современной русскоязычной инфографики-рецепта с точки зрения языкового сознания носителя языка	47
<i>Меньшикова В.В.</i> История брачных объявлений в языковой картине мира	49
<i>Милованова И.В.</i> К вопросу об описании лексических единиц в терминологических словарях	51
<i>Миронова Л.В.</i> Проблема фольклора и «фальшлора» советского периода (на примере пословиц и поговорок)	53
<i>Миронова Н.И.</i> Коннотативная информация в толковании значения словосочетания	55
<i>Никаева Т.М., Соловьева Е.В.</i> Образ малой родины в языковом сознании современных молодых людей	57
<i>Новоселова О.В.</i> Категория коммуникативной справедливости и ее семантическое наполнение	59
<i>Нуриева С.Г.</i> Выражение значения будущего времени у носителей различных языков	62
<i>Пимкина Е.С.</i> Скептик в русском языковом сознании	64
<i>Пляскина Е.И.</i> Диалектные метафоры-зоонимы в романе К.Ф. Седых «Даурия»	66
<i>Привалова И.В.</i> Языковое сознание и значение	70
<i>Растегаева Т.В.</i> Возрастная маркированность семантики слова <i>любить</i>	72
<i>Розенфельд М.Я.</i> Моделирование лексикона писателя на базе ключевых слов художественного текста	74
<i>Романов А.А., Малышева Е.В.</i> Психологический базис телесной реакции собеседника в диалоге	76
<i>Романов А.А., Романова Л.А.</i> Бенефициарные смыслы в коммуникативной инфосфере	79
<i>Рудакова А.В., Вальтер Н.В.</i> Особенности психолингвистического значения прилагательных высшей оценки (на примере лексем <i>бесподобный, божественный, потрясающий</i>)	81
<i>Сдобнова А.П.</i> «Я» в языковом сознании школьников	82
<i>Скаврон Е.А.</i> Семантика слова в словарной статье и в экспериментальном дискурсе (языковое сознание подростка)	84
<i>Соколова-Сторчай Э.Ю.</i> Лексикографическое и психолингвистическое описание синонимов	86
<i>Старостина Е.В.</i> Стереотипные вербальные связи стимул-реакция и их типы	88

<i>Стернин И.А.</i> Возрастная динамика развития психолингвистического значения лексемы <i>вежливый</i>	90
<i>Стернина М.А.</i> К вопросу о создании серии словарей	93
<i>Талицкая А.А., Шаманова М.В.</i> Психолингвистическое значение лексемы <i>жизнь</i> в русском языке	96
<i>Тарабукина М.В.</i> «Русско-якутский тематический словарь» и аспекты систематизации лексики	99
<i>Тарновская Л.</i> Оценочная семантика в языковом сознании подростка	102
<i>Тихонова Н.А.</i> Современный лингвострановедческий словарь: проблема создания	103
<i>Токарев Г.В.</i> Семантическая специфика категоризации <i>пьянства</i> в русской картине мира	105
<i>Тяньдэ Хуан</i> Образ «Я» в языковом сознании носителей китайского языка	106
<i>Цофина Ю.А.</i> Экспериментальное выявление семантики междометий	108
<i>Чалый В.В.</i> К вопросу о лексико-семантической характеристике речевого поведения персонажей художественного текста	109
<i>Черкашин А.</i> Психолингвистическое значение наименования лиц по национальности (на примере лексемы <i>еврей</i>)	112
<i>Шаламова Э.В.</i> О подготовке словаря русской разговорной автомобильной лексики	114
<i>Шаманова М.В.</i> Лексема <i>общение</i> в языковом сознании старшеклассников	115
<i>Юрьева А.В.</i> Выявление особенностей восприятия топонимов при помощи направленного ассоциативного эксперимента (на примере Даниловского района Ярославской области)	117
<i>Яроцкая Г.С.</i> Семантика «служения» в истории русской лингвокультуры	119